

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 31

2024

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский филиал РАНХиГС, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Адрес сайта журнала: <http://legallinguistics.ru/>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права	
Рехтина И.В., Тимофеев Е.И. МАКСИМЫ ДРЕВНЕГО РИМА КАК ОСНОВА РЕЖИМА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА	6
Юридическая герменевтика	
Мелюханова Е.Е. НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАТЕГОРИЗАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	12
Салтыков К.Г. ОСОБЕННОСТИ ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНА «ЗАВЕЩАНИЕ» В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ	20
Юридическая техника	
Авилова О.Е., Зеленин Ю.А., Синкин К.А. ПОНЯТИЕ «ТРАДИЦИОННАЯ РЕЛИГИЯ (КОНФЕССИЯ)»: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	24
Кiryushina И.В. ТРАНСГРАНИЧНОЕ БАНКРОТСТВО: ПОНЯТИЕ, ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ, ПРАКТИКА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	27
Полтарыхин В.А. ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «НЕЦЕЛЕВОЕ РАСХОДОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ» (СТ. 285.1 УК РФ)	34
Тыдыкова Н.В. О ПОНЯТИИ ЕДИНОГО ПОЛОВОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ	40
Правовая коммуникация	
Воронина Л.В., Лопатин Е.А. КОГНИТИВНО-РИТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	45
Печатнова Ю.В. СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ АМЕРИКАНСКОГО СУДЬИ РИЧАРДА ПОЗНЕРА	52
Федорченко Е.А. О ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ МОДЕЛИРОВАНИИ ЗАЩИТИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	57
Речевые правонарушения	
Онкина И.Ю. НЕБЕЗОПАСНАЯ ТЕМАТИКА В АСПЕКТЕ АКТУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ЛГБТ-ПРОПАГАНДЫ	63
Лингвоэкспертология	
Кузнецов В.О. АКТУАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РЕЧЕВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ И СУДЕБНЫЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ	71
Спирев Д.В. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ ОСКОРБЛЕНИИ ЧЛЕНОВ УЧАСТКОВЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ	78

<i>Огорелков И.В.</i> ПОДСТРОЙКА ПОД ПИСЬМЕННУЮ РЕЧЬ КОНКРЕТНОГО ЛИЦА КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ МАСКИРОВКИ	83
--	----

CONTENTS

Language of Law	
<i>Rehtina I.V., Timofeev E.I.</i> THE MAXIMS OF ANCIENT ROME AS THE BASIS FOR LEGAL CERTAINTY OF MODERN CIVIL LITIGATION	6
Legal hermeneutics	
<i>Melyukhanova E.E.</i> NON-CLASSICAL THEORY OF CATEGORIZATION IN CRIMINAL LAW	12
<i>Saltykov K.G.</i> FEATURES OF THE MEANING OF THE TERM «TESTAMENT» IN JUDICIAL DISCOURSE	20
Legal Techniques	
<i>Avilova O.E., Zelenin U.A., Sinkin K.A.</i> THE CONCEPT OF TRADITIONAL RELIGION (CONFESSION): LEGAL ASPECT	24
<i>Kiryushina I.V., Kovalenko E.Y.</i> CROSS-BORDER BANKRUPTCY: CONCEPT, FUNDAMENTALS OF LEGAL REGULATION, LAW ENFORCEMENT PRACTICE	27
<i>Poltarykhin V.A.</i> LEGAL AND LINGUISTIC ANALYSIS OF THE CONCEPT OF DIVERSION OF PUBLIC FUNDS (ARTICLE 285.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)	34
<i>Tydykova N.V.</i> ON THE CONCEPT OF A SINGLE SEXUAL CRIME	40
Legal Communication	
<i>Voronina L.V., Lopatin E.A.</i> COGNITIVE AND RHETORICAL ASPECTS OF THE ORGANIZATION OF MODERN LEGAL COMMUNICATION	45
<i>Pechatnova Yu.V.</i> STYLE FEATURES OF JUDICIAL DECISIONS OF AMERICAN JUDGE RICHARD POSNER	52
<i>Fedorchenko E.A.</i> LINGUOCOGNITIVE MODELING OF DEFENSIVE SPEECH IN MODERN LEGAL PROCEEDINGS	57
Speech Offenses	
<i>Onkina I.Yu.</i> SENSITIVE TOPICS RELATED TO LGBT PROPAGANDA IN RESPECT OF CURRENT LEGISLATION	63
Linguoexpertology	
<i>Kuznetsov V.O.</i> UPDATING OF THE RUSSIAN LEGISLATION ON SPEECH OFFENSES AND FORENSIC EXAMINATIONS OF HUMANITARIAN PROFILE	71

<i>Spirev D.V.</i> FEATURES OF THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN CASES OF INSULTING MEMBERS OF PRECINCT ELECTION COMMISSIONS	78
<i>Ogorelkov I.V.</i> ADJUSTMENT TO THE WRITTEN SPEECH OF A SPECIFIC PERSON AS ONE OF THE TYPES OF DISGUISE	83

Максимы Древнего Рима как основа режима правовой определенности современного гражданского процесса

И. В. Рехтина¹, Е. И. Тимофеев²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹jerdel80@mail.ru, ²evg.igor.timofeev@gmail.com

В статье рассматриваются базовые положения, формирующие основу (скелет) гражданского судопроизводства и его правовых режимов, которые в различной степени отражают правовую определенность гражданского процесса. Авторы раскрывают признаки режима правовой определенности, средствами которого, помимо норм права, могут являться положения, заключенные в максимах (аксиомах) гражданского процесса. В работе рассмотрены основные (базовые) максимы, иллюстрирующие отдельные аспекты правовой определенности гражданского судопроизводства. Среди таковых авторами выделены формальная определенность закона, доступность и справедливость судопроизводства, стабильность окончательных судебных постановлений, определенность и непротиворечивость судебного постановления, исполнимость судебного постановления, противодействие злоупотреблениям гражданскими процессуальными правами. Авторы приходят к выводу, что максимы в основе своей были разработаны в праве Древнего Рима, а затем были реципированы и восприняты правом других государств. При этом максимы стали основным минимальным стандартом правовой определенности. На современном этапе развития российского процессуального права наблюдается усиление внимания к механизмам *res judicata*, *estoppel lis pendens*, *non bis in idem* и нормативное усиление процессуальных аксиом, базирующихся на данных элементах. Аксиомы являются реально действующими, их игнорирование приводит к искажению нормального хода процесса и препятствует реализации режима правовой определенности в частности. Авторы видят целесообразность в использовании максим в качестве критериев разрешения конкуренции принципов гражданского процессуального права, в том числе принципа правовой определенности с иными. Делается обобщающий вывод о неизбежности процессуальных постулатов при трансформации гражданской процессуальной формы и режима.

Ключевые слова: гражданский процесс, правовая определенность, процессуальный режим, процессуальные аксиомы, процессуальная форма.

The Maxims of Ancient Rome as the Basis for Legal Certainty of Modern Civil Litigation

I. V. Rehtina¹, E. I. Timofeev²

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹jerdel80@mail.ru, ²evg.igor.timofeev@gmail.com

The article discusses the basic provisions that form the basis of civil proceedings and its legal regimes, which to varying degrees reflect the legal certainty of civil proceedings. The authors reveal the signs of the regime of legal certainty, the means of which, in addition to the norms of law, may be the provisions contained in the maxims (axioms) of civil procedure. The paper considers the main maxims illustrating certain aspects of the legal certainty of civil proceedings. Among these the authors name the formal certainty of law, accessibility and equity of procedure, consistency of a final rule of court, certainty and integrity of a rule of court, its enforceability and prevention of civil procedure abusing. The authors conclude that the maxims were basically developed in the law of Ancient Rome, and then were received and accepted by the law of other states. At the same time, maxims have become the main minimum standard of legal certainty. At the present stage of development of Russian procedural law, there is an increased attention to the mechanisms of *res judicata*, *estoppel lis pendens*, *non bis in idem* and a normative strengthening of procedural axioms based on these elements. Axioms are actually valid, ignoring them leads to distortion of the normal course of the process and prevents the implementation of the regime of legal certainty in particular. The authors see the expediency in using maxims as criteria for resolving competition of the principles of civil

procedural law, including the principle of legal certainty with others. A conclusion is made about the inviolability of procedural postulates during the transformation of the civil procedural regime.

Key words: civil procedure, legal certainty, procedural regime, procedural axioms, procedural form.

Анализируя правовую определенность, модули, в которых она раскрывается, преследуя цель вычленив максимальное возможное количество аспектов, было установлено, что стандарт правовой определенности (как минимальный набор требований, обеспеченный на законодательном, правоприменительном и доктринальном уровнях) включает требования: определенность гражданского процессуального закона, стабильность окончательных судебных постановлений (правило *res judicata*), судебное разбирательство компетентным судом в разумный срок с соблюдением правил доступности, гласности, состязательности судопроизводства (справедливое разбирательство), определенность и непротиворечивость судебного постановления, противодействие злоупотреблениям гражданскими процессуальными правами, исполнимость судебного постановления [Рехтина 2019: 51-54].

Комплексность института правовой определенности, направленного на побуждение участников процесса и, прежде всего, суда к наиболее полному и качественному рассмотрению дела для его окончательного и бесповоротного разрешения, позволяет относить его к правовым режимам. Режим правовой определенности направлен также и на поведение субъектов гражданского процесса при пересмотре дела в вышестоящих судебных инстанциях – судебный акт не может быть отменен или изменен при отсутствии предусмотренных законом оснований, а единственными факторами, позволяющими отступить от презумпции правильности обжалуемого судебного акта, являясь существенные нарушения, допущенные судом, которые влияют на правильность вынесенного решения.

Средствами данного режима выступают нормы, закрепляющие законную силу, непоколебимость и понятность (мотивированность и обоснованность) судебных актов, механизмы их обжалования. В то же время значение для формирования и развития режима, прежде всего, в контексте восприятия его участниками гражданских процессуальных отношений и выбора ими на основе этого определенного варианта поведения имеют доктринальные положения и исторически сформулированные постулаты [Тимофеев 2022: 314]. Последние имеют значение не только для правоприменения, но и для правотворчества.

Будучи подкрепленными конкретными примерами из судебной практики, вышеуказанные аспекты стандарта правовой определенности базируются и выводятся на основе максим (аксиом), разработанных древнеримским правом, а именно в Дигестах Юстиниана.

Научное течение о выделении аксиом права исходит из того, что правовая аксиома – это положение, многократно проверенное на практике и поэтому принимаемое без особых доказательств, в силу своей очевидности и истинности [Иванов 2009: 96].

А. А. Иванов пишет, что это «фундаментальные принципы человеческого существования, а также важнейшие установки правосознания, единственно делающие право возможным» [Иванов 2009: 97]. Из данного высказывания вытекает, что любой принцип права может стать аксиомой, если получит в процессе практического применения фундаментальный статус, а критерием такого отнесения выступает характер данного принципа: фундаментальный, общеправовой, отраслевой. Исходя из того, что перечень фундаментальных принципов является динамичным, может дополняться новыми принципами или изменяться путем исключения каких-либо принципов, такой взгляд на аксиомы права представляется в высокой степени дискуссионным.

Указывая, что многие из фундаментальных принципов были разработаны еще древнеримской юриспруденцией, но не потеряли своей актуальности, ученые к числу таких «непреложных, проверенных практикой положений», применимых в том числе и в сфере гражданского судопроизводства, относят: субъективному праву всегда соответствует юридическая обязанность; последствия деяния не могут быть определены иначе как по закону, действующему во время его совершения; не запрещенное нормами права и не противоречащее его принципам – разрешено; никто не может быть судьей в своем деле; пусть будет выслушана другая сторона; решение суда не должно затрагивать тех, кто не участвовал в деле; закон, устанавливающий ответственность или ужесточающий уже законодательно закрепленную, не имеет обратной силы и др. [Иванов 2009: 96].

Н. А. Чечина рассматривает в качестве аксиом гражданского процессуального права «такие процессуально-правовые нормы, которые выражая содержание морали общества, устанавливают правила поведения лиц, участвующих в процессе, и регулируют отношения, складывающиеся в период и в результате осуществления правосудия по гражданским делам» [Чечина 1987: 88].

Связывая содержание выраженных в гражданских процессуальных нормах аксиом с общечеловеческой моралью, в том числе и моралью различных слоев общества, ученый к ним относит следующие положения: истец должен доказать обстоятельства, на которые он ссылается (данное правило не действует при наличии доказательственных презумпций и перераспределении обязанностей по доказыванию); действие судьи, которое не входит в его компетенцию, является ничтожным (в случае подведомственности и подсудности по связи дел, применяя аналоги закона и права, судья совершает действия, прямо не входящие в его компетенцию, но впоследствии имеющие юридическую силу); суд имеет дело с доказательствами, которые перед ним; каждый иск (жалоба) ограничен пределами определенного времени (при необходимости соблюдать срок рассмотрения дела возможны случаи приостановления производства по нему); общеизвестные обстоятельства (явные истины) не подлежат доказыванию в суде; показания свидетелей оцениваются, исходя из их значения, а не количества (возможны ситуации

недопустимости средств доказывания в процессе и присутствия необходимых доказательств, когда количество имеет значение); решения суда не должны затрагивать тех, кто не участвовал в деле [Чечина 1987: 92].

Анализируя выработанные в древнеримском праве и апробированные практической юриспруденцией максимы (аксиомы), можно предположить, что стандарт правовой определенности был сформирован еще в праве Древнего Рима, получая несколько иную, специфическую интерпретацию в современных условиях. Необходимо рассмотреть основные (базовые) максимы, иллюстрирующие отдельные аспекты правовой определенности гражданского судопроизводства.

1. Формальная определенность закона выражается в стабильности правовой нормы с четкими границами ее действия: темпоральными, территориальными, по субъектному составу. Иными словами, гражданин вправе рассчитывать на стабильность условий правового регулирования, соответствующий порядок, исключение придания закону обратной силы. Государство, в свою очередь, вправе рассчитывать на добросовестность поведения гражданина [Экштайн 2004: 3-6].

Смена режима правового регулирования, принятие нового закона, вводящего новые правила, сами по себе не могут рассматриваться как исключаящие права субъектов. Правомерные ожидания граждан не могут нивелироваться новым (иным) подходом законодателя к регулированию устоявшейся группы отношений, а закон не может иметь обратной силы и распространять свое действие на предшествующий период времени [Решение ЕСПЧ 2018]. Сюда же относится и обязанность государства информировать граждан о вводимых новых режимах, средствах защиты, порядках обжалования [Постановление ЕСПЧ 2012].

Данный аспект подтверждается максимами: *lex posterior derogat priori* – позднейшим законом отменяется более ранний; *lex prospicit non respicit* – закон смотрит вперед, а не назад; *lex retro non agit* – закон не имеет обратной силы; *res est misera ubi jus est vagum et incertum* – плохо дело, когда закон неясен и неопределен; *dura lex, sed lex* – суров закон, но это закон; *non rex est lex, sed lex est rex* – не царь есть закон, но закон есть царь; *legem brevem esse oportet* – закон должен быть кратким.

2. Доступность и справедливость судопроизводства предполагает возможность обращения в судебные органы за защитой; возможность быть участником процесса; право субъекта быть информированным о разбирательстве в отношении него дела; возможность инициировать ординарный пересмотр не вступивших в законную силу судебных актов; соблюдение требований подведомственности и подсудности.

Вопросы доступности судопроизводства выступают ключевыми при определении соблюдения требований правовой определенности. Отсутствие доступности средств защиты для конкретного субъекта всегда рассматривается судебным органом как нарушающее принцип правовой определенности [Постановление ЕСПЧ 2018]. При этом учитываются не только текст закона, но и порядок, практика, контекст его применения (например, наличие административного ресурса, способного влиять на суды, возможность дискреционных вмешательств должностных лиц) [Терехова 2014: 92-95].

Справедливость судебного разбирательства компетентным судом в разумный срок с соблюдением правил доступности, гласности, состязательности основывается на группе максим: *nemo iudex in propria causa* – никто не судья в собственном деле; *iudex habere debet duos sales, salem sapientiae ne sit insipidus et salem conscientiae, ne sit diabolus* – судья должен обладать двумя свойствами: свойством мудрости, чтобы он не был глупым, и свойством совести, чтобы он не был жестоким; *expedit reipublicae ut sit finis litium* – окончание судебной тяжбы на пользу государству; *res inter alios acta aliis neque nosere, neque prodesse potest* – решение тяжбы между двумя лицами не может быть ни во вред, ни на пользу третьему лицу; *audiatur et altera pars* – следует выслушать и противную сторону (о беспристрастном рассмотрении споров); *in iudicando criminosa est celeritas* – в судебных делах поспешность преступна; *actori incumbit onus probandi* – бремя доказывания лежит на истце; *ei incumbit probatio, qui dicit, non qui negat* – тяжесть доказательства лежит на том, кто утверждает, а не на том, кто отрицает; *reus iisdem privilegiis utitur, quibus et actor* – ответчик пользуется теми же правами, что и истец.

3. Стабильность окончательных судебных постановлений означает невозможность пересмотра и отмены окончательного судебного постановления (уважение правила *res iudicata*). Данное требование включает совокупность субтребований (мини-требований):

недопустимость повторного рассмотрения однажды разрешенного судом дела (завуалированный повторный пересмотр, иное мнение суда по тем или иным вопросам, вынесение иного по содержанию решения);

допускается пересмотр «окончательного» судебного решения только в целях исправления существенной судебной ошибки, несовместимой с понятием справедливого судебного разбирательства, наличие четких критериев (оснований), дающих право преодолеть законную силу судебного решения;

пересмотр только таких окончательных решений, которые заслуживают третьего судебного разбирательства»; формирование третьей судебной инстанции как исключительной (экстраординарной); исключение дискреционных вмешательств должностных лиц в пересмотр окончательных судебных постановлений.

Обеспечивается данный аспект максимами: *ab omni iudicio provocari licet* – по всякому судебному решению можно апеллировать; *adhuc sub iudice lis est* – дело еще у судьи; дело еще не решено; *non reformatio in peius* – невозможность ухудшить положение (запрет поворота к худшему).

4. Определенность и непротиворечивость судебного постановления, которая вытекает из постулатов: *auctoritas rei iudicatae* – авторитет прецедент судебного решения; *judicis est jus dicere non dare* – судье подобает творить суд, а не создавать право; *justitia est obtemperatio scriptis legibus* – правосудие – это повиновение писаным законам; *justitia nemini neganda est* – в правосудии нельзя отказать никому; *res iudicata pro veritate habetur* – судебное решение должно

приниматься за истину.

5. Исполнимость судебного постановления: своевременное исполнение судебного акта, «оставление коего в бездействии вело бы к прозрачности гражданских правоотношений сторон» [Афанасьев 2009: 15]. Исполнение судебного постановления в принудительном порядке должно обеспечиваться на внутригосударственном уровне, иначе теряется смысл самого права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, которое без надлежащего исполнения не достигает конечной цели, а именно защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов.

6. Противодействие злоупотреблениям гражданскими процессуальными правами – запрет на недобросовестное поведение участников процесса, поскольку злоупотребления правами нарушают нормальное движение экономического оборота, судебных процессов, нивелируют правовую определенность. Механизм противодействия злоупотреблениям процессуальными правами (их предупреждение, выявление, пресечение, ответственность) естественным образом включаются в стандарт правовой определенности гражданского судопроизводства [Eschment 2010: 2]. Данный тезис подтверждается правоприменительной практикой [Постановление ЕСПЧ 2007].

Группа правовых максим, где используется термин добросовестность или запрет злоупотреблениями, либо таковая подразумевается, подчеркивается: *lex homines recte facere jubet, vetat delinquere* – закон приказывает поступать правильно и запрещает противоправные действия; *pacta sunt servanda* – договоры должны соблюдаться; *abusus non tollit usum* – злоупотребление не отменяет употребления; *bona fides semper praesumitur, nisi malam fidem adesse probetur* – если не доказан злой умысел, всегда предполагается добросовестность.

Максимы играют важную роль с точки зрения определения границ режима правовой определенности. Они, являясь наиболее концентрированными формулами процесса, выработанными и проверенными на протяжении долгих лет, имеют воздействие на поведение участников процесса. Аксиомы, с одной стороны, имеют значение исходных начал процесса, повышающих его эффективность (что роднит их с принципами), с другой стороны, отличаются более однозначным формулированием (что указывает на их схожесть с конкретными нормами). Последнее позволяет участникам гражданских процессуальных правоотношений воспринимать их более ясно и выстраивать свое поведение в процессе соответствующим образом.

Рассмотренные максимы побуждают участников процесса защищать нарушенные права и законные интересы в суде с активным участием заявителя и правом обжалования судебных актов, следовать закону, не допускать противоправных и недобросовестных отступлений от закона под угрозой применения конкретных правовых санкций. В конечном счете из этого складывается режим правовой определенности. Значение максим выражается в том, что они являются системообразующими постулатами для принципов и режимов, ими образованных.

Таким образом, можно сделать выводы:

- максимы были закреплены в праве Древнего Рима. Наиболее детальное их закрепление мы наблюдаем в Дигестах Юстиниана. Впоследствии максимы были рецепированы и восприняты правом других государств;
- правовая определенность базируется на данных максимах, которые раскрывают ее сущность, входящие элементы, иначе говоря, стандарт правовой определенности (минимальный набор требований);
- максимы обеспечивают режим правовой определенности. Их соблюдение и формирование на их основе нормативных, правоприменительных элементов, использование в доктрине позволяет создать эффективный механизм обеспечения правовой определенности;
- в разные исторические эпохи наблюдается усиление одних максим при одновременном нивелировании иных максим;
- на современном этапе генеалогии российского процессуального права мы наблюдаем усиление внимания к механизмам *res judicata*, *estoppel*, *lis pendens*, *non bis in idem* и нормативное усиление процессуальных аксиом, базирующихся на данных элементах;
- полное (абсолютное) игнорирование аксиом в судопроизводстве приводит к затушевыванию правовой определенности и нарушает справедливое судебное разбирательство – базовый принцип стандарта правовой определенности. При таких условиях возникает патология судебного процесса, поскольку нормальный ход процесса невозможен без соответствующих гарантий правовой определенности;
- нельзя рассматривать роль аксиом в современном гражданском процессе исключительно как инструментария для построения красивых цитат, оформления «крылатого» эпитафия, научной ссылки на древнеримский источник права. Выработка таких постулатов – долгий эволюционный процесс апробации и формирования правил, определяющих лицо гражданского процесса на многие века вперед (современное лицо гражданского процесса). Если случается умаление каких-то максим, неизбежно происходит искривление (болезнь) процесса;
- целесообразно использовать аксиомы в качестве критериев, на основе которых решаются вопросы конкуренции принципов гражданского процессуального права, в том числе принципа правовой определенности с иными принципами: законности, диспозитивности, доступности правосудия.

Как отмечает Н. А. Власенко, проблема конкуренции принципов является малоизученной в доктрине [Власенко 2020: 46-53], что отчасти усугубляет процесс и эффективность разрешения данных коллизий между принципами на практике, так как никто не снимает с правоприменителя обязанности применить норму и разрешить спор.

По верному утверждению И. В. Решетниковой, именно практическая необходимость и объективно возникающие в деятельности судей случаи разрешения коллизии принципов [Решетникова 2013: 10-20] актуализируют вопросы разработки механизма разрешения конкуренции принципов и выработки четких правоприменительных алгоритмов и критериев в таких случаях.

Представляется, что именно аксиомы, как веками апробированные и «нерушимые постулаты», могут использоваться в качестве такого критерия, наряду с иными: целями и задачами судопроизводства [Решетникова 2013: 36-39], категорией принципа, функцией принципа;

- аксиомы могут в доктрине понятийно обозначаться терминами «максимы», «базисы», что не искажает их сущности и назначения, однако подчеркивает их особую роль, транслирует специфическую защитную функцию гражданского процесса, позволяя ему в рамках единой гражданской процессуальной формы трансформироваться и развиваться.

Литература

Eschment J. Musterprozesse vor dem Europäischen Gerichtshof für Menschenrechte / Peter Lang. – 2010. – S. 2-8.

Афанасьев С. Ф. Право на справедливое судебное разбирательство и его реализация в российском гражданском судопроизводстве: монография. М., 2009.

Власенко Н. А. Конкуренция принципов права / Юридическая техника. – 2020. – № 4. – С. 46-53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurencsiya-printsipov-prava>.

Иванов А. А. Теория государства и права. М., 2009.

Постановление ЕСПЧ от 13.03.2018 «Дело «Адиканко и Басов-Гринев (Adikanko and Basov-Grinev) против Российской Федерации» (жалобы № 2872/09 и 20454/12) / Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 5.

Постановление ЕСПЧ от 13.12.2012 «Дело «Ди Соза Рибейру (De Souza Ribeiro) против Франции» (жалоба N 22689/07). URL: <https://base.garant.ru/70418768/>

Постановлении ЕСПЧ от 22.10.2007 по делу «Лендон, Очаковски-Лоран и Жюли (Lindon, Otchakovsky-Laurens and July) против Франции» (жалобы № 21279/02, 36448/02). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/5593185/>

Рехтина И. В. Многоаспектный характер категории «правовая определенность» в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации / Российский судья. – 2019. – № 7. – С. 51-54.

Решение ЕСПЧ от 10.07.2018 по делу «Аелли и другие (Aielli and Others) против Италии» (жалобы № 27166/18 и 27167/18 / Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 1.

Решетникова И. В. Эволюция гражданского судопроизводства в России / Российская юстиция. – 2013. – №1. – С. 36-39.

Решетникова И. В. Конкуренция принципов в цивилистическом процессе / Вестник гражданского процесса. – 2013. – № 5. – С. 10-20.

Терехова Л. А. Место Европейского Суда по правам человека в механизме судебной защиты гражданских прав / Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2014. – № 1(38). – С. 92-95.

Тимофеев Е. И. Соотношение категорий «процессуальный режим» и «процессуальная форма» / Конституционные основы и международные стандарты гражданского судопроизводства: история, современное состояние и пути совершенствования : сборник статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов (Саратов, 23 апреля 2022 г.). Под ред. О.В. Исаенковой ; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов, 2022.

Чечина Н. А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права Л., 1987.

Экштайн К. Принцип веры и доверия. Принцип стабильности правовых условий, или принцип правовой определенности / Вестник публичного права. – 2004. – № 6. – С. 3-6.

References

Afanasyev, S. F. (2009). The right to a fair trial and its implementation in Russian civil proceedings: monograph. Moscow (in Russian).

Chechina, N. A. (1987). The main directions of the development of the science of Soviet civil procedural law. Leningrad (in Russian).

ECHR decision of July 10, 2018 in the case "Aielli and Others v. Italy" (Complaints No. 27166/18 and 27167/18. Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition. 2019. No 1.

ECHR Ruling of October 22, 2007 in the case "Lendon, Ochakovsky-Laurent and Julie (Lindon, Otchakovsky-Laurens and July) v. France" (Complaints No. 21279/02, 36448/02). Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/5593185/>

ECHR Ruling of December 13, 2012 "The case of "De Souza Ribeiro (De Souza Ribeiro) v. France" (complaint No. 22689/07). Available from: <https://base.garant.ru/70418768/>

ECHR Ruling of March 13, 2018 "The case of Adikanko and Basov-Grinev v. the Russian Federation" (Complaints No. 2872/09 and 20454/12). Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition. 2019. No 5.

Ekstein, K. (2004). The principle of faith and trust. The principle of stability of legal conditions, or the principle of legal certainty. Bulletin of Public Law, 6, 3-6. (in Russian).

Eschment, J. (2010). Sample trials before the European Court of Human Rights. Peter Lang, 2-8.

Ivanov, A. A. (2009). Theory of State and Law. Moscow (in Russian).

-
- Rekhtina, I. V. (2019). The multidimensional nature of the category "legal certainty" in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Russian Judge*, 7, 51-54 (in Russian).
- Reshetnikova, I. V. (2013). Evolution of civil proceedings in Russia. *Russian Justice*, 1, 36-39 (in Russian).
- Reshetnikova, I. V. (2013). Competition of principles in the civil process. *Bulletin of the Civil Process*, 5, 10-20 (in Russian).
- Terekhova, L. A. (2014). The place of the European Court of Human Rights in the mechanism of judicial protection of civil rights. *Bulletin of Omsk University. The series "Law"*, 1(38), 92-95 (in Russian).
- Timofeev, E. I. (2022). Correlation of the categories "procedural regime" and "procedural form". *Constitutional foundations and international standards of civil procedure: history, current state and ways of improvement : collection of articles based on the materials of the XIII International Scientific and Practical Conference of Students, undergraduates and postgraduates (Saratov, April 23, 2022)*. Edited by O. V. Isaenkova ; Saratov State Law Academy. Saratov (in Russian).
- Vlasenko, N. A. (2020). Competition of principles of law. *Legal technique*, 4, 46-53. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurenciya-principov-prava> (in Russian).
-

Citation:

- Рехтина И.В., Тимофеев Е.И. Максимумы Древнего Рима как основа режима правовой определенности современного гражданского процесса // Юрислингвистика. – 2024. – 31. – С. 6-11.
- Rehtina I.V., Timofeev E.I. (2024) The Maxims of Ancient Rome as the Basis for Legal Certainty of Modern Civil Litigation. *Legal Linguistics*, 31, 6-11.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Неклассическая теория категоризации в уголовном праве

Е. Е. Мелюханова

*Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
ул. Комсомольская, 21, 620137, Екатеринбург, Россия. E-mail: melyukhanova@list.ru*

Статья посвящена исследованию неклассической теории категоризации, которая представляет собой «теорию прототипов», и возможности ее использования в уголовном праве. В науке уголовного права примером неклассической теории категоризации в виде применения теории прототипов может служить категория обстоятельств, смягчающих наказание. Нестрогие критерии категоризации, выработанные в рамках неклассической теории, не могут применяться к первичным базовым уголовно-правовым категориям, таким как «преступление» и «наказание», поскольку членами указанных категорий могут быть только исчерпывающим образом установленные уголовным законом преступления и наказания. Однако этот факт не исключает применение неклассической теории категоризации в уголовном праве. Причиной, и даже необходимостью, использования нестрогой категоризации в уголовном праве является наличие таких категорий, для которых невозможно представить ограниченное и четко заданное количество членов, обладающих абсолютно всеми одинаковыми общими признаками. Наиболее согласуются с указанным подходом оценочные уголовно-правовые категории. Уголовно-правовые оценочные категории также являются языковыми категориями, которые в наибольшей степени должны соответствовать правилам языка в силу своей недостаточной определенности и неограниченного количества членов категории. По мнению автора, в уголовно-правовой категоризации могут быть использованы принципы, разработанные в рамках когнитивной лингвистики, такие как принцип прототипичности, с определенными ограничениями принцип учета нестрогости категорий, принцип градуированности и принцип множественности и разнообразия оснований категоризации. В контексте взаимосвязи с неклассической теорией категоризации уголовно-правовые категории представляют собой научные категории уголовного права, имеющие в своей основе нестрогие критерии категоризации, выполняющие методологическую функцию оценочных понятий и отражающие современную практику применения уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: категоризация, неклассическая теория категоризации, теория прототипов, уголовное право, уголовно-правовые категории.

Non-classical Theory of Categorization in Criminal Law

E. E. Melyukhanova

*Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21 Komsomolskaya St., 620137, Yekaterinburg, Russia. E-mail: melyukhanova@list.ru*

The article discusses the study of the non-classical theory of categorization, which is a «prototype theory», and the possibility of its use in criminal law. In criminal law the category of circumstances mitigating punishment can serve as an example of a non-classical theory of categorization in the form of the application of prototype theory. The non-strict categorization criteria developed within the framework of non-classical theory cannot be applied to the primary basic criminal law categories, such as «crime» and «punishment», since the members of these categories can only be exhaustively established by criminal law of offences and penalties. However, this fact does not exclude the application of the non-classical theory of categorization in criminal law. The reason, and even the necessity, of using non-strict categorization in criminal law is grounded by the presence of such categories for which it is impossible to imagine a limited and clearly defined number of members with entirely the same general characteristics. The evaluative criminal law categories are most consistent with this approach. Criminal law evaluation categories are also language categories that must comply with the rules of the language to the greatest extent due to their lack of certainty and an unlimited number of category members. According to the author, principles developed within the framework of cognitive linguistics can be used in criminal law categorization, such as the principle of prototypicality, with certain limitations, the principle of taking into account the non-strictness of categories, the

principle of gradation and the principle of multiplicity and diversity of the bases of categorization. In the context of the relationship with the non-classical theory of categorization, criminal law categories are scientific categories of criminal law that are based on non-strict categorization criteria that perform the methodological function of evaluative concepts and reflect the modern practice of applying criminal law norms.

Key words: categorization, non-classical theory of categorization, prototype theory, criminal law, criminal law categories.

Лингвистический поворот в философии, произошедший в первой трети – середине XX века, сместил акценты в философских учениях. Тем самым был осуществлен переход от классической философии к неклассической. Если классическая философия обращалась к сознанию, то предметом исследования неклассической философии становятся проблемы языка. Поэтому следует разграничивать классическую теорию категоризации и неклассическую.

Вопрос о тех или иных категориях диалектики в праве, правовых вопросах, правовых феноменах, правовой науке осложняют два противоположных обстоятельства: кажущаяся простота и очевидность смыслов и значений этих категорий и незначительное внимание к своеобразию проявления категорий в предметном поле уголовно-правовой науки. Изучение языковых аспектов философских, диалектических категорий, предвещающее их собственно юридический, а также философский анализ, позволит определить их смысл в качестве элементарных языковых единиц, ограничить рамки дальнейшего исследования, в пределах которых интерпретация не будет диссонировать с их исходным смыслом и значением. Даже будучи предельно общими философскими конструкциями, категории не перестают быть феноменами языка и подчиняются языковым закономерностям [Куликов 2020: 4].

В лингвистике существует множество теорий категоризации, которые условно можно разделить на две концепции: классическую и неклассическую. Классическая концепция категоризации сводится к тому, что категория приравнивается к множеству или классу объектов, причем каждый объект обладает определенными свойствами в равной степени. Неклассическая концепция категоризации в ее наиболее теоретически значимом варианте представляет собой «теорию прототипов», разработанную американским психологом Э. Рош [Никольская 2011: 3]. Основными понятиями теории являются «прототип» – центральный элемент категории, обладающий максимальным числом общих свойств с элементами данной категории и минимальным числом общих свойств с элементами других категорий, и «базовый уровень», или исходная точка категоризации [Никольская 2011: 2]. Собственно, с работ Э. Рош и начинается изучение прототипического подхода к изучению принципов категоризации, поскольку именно она определила категоризацию как предмет анализа [Кравченко 2015: 118]. В терминологии теории прототипов в категории выделяется центр (прототипичные члены) и периферия (члены категории).

Прототипом является абстрактный образ, наиболее полно отражающий идею категории, поскольку содержит типичные свойства данной категории. Члены категории должны обладать в большей или в меньшей степени свойствами, соответствующими прототипу. Основными членами категории признаются такие члены, которые в максимальной степени соответствуют прототипу, поэтому их называют прототипичными членами категории. Следовательно, теория прототипов не строится на описании свойств членов категории, вместо этого включая в себя подробное описание прототипа категории.

В теории прототипов используется понятие базового уровня категоризации. Обыденное сознание человека основано именно на базовом уровне категоризации. Поэтому категории, сформированные обыденным сознанием человека и основанные на базовом уровне категоризации, являются наиболее доступными для понимания и дальнейшего процесса развития категоризации. Базовый уровень категоризации представляет собой уровень «среднего» обобщения, при этом возможны более высокий либо более низкий уровни категоризации по отношению к базовому.

Несмотря на то, что базовый уровень категоризации в большей степени связан с обыденным мышлением, когда человек оперирует повседневными категориями, для научных категорий также можно выделить базовый уровень, с корректировкой на то, что человек, оперирующий научными категориями, является «типичным» представителем науки. То есть базовый уровень научной категоризации предполагает наличие у субъекта определенного уровня научных знаний.

В науке уголовного права примером неклассической теории категоризации в виде применения теории прототипов может служить категория обстоятельств, смягчающих наказание. Абстрактный образ, который служит прототипом обстоятельств, смягчающих наказание, можно представить как обстоятельство, «характеризующее преступление, личность виновного, его поведение во время или после совершения преступления, не относящееся к признакам состава преступления и влекущее за собой смягчение наказания» [Качан 2005: 44].

Основными (прототипичными) членами категории обстоятельств, смягчающих наказание, являются обстоятельства, указанные в ч. 1 ст. 61 УК РФ, которые в максимальной степени соответствуют прототипу.

В научной литературе представлено большое количество классификаций обстоятельств, смягчающих наказание. Например, М. Г. Ушакова предлагает обстоятельства, смягчающие наказание, исходя из различного их влияния на опасность преступления, классифицировать, выделив: а) «основные» (либо типовые) смягчающие обстоятельства; б) особо смягчающие обстоятельства; в) исключительные смягчающие обстоятельства [Ушакова 2002: 11].

Другими членами категории обстоятельств, смягчающих наказание, могут быть любые обстоятельства в большей или в меньшей степени соответствующие прототипу, поскольку перечень смягчающих наказание обстоятельств не является исчерпывающим.

Именно в рамках неклассической теории категоризации проводится отличие ее от классификации. Если классификация – это процесс отнесения предметов и явлений к определенному классу на основе наличия у них необходимых свойств и признаков, то категоризация представляет собой аналогичный процесс, но отнесение к определенной категории производится на основе только некоторых общих свойств и признаков. Тем самым, границы категории, в отличие от класса, являются менее строгими.

Принципиальное значение категоризации в языке заключается в том, что с помощью правил языка формулируются категории. Более того, категории являются узловыми моментами не только в процессе познания, но и в процессе коммуникации, которая осуществляется посредством языка. «Язык есть инструмент. Его понятия суть инструменты... Понятия ведут к исследованиям; они выражают наш интерес и направляют его» [Витгенштейн 2018: 226].

С точки зрения лингвистики изучение категоризации сводится к объяснению того, каким образом с помощью ограниченного числа языковых символов происходит структурирование бесконечного многообразия действительности.

Уголовно-правовые исследования, как правило, направлены на изучение и анализ языка уголовного закона. Обсуждая многочисленные нарушения законодателем основных языковых правил законодательной техники, М. Б. Кострова, занимающаяся исследованием лингвистических аспектов уголовного законодательства, указывает, что «объективная причина такого положения видится в том, что язык уголовного закона (как и язык любого закона) не является категорией собственно юридической, он обладает всеми свойствами естественного языка как лингвистической субстанции» [Кострова 2008: 111].

В связи с этим в настоящее время представляет особую актуальность лингвистический анализ текста уголовного закона, на чем абсолютно справедливо настаивала Н. Ф. Кузнецова. Она писала, что необходимым является «составление словарей действующих УК и создание моделей образцовых терминологических словарей. В подготовке всех без исключения уголовно-правовых актов... должны принимать широкое участие научные и практические работники. Полезно восстановить практику двадцатых годов, когда к кодификационной работе привлекались лингвисты» [Кострова 2000: 97].

Результатом интеграции лингвистических и юридических знаний явилось становление и развитие такой дисциплины, как юрислингвистика. Основателем юрислингвистики в России считается Н. Д. Голев – доктор филологических наук, профессор Кемеровского государственного университета, Заслуженный работник высшей школы РФ, академик Международной академии наук высшей школы. Сам термин «юрислингвистика» был введен в 1999 г. коллективом ученых Лаборатории юрислингвистики и развития речи Алтайского государственного университета, созданной по инициативе Н. Д. Голева [Барабаш 2014: 16].

Известно, что формирование категорий – это определенный процесс, имеющий своим результатом создание категории – категоризация. Категоризация как процесс и целенаправленная деятельность является предметом изучения цикла лингвистических наук и определяется как «мыслительная операция, направленная на формирование категорий как понятий, предельно обобщающих и классифицирующих результаты познавательной деятельности человека» [Абишева 2013: 21].

Именно лингвистические науки на основе когнитивно-семантического анализа языка объясняют механизмы категоризации. Мыслительные операции, направленные на формирование категорий, осуществляются человеком в процессе познания окружающего мира. Неудивительно, что именно философские категории представляют собой основу других научных категорий, поскольку философия по праву считается наиболее общим учением о мире и человеке. «В когнитивной лингвистике понятие категории больше обращено к философскому пониманию исследуемого термина, однако когнитивисты не только соглашаются со сложившейся концепцией категоризации, но часто и противопоставляют результаты своих исследований тем выводам, которые были сделаны в рамках классической философии Аристотеля, Канта, Гегеля и других» [Гизатуллин 2017: 92].

Ограниченное количество четко заданных категорий в классической концепции категоризации стало главным недостатком данной теории, поскольку имеется достаточно большое количество предметов и явлений, которые невозможно отнести к определенной категории. Именно в связи с этим получила активное развитие неклассическая теория категоризации с ее нестрогими критериями. Достаточно часто встречаются ситуации, когда определение четких границ категории не представляется возможным, равно как и описание свойств, которые были бы общими для всех ее членов.

С семейным сходством сравнивает основание категоризации Л. Витгенштейн. Он пишет, что «мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся на и перекрывающих друг друга; иногда имеется полное сходство, а иногда – лишь в деталях. Я не могу придумать лучшего выражения, чтобы характеризовать эти подобия, чем «семейное сходство»; ведь различные черты среди членов одной семьи: телосложение, черты лица, цвет глаз, походка, характер и т. д. и т. п. накладываются на и перекрещиваются во многом тем же образом» [Витгенштейн 2018: 59-60]. Теория категоризации Л. Витгенштейна получила название концепции фамильных сходств.

Именно такое понимание категоризации связано с неклассической теорией. Тем самым описывается нестрогая категоризация, в отличие от классической теории, где строгость границ категоризации имела принципиальное значение.

В рамках неклассической теории категоризации, по мысли Л. Витгенштейна: «мы не ведаем границ, поскольку ни одна до сих пор не установлена. Повторюсь: можно провести границу – для конкретной цели. Необходимо ли это, чтобы употреблять понятие? Нисколько! (За исключением особых случаев.) В той же степени, что и определение: 1

шаг = 75 см, чтобы ввести в употребление меру длины «один шаг» [Витгенштейн 2018: 61].

Очевидно, что нестрогие критерии категоризации, выработанные в рамках неклассической теории, не могут применяться к первичным базовым уголовно-правовым категориям, таким как «преступление» и «наказание», поскольку членами указанных категорий могут быть только исчерпывающим образом установленные уголовным законом преступления и наказания.

Однако этот факт не исключает применение неклассической теории категоризации в уголовном праве. Причиной, и даже необходимостью, использования нестрогой категоризации в уголовном праве является наличие таких категорий, для которых невозможно представить ограниченное и четко заданное количество членов, обладающих абсолютно всеми одинаковыми общими признаками. Наиболее согласуются с указанным подходом оценочные уголовно-правовые категории.

Под уголовно-правовыми оценочными понятиями Д. Р. Касимов понимает «закрепленные в уголовном законе понятия, лишенные точных, исчерпывающих и ситуативно неизменных условий своей словоупотребительной применимости к правозначимому спектру форм проявления понятийно означаемых объектов (предметов, явлений, процессов, ситуаций и др.)» [Касимов 2022: 11].

В целом, не возражая против такой интерпретации оценочных категорий, не следует ограничивать их рамками уголовного закона, поскольку оценочные категории могут быть и научными категориями, не закрепленными в уголовном законе. Например, такие категории, как общественная опасность, тяжкие последствия, существенный вред и другие.

С содержательной стороны оценочные категории отличаются тремя ключевыми особенностями. Во-первых, относительная определенность. Оценочные категории являют собой верх абстракции и обладают открытой структурой. Частичная законодательная конкретизация (посредством характеристики или же иллюстрации) при этом далеко не всегда приводит к утрате оценочными категориями оценочного характера. Во-вторых, постепенная конкретизация содержания. С этой точки зрения оценочные категории – средство делегирования правотворческой компетенции правоприменителю, который и наполняет их конкретным содержанием, что в конечном счете может позитивно сказаться на законодательстве. В-третьих, тесная связь с судебским усмотрением. Оценочные категории прямо выступают инструментом легитимации судебного усмотрения. Значительную роль в их применении играет правосознание правоприменителя. Таким образом, оценочные категории – это используемые в законодательстве относительно определенные положения, содержание которых не разъяснено детально, но постепенно конкретизируется правоприменителем на основе усмотрения при разрешении правовых споров, а также в рамках абстрактного правотворчества [Бершицкий 2021: 132-133].

Уголовно-правовые оценочные категории также являются языковыми категориями, которые в наибольшей степени должны соответствовать правилам языка в силу своей недостаточной определенности и неограниченного количества членов категории.

Языковые категории являются предметом исследования филологии. Понимая категории как концептуальное объединение объектов, Н. Н. Болдырев рассматривает процессы концептуализации, категоризации и интерпретации. Автор указывает, что процессы концептуализации связаны с осознанием и закреплением результатов познания в виде единиц знания – концептов. Познавая мир и сталкиваясь с разнообразием вещей, событий и их всевозможных характеристик, человек сопоставляет их с имеющимися знаниями, присваивает им конкретные обозначения, закрепляет их в процессах категоризации за определенными рубриками – категориями в своем сознании. Закономерности общих познавательных процессов находят свое отражение в языке в виде трех систем языковой категоризации: лексической, грамматической и модальной, или интерпретирующей [Болдырев 2011: 9].

Следовательно, категоризация представляет собой процесс, следующий за процессом концептуализации. Относительно концепта Ю. Е. Прохоров указывает, что «пика употребительности в русском языке концепт достигает, когда этот термин начинают употреблять в значении ином, чем просто «понятие», особенно в гуманитарных науках. Разграничение проходит по следующей линии: понятия – это то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью уверенности. Иногда референты у терминов концепт и понятие совпадают» [Прохоров 2009: 15].

По мнению Г. В. Назаренко, «в уголовном праве концепты выступают как средство конструирования и конституирования уголовно-правовых норм, институтов и других нормативных блоков. Собственное обоснование концепты получают в более широких по отношению к ним системах, т. е. в рамках конкретных концепций. При этом концепт имеет такое свойство, как соотнесенность с проблемой или пересечение с множеством проблем, на которые призваны отвечать соотносимые с проблемой концепты» [Назаренко 2016: 50-51]. Дифференцируя концепты на законодательные и доктринальные, автор приводит некоторые примеры концептов в уголовном праве: вменяемое лицо (ст. 19 УК РФ), невменяемость (ст. 21 УК РФ), лицо с психическим расстройством, не исключающим вменяемости (ст. 22 УК РФ).

В уголовно-правовой литературе в основном происходит смешение концептов и понятий, их разграничение вызывает серьезные затруднения. Например, в исследовании А. И. Ситниковой, посвященном законодательной текстологии уголовного права, преступление признается одновременно и концептом, и понятием. Автор указывает, что «существующий в доктрине уголовного права формально-материальный подход к определению понятия преступления нашел воплощение в легальном определении концепта «преступление» [Ситникова 2014: 16].

Необходимо отметить, что смешение концептов, категорий и понятий имеет место и в когнитивной лингвистике, поэтому критика подобных смешений в науке уголовного права не совсем уместна. Более того, «различие между концептом и категорией не является абсолютным, поскольку и то, и другое суть ментальные явления (структуры)» [Шафиков 2007: 6].

Проводя различие между концептом, понятием и категорией, Н. Ф. Алефиренко указывает, что «понятие – результат длительного обобщения наиболее существенных свойств и признаков познаваемого объекта. Категория – обобщающая единица мышления, образующая классы и рубрики понятий. В конечном итоге, концепт обладает (обычно этнокультурно обусловленным) смысловым содержанием, у основания которого лежит соответствующее понятие, а подведение концептов под ту или иную категорию моделирует концептосферу языка – основу этноязыкового сознания» [Алефиренко 2010: 11].

Примечательно, что одно и то же явление может иметь одновременно несколько определений, соответствующих избранному исследователем подходу. Так, «концептуальное определение соответствует внутриязыковому содержанию языковой единицы в отличие от категориального определения, которое относится к внешнему содержанию языка» [Шафиков 2007: 7].

Уголовно-правовую категоризацию с точки зрения лингвистики можно представить в виде мыслительной операции, направленной на формирование категорий, предельно обобщающих результаты освоения уголовно-правовой действительности. Посредством уголовно-правовой категоризации происходит упорядочивание явлений и процессов, вовлеченных в уголовно-правовую сферу общественных отношений. Кроме того, в результате категоризации наблюдается определенная систематизация уголовно-правовой действительности через констатацию сходства одних явлений и различия других, относящихся к разным категориям. Например, в результате уголовно-правовой категоризации происходит формирование таких категорий, как преступление и наказание, тем самым наблюдается систематизация уголовно-правовой действительности: определенные деяния относятся к преступлению, определенные виды государственной реакции на них – к наказанию.

Определяя уголовно-правовые категории в качестве самостоятельного предмета исследования, необходимо провести исследование не столько категорий как таковых, сколько критериев категоризации. Любой процесс познания заключается в подведении единичных явлений под определенные категории на основании их сходства и различия. Указанный процесс основывается на определенных принципах.

Важную роль в процессе категоризации играют принципы категоризации, разработанные в лингвистике:

1. принцип прототипичности;
2. принцип учета нестрогости категорий;
3. множественность и разнообразие оснований категоризации;
4. принцип континуальности;
5. принцип градуированности [Абишева 2013: 23].

Указанные принципы относятся к обыденной категоризации в процессе познания мира с точки зрения языка. Однако в научной категоризации некоторые из этих принципов следует использовать.

Принцип прототипичности основан на теории прототипов, которая уже рассмотрена нами. Уголовно-правовое значение принципа прототипичности связано, например, с категорией преступления. По нашему мнению, прототипом категории преступления является убийство, которое наиболее интенсивно отражает характерные свойства преступления. Убийство обладает соответствующим характером и степенью общественной опасности, что не вызывает сомнений при отнесении его к категории преступления. Криминализация убийства, таким образом, представляется очевидной.

Продолжая свое развитие, категория преступления стала включать в себя менее типичных представителей, но все-таки обладающих характерными сущностными свойствами преступления. Процесс криминализации продолжается и в настоящее время. Однако, в нарушение принципа прототипичности, к категории преступления стали относиться такие деяния, которые нельзя признать преступлениями. Они не обладают даже некоторыми признаками, характерными для типичных представителей категории преступления. Особенно это связано с криминализацией в рамках главы 22 УК РФ. По верному утверждению Н. А. Лопашенко, «криминализация в сфере посягательств на экономическую деятельность чрезмерна. Она не вызывается необходимостью и корректируется правоприменением, которое не возбуждает уголовные дела по гл. 22 УК или прекращает их довольно часто» [Лопашенко 2022: 54]. Нельзя не согласиться с тем, что «следует вернуться к принципу саморегулирования экономических отношений, минимальному вмешательству государства в эти процессы и установлению приоритета гражданско-правовой ответственности над уголовной. Уголовная ответственность должна наступать только за деяния, связанные с насилием, уничтожением имущества, принуждением, угрозами, грубыми формами обмана (документального, прежде всего)» [Лопашенко 2022: 54].

Учет нестрогости категоризации предполагает определенный процесс развития категорий путем включения в них представителей, не обладающих всем комплексом сущностных категориальных признаков. «Нестрогий характер «повседневной» категоризации проявляется в том, что человек относит объект, названный словом, к определенной категории (классу, разряду, объединению) даже в тех случаях, когда последний обнаруживает лишь некоторые из признаков, формирующих представление о типичных представителях данной категории (прототипах)» [Абишева 2013: 24].

Следует обратить внимание на то, что принцип учета нестрогости категорий наиболее характерен для «естественных» категорий, то есть категорий обыденной когнитивной практики. Для научной категоризации, которая

обращается с научными категориями, предъявляются более строгие требования. Поэтому, по нашему мнению, учет нестрогости категоризации следует очень ограниченно использовать в рамках уголовно-правовой категоризации. Более того, уголовное право, будучи наиболее репрессивной отраслью права, нуждается, как правило, именно в строгой категоризации.

Исключением являются оценочные уголовно-правовые категории, для которых характерны именно нестрогие критерии категоризации, поскольку правила строгой категоризации к оценочным категориям неприменимы.

При этом в научной уголовно-правовой литературе высказываются суждения о том, что «синтаксическая неопределенность уголовно-правовых оценочных понятий представляется явлением негативным, усложняющим смысловое восприятие текстуально выраженной законодательной мысли, но все же поддающимся преодолению в рамках интерпретационной деятельности» [Касимов 2022: 170]. По нашему мнению, наличие оценочных уголовно-правовых категорий неизбежно, поскольку не все уголовно-правовые категории могут подчиняться строгим правилам категоризации. Поэтому следует стремиться к разработке правил их интерпретации в правоприменительной практике.

Следующим принципом категоризации является множественность и разнообразие оснований категоризации, который только с определенными ограничениями допустимо использовать в научной категоризации. Категоризаций и классификаций может быть множество, а именно столько, сколько возможно обнаружить критериев для осуществления указанных операций. Во-первых, в научной категоризации для отдельной категории критерий должен быть один. Однако абсолютно допустимы классификации объектов по различным основаниям, которые присутствуют в науке уголовного права. При этом крайне важным является соблюдение логического правила деления объема понятия, согласно которому в одной и той же классификации следует применять одно и то же основание. Во-вторых, научная категоризация должна осуществляться только на основе объективно значимых характеристик объекта. В отличие от обыденной категоризации, основания научной категоризации не могут быть субъективны, интуитивны и эмоциональны. В-третьих, разнородность оснований научной категоризации не может быть связана с многозначностью терминологии. В процессе категоризации используются термины, имеющие одинаковое значение.

Наиболее ярким примером нарушения правил категоризации является категоризация преступлений, закрепленная в ст. 15 УК РФ. «При нарушении законодателем логических правил классификации критерием последней является наличие двух оснований: формы вины и санкции статьи аналогично делению детей, например, по росту и цвету глаз одновременно.

Между тем критерий классификации должен быть только один, допустим, цвет глаз, а членов деления по этому основанию может быть несколько: зеленые, голубые, и иные цвета глаз. Но согласно ст. 15 УК РФ форма вины дважды учитывается в одной и той же классификации преступлений: и в качестве признака характера общественной вредности, и в качестве отдельного критерия классификации, хотя преступления подразделяются только по характеру и степени общественной вредности» [Михаль 2011: 39].

Принцип континуальности основан на установлении тождества континуальной цельности физического тела в пространственных границах. «Континуальные тождества – тождество во времени. Всякий раз отождествление производится по какому-либо признаку, по которому объекты сводятся в тождества. Одна и та же вещь (уже отождествленная) может входить в несколько тождеств по разным основаниям» [Абишева 2013: 26]. При этом «понятие континуальности в сфере права обозначает такое свойство, как неделимость или непрерывность. Основным проявлением континуальности, если рассматривать ее с точки зрения метода правового регулирования, является конструирование длящихся правовых состояний» [Рыженков 2023: 38]. Применительно к уголовному праву континуальность связана с длящимися преступлениями, а также с наказаниями, которые являются срочными, а не размерными. Однако использование принципа континуальности в уголовно-правовой категоризации нам обнаружить не удалось.

Последний принцип категоризации, который выделяет К. М. Абишева, это принцип градуированности. «Этот принцип проявляется в случае выделения общих, более существенных и менее существенных признаков предмета. Так, в научной категоризации предметов мира указываются общие и видовые признаки, дифференцирующие этот предмет от другого понятия» [Абишева 2013: 27]. В науке уголовного права принцип градуированности используется при категоризации объекта преступления. Выделяют такие объекты, как общий, родовой, видовой и непосредственный.

Следовательно, в уголовно-правовой категоризации могут быть использованы принципы, разработанные в рамках когнитивной лингвистики, такие как принцип прототипичности, с определенными ограничениями принцип учета нестрогости категорий, принцип градуированности и принцип множественности и разнообразия оснований категоризации.

По нашему мнению, неклассическая теория категоризации в уголовно-правовом преломлении соотносится с практикой применения уголовного закона. Бесконечное многообразие юридических фактов практически невозможно категоризировать в четко определенное количество уголовно-правовых категорий. Классическое понимание категорий в данной ситуации не применимо. Для категоризации в уголовном праве неклассическая теория категоризации с ее нестрогими правилами имеет методологическое значение, особенно в части изучения оценочных категорий, которые имеют многообразие форм проявления на практике.

Таким образом, в результате анализа теории категоризации в рамках неклассической философии, можно сделать основные выводы. Во-первых, существуют такие категории, члены которых обладают только некоторыми общими

свойствами и признаками. Во-вторых, границы категории четко не установлены. В-третьих, основным понятием является «прототип».

В контексте взаимосвязи с неклассической теорией категоризации, уголовно-правовые категории представляют собой научные категории уголовного права, имеющие в своей основе нестрогие критерии категоризации, выполняющие методологическую функцию оценочных понятий и отражающие современную практику применения уголовно-правовых норм.

Литература

- Абишева К. М. Категоризация и ее основные принципы / Вопросы когнитивной лингвистики. - 2013. - № 2(35). - С. 21-30.
- Алефиренко Н. Ф. Концепт - понятие - категория в свете современной лингвокогнитивистики / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2010. - № 18(89). - С. 5-12.
- Барабаш О. В. Юрислингвистика: истоки, проблемы, перспективы / Вестник Пензенского государственного университета. - 2014. - № 2(6). - С. 14-18.
- Бершицкий Э. Е. Правовая определенность и оценочные категории: Краткий очерк на примере составов правонарушений в различных отраслях права. М., 2021.
- Болдырев Н. Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий / Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2011. - № 1(93). - С. 9-16.
- Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского. М., 2018.
- Гизатуллин Д. Э. Общенаучные и философские аспекты термина «категория» в лингвистике / Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2017. - № 12-2(78). - С. 90-93.
- Касимов Д. Р. Теоретико-прикладные аспекты оценочных понятий в уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2022.
- Качан М. И. Обстоятельства, смягчающие наказание, в российском уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005.
- Кострова М. Русский язык и российское законодательство / Уголовное право. - 2008. - № 1. - С. 108-112.
- Кострова М. Б. Лингвистические аспекты уголовного законодательства России / Российский юридический журнал. - 2000. - № 4(28). - С. 90-97.
- Кравченко С. Ю. Прототипический подход и процесс категоризации / Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2015. - № 3-1(45). - С. 117-119.
- Куликов Е. А. Категории общего, особенного и единичного в уголовном праве: семантический анализ / Юридические исследования. - 2020. - № 12. - С. 1-17.
- Лопащенко Н. А. Уголовно-правовая охрана экономики в России: реалии и тенденции последних лет / Ученые записки юридического факультета. - 2022. - № 1. - С. 49-55.
- Михаль О. А. О критерии преступлений / Государство и право. - 2011. - № 10. - С. 35-42.
- Назаренко Г. В. Категории концептуальности в уголовном праве / Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. - 2016. - № 1(18). - С. 48-53.
- Никольская А. В. Неклассическая концепция категоризации: философские основания и эвристические возможности: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Москва, 2011.
- Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. 2-е изд. М., 2009.
- Рыженков А. Я. Континуальность как характеристика метода правового регулирования / Современное право. - 2023. - № 4. - С. 38-43.
- Ситникова А. И. Законодательная текстология уголовного права: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Москва, 2014.
- Ушакова М. Г. Смягчающие обстоятельства в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2002.
- Шафигов С. Г. Категории и концепты в лингвистике / Вопросы языкознания. - 2007. - № 2. - С. 3-17.

References

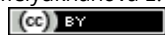
- Abisheva, K. M. (2013). Categorization and its basic principles. Questions of cognitive linguistics, 2(35), 21-30 (in Russian).
- Alefirenko, N. F. (2010). Concept - concept - category in the light of modern linguocognitistics. Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities, 18(89), 5-12 (in Russian).
- Barabash, O. V. (2014). Legal Linguistics: origins, problems, prospects. Bulletin of Penza State University, 2(6), 14-18 (in Russian).
- Bershtitsky, E. E. (2021). Legal certainty and evaluation categories: A brief essay on the example of the composition of offenses in various branches of law: a monograph. Moscow (in Russian).
- Boldyrev, N. N. (2011). The role of the interpretive function in the formation of language categories. Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 1(93), 9-16 (in Russian).
- Gizatullin, D. E. (2017). General scientific and philosophical aspects of the term «category» in linguistics. Philological Sciences. Questions of theory and practice, 12-2(78), 90-93 (in Russian).

-
- Kachan, M. I. (2005). Circumstances mitigating punishment in Russian criminal law: diss. ... cand. jurid. sciences'. Rostov-on-Don (in Russian).
- Kasimov, D. R. (2022). Theoretical and applied aspects of evaluative concepts in criminal law: diss. ... cand. jurid. sciences'. Izhevsk (in Russian).
- Kostrova, M. (2008). Russian language and Russian legislation. *Criminal Law*, 1, 108-112 (in Russian).
- Kostrova, M. B. (2000). Linguistic aspects of the criminal legislation of Russia. *Russian Law Journal*, 4(28), 90-97 (in Russian).
- Kravchenko, S. Yu. (2015). Prototypical approach and the process of categorization. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 3-1(45), 117-119 (in Russian).
- Kulikov, E. A. (2020). Categories of general, special and singular in criminal law: semantic analysis. *Legal studies*, 12, 1-17 (in Russian).
- Lopashenko, N. A. (2022). Criminal and legal protection of the economy in Russia: realities and trends of recent years. *Scientific Notes of the Faculty of Law*, 1, 49-55 (in Russian).
- Mikhal, O. A. (2011). On the criteria of crimes. *State and Law*, 10, 35-42 (in Russian).
- Nazarenko, G. V. (2016). Categories of conceptuality in criminal law. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History and Law*, 1(18), 48-53 (in Russian).
- Nikolskaya, A.V. (2011). The non-classical concept of categorization: philosophical foundations and heuristic possibilities: abstract. diss. ... candidate of Philos. sciences'. Moscow (in Russian).
- Prokhorov, Yu. E. (2009). In search of a concept. 2nd ed.: a monograph. Moscow (in Russian).
- Ryzhenkov, A. Ya. (2023). Continuity as a characteristic of the method of legal regulation. *Modern Law*, 4, 38-43 (in Russian).
- Shafikov, S. G. (2007). Categories and concepts in linguistics. *Questions of linguistics*, 2, 3-17 (in Russian).
- Sitnikova, A. I. (2014). Legislative textology of criminal law: abstract. diss. ... doct. jurid. sciences'. Moscow (in Russian).
- Ushakova, M. G. (2002). Mitigating circumstances in the criminal law of Russia: autoref. diss. ... cand. jurid. sciences'. Moscow (in Russian).
- Wittgenstein, L. (2018). *Philosophical Research*: translated from German by L. Dobroselsky: a monograph. Moscow (in Russian).
-

Citation:

Мелюханова Е. Е. Неклассическая теория категоризации в уголовном праве // Юрислингвистика. – 2024. – 31. – С. 12-19.

Melyukhanova E. E. (2024) Non-classical Theory of Categorization in Criminal Law. *Legal Linguistics*, 31, 12–19.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Особенности значения термина «завещание» в судебном дискурсе

К. Г. Салтыков

Академия управления МВД России

ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, 125171, Москва, Россия. E-mail: terminpravo@mail.ru

В статье отмечается, что особую важность в процессе наследственного правопреемства приобретает упорядоченный характер совершаемых юридически значимых актов. Это позволяет провести семантические параллели между юридическим термином «завещание» и термином «план», взятым в значении порядок мероприятий, осуществление которых требует выполнения ряда предварительно обдуманных действий, объединенных общей целью. Использование термина «завещание» представляется корректным для обозначения планирования завещателем распоряжения имуществом на случай собственной смерти. Указание на характер и порядок действий определенных лиц в будущем по смыслу сближает слова «завещание» и «план». Примеры, взятые из судебных актов, показывают, что термин «завещание» дополнительно обладает содержательными компонентами значения, функционирующими в речевых актах в рамках судебного дискурса. Контекстом судебного дискурса привносятся смысловые приращения, позволяющие использовать юридический термин «завещание» для обозначения плана реализации наследственных распоряжений.

Ключевые слова: термин, значение, завещание, семантические параллели, план.

Features of the Meaning of the Term «Testament» in Judicial Discourse

K. G. Saltykov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 125171, Moscow, Russia. E-mail: terminpravo@mail.ru

The article specifies that the orderly nature of legally significant acts is of particular importance in the process of hereditary succession. This makes it possible to draw semantic parallels between the legal term «testament» and the term «plan», taken in the meaning of the order of measures, the implementation of which requires a number of pre-considered actions united by a common goal. The use of the term «testament» seems to be correct to refer to the planning by the testator of the disposal of property in the event of his own death. An indication of the nature and procedure of actions of certain persons in the future brings the words «testament» and «plan» closer in meaning. Examples taken from judicial acts show that the term «testament» additionally has denotative components of meaning that function in speech acts within the framework of judicial discourse. The context of judicial discourse introduces semantic increments that allow using the legal term «testament» to denote a plan for the implementation of hereditary orders.

Key words: term, meaning, testament, semantic parallels, plan.

Определение понятия «завещание» в европейской правовой традиции было дано еще юристами древнеримского государства и сводилось к следующей формуле. *Testamentum est mentis nostrae iusta contestatio in id sollemniter factum, ut post mortem nostram valeat* (D. 20.1.1), что означает: «завещание есть правомерное выражение воли, сделанное торжественно для того, чтобы оно действовало после нашей смерти» [Римское право 2014: 254]. Однако очередное блестящее проявление лаконичности и яркости юридической речи, по общему мнению, свойственное римскому праву, оставило открытым вопрос о содержании правомерного выражения воли. Достаточно вспомнить о знаменитом казусе Курия, заключавшимся в том, что некий бездетный, но женатый римлянин, составив завещание, назначил своим наследником еще не родившегося сына и подназначил наследником Мания Курия на случай, если сын умрет до своего совершеннолетия. После смерти наследодателя сын не родился вовсе. В таком случае суду

предстояло определить, будет ли отсутствие факта появления сына на свет выполнением условия завещания о назначении дополнительного наследника. Участие в указанной тяжбе стало причиной юридического сражения между двумя великими судебными ораторами Рима – Квинтом Муцием Сцеволой и Луцием Лицинием Крассом [Пестов 2022: 66-102].

Но попытаемся оценить спорное завещательное распоряжение со стороны техники выражения содержания документа, влекущего правовые последствия (завещания), и оформления принятого юридического решения, обратив внимание на то, что наследодатель не просто ведет речь о передаче имущества, а указывает срок исполнения завещания, характер и порядок действий по его исполнению.

Наследственные отношения с годами не стали проще. И в нынешних условиях возникают ситуации, при которых, например, в процессе составления завещания на нескольких исполнителей возлагается однородная обязанность. В таких обстоятельствах важным становится распределение действий наследников по реализации последней воли наследодателя и определение того, будут ли эти действия иметь солидарный характер или нет [Очередыко 2022: 44]. Особую важность в действиях лиц, участвующих в процессе наследственного правопреемства, приобретает упорядоченный характер совершаемых ими юридически значимых актов. На это указывает О. Г. Строкова, отмечая, что «завещание представляет собой правоотношение, складывающееся в целях упорядочения наследственного преемства» [Строкова 2012: 105].

Именно такой подход к содержанию понятия «завещание» и значению обозначающего его юридического термина позволяет провести семантические параллели между связанным с упорядочением наследования завещанием и термином «план» в значении «замысел, проект, задание, осуществление которых требует выполнения ряда предварительно обдуманных действий, мероприятий, объединенных общей целью» [Толковый словарь русского языка 1935-1940].

Отметим, что в п. 8 Постановления Правительства РФ от 27.05.2002 № 351 «Об утверждении Правил совершения завещательных распоряжений правами на денежные средства в банках» указывается на существующую для завещателя возможность предусмотреть в завещательном распоряжении условия выдачи вклада наследнику, которые будут связаны с действиями по предоставлению последнему определенных сумм в установленные вкладчиком сроки [Постановления Правительства РФ 2002], что по сути является утверждением завещателем плана выдачи денежных средств – «последовательным перечнем чьих-либо целесообразных действий, которые заранее распределены кем-либо в соответствии с временными отрезками, сроками исполнения» и охватывается одним из определений понятия «план», представленным в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. В. Дмитриева [Толковый словарь русского языка 2003].

Если в рассматриваемых случаях допустить возможность использования терминов «завещание» и «завещательное распоряжение», позволяющую всесторонне зафиксировать состояние юридической действительности на определенный момент времени, тогда использование термина «завещание» представляется корректным для обозначения планирования завещателем распоряжения имуществом на случай собственной смерти.

Такой подход в полной мере соответствует выработанным современной цивилистикой представлениям о сущности и функциях завещания. Так, авторы монографии «Физические лица как субъекты российского гражданского права» отмечают, что завещание предусматривает различные способы распоряжения имуществом в случае ухода гражданина из жизни, такие как определение наследников, исключение отдельных лиц из круга таковых, указание порядка распределения долей. Более того, при помощи завещания можно спланировать судьбу бизнеса (путем создания наследственного фонда), предусмотреть последовательные мероприятия, связанные с заботой о животных после смерти хозяина. Вместе с этим традиционное значение термина «завещание» иногда дискутируется в литературе по причине того, что при жизни лица завещание несколько не связывает лицо, его совершившее, которое может отменить или изменить завещание в любое время, а после смерти лица никаких обязанностей у завещателя не может возникнуть по причине отсутствия у него правоспособности. Таким образом, правовой эффект завещания состоит в определении судьбы имущества и возникает после смерти [Ворожевич, Гентов, Козлова и др. 2022], что по смыслу сближает слова «завещание» и «план» в связи с их функцией указания на характер и порядок действий определенных лиц в будущем.

Исходя из предположения об указанных особенностях значения термина «завещание», обратимся к судебной практике. Различные судебные акты отражают содержание речевого общения в процессе осуществления судебной власти, речевое воздействие сторон, диалог в рамках того или иного вида судебной юрисдикции, именуемые в совокупности судебным дискурсом [Бурленков 2013: 18-23], в котором термин «завещание» может использоваться с учетом определенных особенностей его значения.

При составлении судебных актов судам разных уровней приходится решать задачу, заключающуюся в ясном изложении сути позиций сторон судебной коммуникации. Обращаясь к тексту соответствующих документов, можно обнаружить указание на то, что «решение суда должно быть понятным участникам процесса на момент оглашения» [Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) № 22-1034 URL], «решение суда должно быть понятным и исполнимым» [Решение Кузьминского районного суда города Москвы № 2-126/13 URL], «решение суда должно быть понятным, не допускать различных толкований» [Решение Кировского районного суда города Астрахани № 2-1941/20 URL], «решение суда должно быть понятным, не должно вызывать затруднений при его исполнении» [Решение Котельничского районного суда Кировской № 2-704/2022 URL].

Таким образом, составляя текст описательной и резолютивной частей судебного акта, используя юридическую лексику, суд должен обеспечить ясную и понятную передачу информации, составляющей смысловое наполнение

судебного дискурса. При этом описание образов феноменов юридической реальности, существующих в сознании участников судебного процесса, требует наделения распространенных юридических терминов дополнительным значением. В данном случае привычное значение термина «завещание», связанное с указанием на односторонне обязывающую формально-определенную сделку, может оказаться недостаточным. В то же время ассоциация завещания с планом позволяет ответить на вопросы «Что?», «Где?», «Когда?», «Как?» в процессе реализации порядка наследственного правопреемства.

Так, в один из российских судов было подано исковое заявление о признании недействительным договора купли-продажи нежилого помещения, в котором сообщалось, что ответчик предложил истцу заключить договор долгосрочной аренды помещений или договор купли-продажи. После длительных размышлений было принято решение заключить договор аренды, так как истец в дальнейшем «планировала завещать имущество своим родственникам». Договор подписала не читая, поскольку была уверена, что подписывает договор аренды. Впоследствии ей стало известно, что ответчик вел ее в заблуждение относительно правовой природы сделки [Решение Вологодского городского суда № 2-3313/2020 URL].

В рассмотренном примере планирование определения судьбы имущества непосредственно связывается истицей с составлением завещания, что находит отражение в тексте судебного акта.

Другой пример связан с обращением истицы в суд с требованием о признании договора дарения квартиры недействительным в связи с тем, что отношения дарения отсутствовали по причине принятия одаряемой (ответчиком) на себя встречных обязательств по договору. В процессе истец заявила, что не знала о намерении ответчика оформить сделку в установленном законом порядке и «планировала в дальнейшем составить завещание» в отношении спорного жилого помещения [Решение Партизанского городского суда Приморского края № 2-1079/2020 URL].

И в этом примере участник судебного дискурса связывает составление завещания с планом распоряжения имуществом после его смерти.

В следующем примере, оспаривая договор дарения, истец утверждала, что на момент подписания договора дарения была введена в заблуждение ответчиком и полагала, что подписывает завещание, а не договор дарения. О том, что был заключен договор дарения, истцу стало известно после получения выписки из Единого государственного реестра недвижимости. Однако суд, оценивая доводы истца, отметил, что поведение истицы, самостоятельно принимаемые решения о способе и условиях распоряжения принадлежащим ей имуществом в виде спорной квартиры свидетельствуют о том, что она «сохраняла возможность долговременного планирования и прогнозирования, правильно оценивала перспективу развития событий» [Решение Бийского городского суда Алтайского края № 2-293/2020 URL].

Примечательно, что суд, давая оценку доводам сторон, в тексте судебного акта использует для обозначения предполагаемого составления завещания словосочетание «возможность долговременного планирования», что очевидно указывает на наделение термина «завещание» дополнительным значением или на появление ассоциативных компонентов значения, которыми рассматриваемый юридический термин обладает помимо собственного значения (денотата).

Рассмотренные примеры, взятые из судебных актов, показывают, что термин «завещание» дополнительно обладает содержательными компонентами значения, функционирующими в речевых актах в рамках судебного дискурса.

В таком когнитивном преломлении наличие особенностей значения термина «завещание», семантически сближающих его со словом «план», показывает, что юридическая лексика, актуализируясь в судебном дискурсе, демонстрирует не только свое значение, но и потенциальную энергию быть выражением или отображением побочных, ассоциативно связанных с ним образов. При этом особенно существенное значение в смысловой структуре слов имеют степень, пределы их отклонения от первоначальной семантической среды [Виноградов 1935: 163].

Таким образом, традиционная семантика термина «завещание» определяется через гражданско-правовой институт наследования по завещанию и касается односторонне обязывающей формально-определенной сделки, совершаемой физическим лицом лично, содержанием которой выступает возможность распоряжения принадлежащим завещателю в настоящее время или в будущем на праве собственности имуществом в целях упорядочения наследственного преемства [Строков 2013: 105]. Однако контекстом судебного дискурса привносятся или выявляются через него смысловые приращения, позволяющие использовать юридический термин «завещание» для обозначения плана распоряжения наследством.

Литература

Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 26 июня 2020 № 22-1034 URL: <https://lawnotes.ru/podborki-gk-rf/reshenie-suda-dolzno-byt-ponyatnym>

Боруленков Ю. П. Дискурс как метод юридического познания и доказывания. Часть 2. Нарративная природа судебного дискурса / Мировой судья. – 2013. – № 12. – С. 18–23.

Виноградов В. В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М., 1935.

Ворожеевич А. С., Гентовт О. И., Козлова Н. В. и др. Физические лица как субъекты российского гражданского права: монография. М., 2022.

Очеретко Е. А. Наследование по завещанию: учебное пособие. Елец, 2022.

Пестов М. М. Causa Curiana как пример влияния риторики на толкование завещаний в римском праве / Вестник гражданского права. – 2022. – Т. 22. – № 3. – С. 66-102.

Постановление Правительства РФ от 27.05.2002 № 351 «Об утверждении Правил совершения завещательных распоряжений правами на денежные средства в банках» / СПС КонсультантПлюс.

Решение Бийского городского суда Алтайского края от 14 сентября 2020 г. по делу № 2-293/2020 URL: <http://sudact.ru/>

Решение Вологодского городского суда от 27 июля 2020 г. по делу № 2-3313/2020 URL: <http://sudact.ru/>

Решение Кировского районного суда города Астрахани от 9 сентября 2020 года № 2-1941/20 URL: <https://lawnotes.ru/podborki-gk-rf/reshenie-suda-dolzhno-byt-ponyatnym>

Решение Котельничского районного суда Кировской области от 4 октября 2022 года № 2-704/2022 URL: <https://lawnotes.ru/podborki-gk-rf/reshenie-suda-dolzhno-byt-ponyatnym>

Решение Кузьминского районного суда города Москвы от 19 февраля 2013 года № 2-126/13 URL: <https://lawnotes.ru/podborki-gk-rf/reshenie-suda-dolzhno-byt-ponyatnym>

Решение Партизанского городского суда Приморского края от 12 ноября 2020 г. по делу № 2-1079/2020 URL: <http://sudact.ru/>

Римское частное право : учебник. М., 2014.

Строкова О. Г. Понятие завещания и необходимые основания ограничения принципа его свободы / Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 5 (94). – С. 105.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003. URL: <https://dic.academic.ru/>

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. URL: <https://dic.academic.ru/>

References

Appeal resolution of the Supreme Court of the Republic of Sakha (Yakutia) dated June 26, 2020 No. 22-1034 URL: <https://lawnotes.ru/podborki-gk-rf/reshenie-suda-dolzhno-byt-ponyatnym> (in Russian).

Borulenkov, Y. P. (2013). Discourse as a method of legal knowledge and proof. Part 2. The narrative nature of judicial discourse. *Magistrate*, 12, 18–23 (in Russian).

Decision of the Biysk City Court of the Altai Territory dated September 14, 2020 in case No. 2-293/2020 URL: <http://sudact.ru/> (in Russian).

Decision of the Kirov district ore city of Astrakhan dated September 9, 2020 No. 2-1941/20 URL: <https://lawnotes.ru/podborki-gk-rf/reshenie-suda-dolzhno-byt-ponyatnym> (in Russian).

Decision of the Kotelnicheskoy District Court of the Kirov Region dated October 4, 2022 No. 2-704/2022 URL: <https://lawnotes.ru/podborki-gk-rf/reshenie-suda-dolzhno-byt-ponyatnym> (in Russian).

Decision of the Kuzminsky District Court of Moscow dated February 19, 2013 No. 2-126/13 URL: <https://lawnotes.ru/podborki-gk-rf/reshenie-suda-dolzhno-byt-ponyatnym> (in Russian).

Decision of the Partizan City Court of Primorsky Krai dated November 12, 2020 in case No. 2-1079/2020 URL: <http://sudact.ru/>

Decision of the Vologda City Court of July 27, 2020 in case No. 2-3313/2020 URL: <http://sudact.ru/> (in Russian).

Decree of the Government of the Russian Federation of May 27, 2002 No. 351 "On approval of the Rules for making testamentary dispositions of rights to funds in banks" / ConsultantPlus (in Russian).

Explanatory Dictionary of the Russian Language / Ed. D. V. Dmitriev. Moscow. 2003. URL: <https://dic.academic.ru/> (in Russian).

Explanatory Dictionary of the Russian Language / Ed. D.N. Ushakov. Moscow. 1935-1940. URL: <https://dic.academic.ru/> (in Russian).

Ocheretko, E. A. (2022). Inheritance by will: a textbook. Yelets (in Russian).

Pestov, M. M. (2022). Causa Curiana as an example of the influence of rhetoric on the interpretation of wills in Roman law. *Bulletin of Civil Law*, T. 22, 3, 66–102 (in Russian).

Roman private law: textbook (2014). Moscow (in Russian).

Strokov, O. G. (2013). The concept of a will and the necessary grounds for limiting the principle of its freedom *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 5, 105 (in Russian).

Vinogradov, V. V. (1935). The language of Pushkin: Pushkin and the history of the Russian literary language. Moscow (in Russian).

Vorozhevich, A. S., Gentovt, O. I., Kozlova, N. V. and others. (2022). Individuals as subjects of Russian civil law: monograph Moscow (in Russian).

Citation:

Салтыков К. Г. Особенности значения термина «завещание» в судебном дискурсе // Юрислингвистика. – 2024. – 31. – С. 20-23.

Saltykov K. G. (2024) Features of the Meaning of the Term «Testament» in Judicial Discourse. *Legal Linguistics*, 31, 20–23.



Понятие «традиционная религия (конфессия)»: правовой аспект

О. Е. Авилова¹, Ю. А. Зеленин², К. А. Синкин³

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹avilova-oksana@rambler.ru, ²uri-zelenin@yandex.ru, ³ska76@mail.ru

В статье рассматривается вопрос правового определения термина «традиционная религия», широко применяемого в современном российском политическом дискурсе. Отмечается, что относительно такого определения существуют различные позиции: рассматриваемое понятие имеет культурно-исторический характер и не имеет самостоятельного нормативного значения; согласно другому мнению, наличие рассматриваемого понятия в законодательстве уже само по себе предполагает правовой характер. Авторы приходят к выводу о том, что, несмотря на всеобщепотребительность терминов «традиционные религиозные организации», «традиционные религии», на федеральном уровне отсутствует легальное определение данных понятий и четкий перечень конфессий и религиозных организаций, к ним относящихся, что создает ситуацию правовой неопределенности.

Ключевые слова: традиционная религия, традиционные религиозные организации, правовое регулирование деятельности религиозных организаций.

The Concept of Traditional Religion (Confession): Legal Aspect

O. E. Avilova¹, U. A. Zelenin², K. A. Sinkin³

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹avilova-oksana@rambler.ru, ²uri-zelenin@yandex.ru, ³ska76@mail.ru

The article examines the issue of the legal definition of the notion *traditional religion* which is widely used in modern Russian political discourse. It is noted that there are different approaches to this notion. The first approach states that the definition of the concept in question is cultural and historical in nature and does not have an independent legislative effect. The second one proves that the presence alone of the concept in question in legislation would presuppose its legal character. The authors come to the conclusion that despite the widespread use of the notions of “traditional religious organizations” and “traditional religions”, there is no legal definition of these concepts at the federal level as well as a precise list of confessions and religious organizations related to them, which creates a situation of legal ambiguity.

Key words: traditional religion, traditional religious organizations, legal regulation of the activities of religious organizations.

Понятия «традиционная религия» и «традиционная конфессия» не имеют однозначного значения. Термин «традиционная религия», применяемый в современном российском политическом дискурсе и в научной среде, в настоящий момент остается дискуссионным. Связано это с тем, что некоторые религиоведы под традиционными религиями понимают в первую очередь ранние формы религии, такие как анимизм, фетишизм, тотемизм, культ предков, шаманизм и др., хотя чаще для обозначения ранних форм религии используются термин «традиционные верования» [Энциклопедия «Народы и религии мира» URL]. Также, начиная со второй половины 1990-х гг., этот термин стал активно использоваться для обозначения религий народов, которые изначально жили на территории какого-либо государства или на территориях, входивших в его состав на протяжении веков, – в противоположность нетрадиционным религиям, «привнесенным» извне в течение последних десятилетий [Гуревич 2014: 536-537].

Есть и другие трактовки понятия «традиционная религия». Так, социолог религии Е. А. Островская под термином «традиционные религии» подразумевает «только те, которые базируются на письменном источнике знания, т. е. располагают сформулированной и письменно зафиксированной доктриной. Традиционные религии трактуются нами как обнаруживающие – наряду с кодификацией священных/канонических текстов отчетливое различие системы и

среды, воплощаемое в письменно зафиксированной модели институционального самовоспроизведения» [Островская 2005: 256].

Также ведутся споры о том, какие религии или конфессии для России являются традиционными, и о необходимости их юридического закрепления. Поскольку в соответствии со ст. 14 Конституции Российской Федерации «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [Конституция Российской Федерации URL], требования предоставить некоторым конфессиям особый статус «традиционная религия» тоже вызывал определенные споры.

В действующем российском законодательстве термины «традиционная религия» или «традиционная конфессия» отсутствуют. Однако преамбула Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» декларирует признание государством особой роли православия в истории страны и выражение уважения к христианству, исламу, буддизму, иудаизму и другим религиям, являющимся неотъемлемой частью духовного и исторического наследия народов России [Федеральный закон 1997]. Эта формулировка, наряду с поддержкой, была раскритикована, в том числе и на официальном уровне. Так, Уполномоченный по правам человека Российской Федерации О. О. Миронов обратил внимание на следующее: «Во-первых, какие религии подпадают под определение "других" – католицизм, униатство, или же, скажем, пятидесятники и молокане, которые также могут рассматриваться как часть исторического наследия России. Во-вторых, означает ли это неуважение к другим религиям, не поименованным в Законе, - конфуцианству, индуизму и т. п. – не являющимся частью этого наследия. При нынешних формулировках преамбулы строгого юридического ответа на эти вопросы не существует» [Заключение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации 1999].

Ссылаясь на содержание преамбулы, некоторые авторы считают, что поскольку в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» содержится данное понятие, то, следовательно, оно уже имеет правовой характер [Чув 2002: 132-135]. Другие исследователи доказывают, что данное понятие – «традиционные религии» – имеет культурно-исторический характер и не имеет самостоятельного нормативного значения [Овсиенко, Одинцов, Трофимчук 1996: 9].

Следует также отметить, что термин «традиционные религии/конфессии» до настоящего времени не содержится ни в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях», ни в иных федеральных законах, хотя предпринимались неоднократные попытки его закрепления.

Так, в законопроекте Федерального закона «О традиционных религиозных организациях», внесенном депутатами Государственной думы России В. У. Корниенко (ЛДПР), В. А. Лисичкиным (ЛДПР), В. И. Шандыбиным (КПРФ) и С. В. Житинкиным (Единство) в 1999 г. были предложены признаки «традиционной религии»: «1) ее последователи открыто действуют на территории Российской Федерации не менее ста лет; 2) ее учение и практика традиционны для России или нескольких ее регионов и не противоречат действующему законодательству Российской Федерации; 3) ее нравственное учение и социальная деятельность направлены на цели, признаваемые обществом гуманными, укрепляющими личную и общественную мораль и содействующими укреплению российской государственности» [Проект Федерального закона 1999]. К традиционным для России были отнесены «учения и практика религиозных организаций, исповедующих православное христианство и ислам», при этом почему-то были исключены из перечня иудаизм и буддизм [Проект Федерального закона 1999]. Предлагались также и иные законопроекты [Бурьянов, Костенко 2007: 272; Мельниченко 2012].

На уровне подзаконных нормативных актов и иных правовых актов картина выглядит иначе. Например, в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» в качестве одной из задач по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти закреплена в п. 10 «поддержка религиозных организаций традиционных конфессий, обеспечение их участия в деятельности, направленной на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, гармонизацию российского общества, распространение культуры межконфессионального диалога, противодействие экстремизму» [Указ Президента Российской Федерации 2021].

В «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в рамках реализации стратегического национального приоритета "Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти" в качестве задачи государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей закреплена пункт «ж» – о поддержке религиозных организаций традиционных конфессий, обеспечении их участия в деятельности, направленной на сохранение традиционных ценностей, противодействию деструктивным религиозным течениям. В то же время в данном указе не содержится ни определения «религиозных организаций традиционных конфессий», ни их полного перечня [Указ Президента Российской Федерации 2022].

В «Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» (2021) в качестве направления сотрудничества ФСИН с институтами гражданского общества предлагается «укрепление сотрудничества и расширение участия религиозных организаций, относящихся к основным традиционным религиям, в духовно-нравственном просвещении и воспитании осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также сотрудников уголовно-исполнительной системы» [Распоряжение Правительства Российской Федерации 2021].

Таким образом, несмотря на общеупотребительность терминов «традиционные религиозные организации», «традиционные религии», на федеральном уровне отсутствует легальное определение данных понятий и четкий перечень конфессий и религиозных организаций, к ним относящихся, что создает ситуацию правовой неопределенности.

Литература

Бурьянов С. А., Костенко Н. В. Свобода убеждений, совести и религии в современной России: специализированный информационно-аналитический доклад. М., 2007.

Заключение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «О проверке соответствия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» международно-правовым обязательствам Российской Федерации» / Российская газета. – № 77. – 22.04.1999.

Конституция Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

Мельниченко О. В. Традиционные религии России: к вопросу о терминах. URL: <https://www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/34.html>

О свободе совести и о религиозных объединениях. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/
Овсиенко Ф. Г., Одинцов М. И., Трофимчук Н. А. и др. Религия, свобода совести, государственно-церковные отношения в России: опыт прошлого и настоящего. М., 1996.

Проект Федерального закона № 99048645-2 «О традиционных религиозных организациях России» (текст по состоянию на 12.05.1999). URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=28861#legL1yT4g1dmy125>

Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>

Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» / Российская газета. – № 190. – 01.10.1997.

Энциклопедия «Народы и религии мира». URL: https://peoples_religion.academic.ru/159/верования_традиционные

References

Buryanov, S. A., Kostenko, N. V. (2007). Freedom of belief, conscience and religion in modern Russia: specialized information and analytical report. Moscow (in Russian).

Conclusion of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation "On verification of the compliance of the Federal Law "On Freedom of Conscience and on Religious Associations" with the international legal obligations of the Russian Federation" / Rossiyskaya Gazeta. – No. 77. – 04/22/1999 (in Russian).

Constitution of the Russian Federation. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (in Russian).

Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (in Russian).

Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (in Russian).

Draft Federal Law No. 99048645-2 "On Traditional Religious Organizations in Russia" (text as of May 12, 1999). Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=28861#legL1yT4g1dmy125> (in Russian).

Encyclopedia "Peoples and Religions of the World". Available from: https://peoples_religion.academic.ru/159/верования_традиционные (in Russian).

Federal Law of September 26, 1997 No. 125-FZ "On Freedom of Conscience and Religious Associations" / Rossiyskaya Gazeta. – No. 190. – 10/01/1997 (in Russian).

Melnichenko, O. V. Traditional religions" of Russia: on the issue of terms. Available from: <https://www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/34.html> (in Russian).

On freedom of conscience and religious associations. Available from:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (in Russian).

Ovsienko, F. G., Odintsov, M. I., Trofimchuk, N. A. and others. (1996). Religion, freedom of conscience, state-church relations in Russia: experience of the past and present. Moscow (in Russian).

Citation:

Авилова О. Е., Зеленин Ю. А., Синкин К. А. Понятие «традиционная религия (конфессия)»: правовой аспект // Юрислингвистика. – 2024. – 31. – С. 24-26.

Avilova O. E., Zelenin U. A., Sinkin K. A. (2024) The Concept of Traditional Religion (Confession): Legal Aspect. Legal Linguistics, 31, 24-26.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Трансграничное банкротство: понятие, основы правового регулирования, практика правоприменения

И. В. Кирюшина¹, Е. Ю. Коваленко²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹kirushina_ira@mail.ru, ²ekov_@mail.ru

В условиях интернационализации экономики разных стран, когда несостоятельный должник и кредиторы имеют разную национальную принадлежность, либо имущество несостоятельного должника, на которое обращается взыскание кредиторов, находится в разных странах, различия национальных систем правового регулирования несостоятельности являются серьезным препятствием для разрешения вопросов, связанных с признанием должника банкротом и удовлетворением требований кредиторов. Попытки унификации международно-правового регулирования отношений трансграничной несостоятельности, предпринимаемые в течение длительного времени, не увенчались успехом, что заставляет государства искать иные выходы для разрешения коллизий, возникающих в процессе применения норм банкротного законодательства различных правовых порядков.

Авторами анализируются сложившиеся в отечественном правовом порядке подходы к трансграничным банкротствам, в том числе с учетом правоприменительной практики последнего времени. Исследуется вопрос об определении юрисдикции в деле о банкротстве иностранных юридических лиц в Российской Федерации. Российские суды применяют концепцию центра основных интересов должника при трансграничном банкротстве не только иностранных граждан, но и иностранных юридических лиц. На основе проведенного анализа предложено уточнение традиционного понятия трансграничной несостоятельности (банкротства) как отношений, возникающих в процессе признания лица банкротом, осложненных иностранным элементом в виде находящихся на территории нескольких государств активов российского должника или участия в деле о банкротстве российского должника иностранных кредиторов, а также банкротства иностранного должника, основная деятельность и имущество которого находятся в России, на основе принципа тесной связи с государством применимого права.

В статье рассматриваются такие проблемные аспекты трансграничной несостоятельности, как понятие трансграничной несостоятельности, вопросы определения основной и вторичной юрисдикций, возможность существования параллельных разбирательств, концепция персонифицированной конкурсной массы. Исследуется проблема оспаривания сделок должника в рамках трансграничного банкротства, в частности вопросы применимого статута и соотношения сферы недействительности сделок и сферы несостоятельности (банкротства). Решение указанных проблем видится в рамках трансформации доктрины и институтов трансграничной несостоятельности.

Ключевые слова: трансграничное банкротство, статут несостоятельности, *lex fori concursus*, применимое право, коллизионное регулирование, банкротный туризм, оспаривание и признание недействительными сделок должника.

Cross-Border Bankruptcy: Concept, Fundamentals of Legal Regulation, Law Enforcement Practice

I. V. Kiryushina¹, E. Y. Kovalenko²

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹kirushina_ira@mail.ru, ²ekov_@mail.ru

In the context of the internationalization of the economies of different countries, when the insolvent debtor and creditors have different nationalities, or the property of the insolvent debtor, which is being foreclosed on by creditors, is located in different countries, differences in national systems of legal regulation of insolvency are a serious obstacle to resolving issues related to the recognition of the debtor as bankrupt and satisfaction of creditors' claims. Attempts to unify the international legal regulation of cross-border insolvency relations, undertaken for a long time, have failed, which forces countries to look for other ways to resolve conflicts arising in the process of applying the norms of bankruptcy legislation of various legal systems.

The authors analyze the approaches to cross-border bankruptcies that have developed in the domestic legal order, including recent law enforcement practice. The issue of determining jurisdiction in the bankruptcy case of foreign legal entities in the Russian Federation is being investigated. Russian courts apply the concept of the center of the debtor's main interests not only to the cases of cross-border bankruptcy of foreign citizens, but also to foreign legal entities. The authors investigated the issue of determining jurisdiction in the bankruptcy case of foreign legal entities in the Russian Federation. It is proposed to clarify the traditional concept of cross-border bankruptcy as a relationship arising in the process of declaring a person bankrupt, complicated by a foreign element in the form of assets of a Russian debtor located on the territory of several countries or participation of foreign creditors in the bankruptcy of a Russian debtor, as well as bankruptcy of a foreign debtor whose main business and property are located in Russia or on the territory of several countries, the whole idea based on the principle of close contact with the country of applicable law.

The article examines such problematic aspects of cross-border insolvency as the definition of cross-border insolvency, the issues of determining primary and secondary jurisdictions, the possibility of parallel proceedings and the concept of a personified bankruptcy estate. The problem of challenging the debtor's transactions in the framework of cross-border bankruptcy is investigated, in particular, the issues of applicable legislation and the ratio of the sphere of invalidity of transactions and the sphere of bankruptcy. The conclusion is made about the need to transform the doctrine and institutions of cross-border insolvency.

Key words: cross-border bankruptcy, statute of insolvency, *lex fori concursus*, applicable law, conflict of laws regulation, bankruptcy tourism, contesting and invalidation of debtor's transactions.

Неспособность лица погасить свои долговые обязательства, подтвержденная, в частности, судом, именуется в частноправовых отношениях несостоятельностью. В ряде случаев имеет место смешение категорий несостоятельности и банкротства. Между тем банкротство есть, что немаловажно, одно из проявлений и юридических последствий несостоятельности. Для целей настоящего исследования данные термины используются как равнозначные.

Вопрос о трансграничном банкротстве возникает в ситуациях, когда имущество должника находится в разных юрисдикциях, либо должник и кредитор имеют разную национальную принадлежность. Еще в прошлом столетии можно было говорить о том, что проблема трансграничного банкротства лишь набирает обороты. Сегодня же, в условиях глобализации и расширения сотрудничества между странами, это объективная реальность. Встречаются далеко не единичные случаи такого банкротства. И тот факт, что они имеют тенденцию к увеличению, а круг их участников постоянно расширяется, свидетельствует о том, что проблема трансграничного банкротства является актуальной. Многие крупные российские компании имеют сложные корпоративные структуры, большая часть которых расположена за пределами Российской Федерации, поэтому проблема правового регулирования трансграничной несостоятельности становится для них особо актуальной.

В международном частном праве явление трансграничной несостоятельности (банкротства) рассматривается как институт, который является самостоятельным и обладает одновременно и материально-правовыми, и процессуально-правовыми элементами.

Трансграничная несостоятельность заключается в юридической связи между правопорядком двух и более государств, законодательство о банкротстве которых имеет определенные отличия. В результате этого возникает необходимость в решении вопросов, связанных с определением применимого права; согласованием производств по делу о несостоятельности, возбужденных в различных государствах; с признанием производства, возбужденного на территории другого государства; с исполнением судебных решений и иных актов, принятых в деле о банкротстве, на территории иностранных государств. До настоящего времени в законодательстве и судебной практике различных государств не выработано единого решения данных вопросов.

Легальное определение трансграничной несостоятельности в настоящее время отсутствует. Классически трансграничное банкротство понимается как банкротство, осложненное иностранным элементом. В качестве иностранного элемента для целей квалификации банкротства как трансграничного могут выступать: иностранный по отношению к должнику кредитор, участвующий в деле о банкротстве, активы должника, в отношении которого у него имеются вещные права, а также иностранное по отношению к должнику контролирующее его лицо [Трутников 2006: 155-156].

При наличии в деле о банкротстве иностранного элемента важно определить юрисдикцию (какому суду данное дело подсудно), а следовательно, и применимое право (право какого государства подлежит применению). Один из основополагающих принципов трансграничной несостоятельности – применимое право определяется на основе правила *lex fori concursus* – право суда места открытия производства (за некоторыми исключениями). Следовательно, первый вопрос, который подлежит решить истцам и суду: суду какого государства подсудно данное дело, где должно быть открыто конкурсное производство.

В российском праве, а также в законодательствах других стран не имеется специальной коллизионной привязки, которая бы давала ответ на вопрос о признании лица несостоятельным. В такой ситуации суды вынуждены руководствоваться общими положениями процессуального и материального права Российской Федерации.

В отечественном законодательстве вопрос о возможности рассмотрения спора российским судом на основе российского законодательства прямо решен только применительно к ситуации, когда иностранное лицо является кредитором. В таком случае закон РФ подлежит применению, если иное не установлено международным договором

Российской Федерации (п. 5 ст. 1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», далее – Закон о банкротстве) [Федеральный закон 2002].

В отношении иностранного должника юридического лица такой оговорки нет. В этой связи традиционно российские суды не рассматривали дела о банкротстве иностранных юридических лиц, указывая, что заявление о признании должника банкротом должно подаваться по месту его нахождения со ссылками на ст. 33 Закона о банкротстве. Даже в отношении представительств иностранных компаний, действовавших на территории Российской Федерации, суды отказывали в принятии исков о банкротстве, указывая, что представительства не являются самостоятельными юридическими лицами [Определение Верховного Суда Российской Федерации 2018].

Однако в мае 2022 г. Арбитражный суд Челябинской области впервые признал иностранное юридическое лицо Pandora consulting LC, которое было зарегистрировано на острове Сент-Китс и Невис, банкротом в России. Вышестоящие судебные инстанции подтвердили такую возможность, обосновав это ведением лицом основного бизнеса в России, указав на принцип тесной связи должника с Россией [Постановление Арбитражного суда Уральского округа 2022; Определение Верховного Суда Российской Федерации 2023]. В настоящее время суды, рассматривающие аналогичные споры, в обоснование допустимости банкротства в России иностранных юридических лиц ссылаются на определение Верховного Суда РФ по делу Pandora. В «группу риска» попали иностранные юридические лица, зарегистрированные в «офшоре», основная деятельность и имущество которых находятся в России.

Для физических лиц, которые не являются гражданами Российской Федерации, возможность проведения процедуры банкротства в российском суде определялась отечественными судами по-иному. Поскольку территориальность для физических лиц определяется местом их проживания, а не на основе гражданства, возможность возбуждения дела в российской юрисдикции признавалась судами. Примером является дело гражданина Германии Брискина, признанного банкротом российским судом [Решение Арбитражного суда города Москвы 2016].

Российские суды при определении надлежащей компетенции в деле о банкротстве стали применять концепцию центра основных интересов должника (принцип COMI – center of main interests of the debtor) при трансграничном банкротстве не только иностранных граждан, но и иностранных юридических лиц.

Отмеченное требует уточнения традиционного понятия трансграничной несостоятельности (банкротства) как отношений, возникающих в процессе признания лица банкротом, осложненных иностранным элементом в виде находящихся на территории нескольких государств активов российского должника или участия в деле о банкротстве российского должника иностранных кредиторов, а также банкротства иностранного должника, основная деятельность и имущество которого находятся в России, на основе принципа тесной связи с государством применимого права.

С учетом положительного решения вопроса о возможности возбуждения дела о банкротстве иностранных юридических лиц по месту нахождения основных интересов должника, требует корректировки и подход к вопросу о том, обладают ли иностранные суды правом возбуждения и рассмотрения дел о банкротстве в отношении российских юридических лиц по заявлениям иностранных кредиторов, например в случае нахождения их имущества за рубежом.

Согласно ранее обосновываемой судами позиции, ответ на данный вопрос был отрицательным: иностранные кредиторы должны обращаться в российские суды, обладающие исключительной компетенцией по рассмотрению такой категории споров. Однако, исходя из складывающейся судебной практики признания российскими судами своей компетенции применительно к банкротству иностранных лиц, ответ на данный вопрос не представляется столь однозначным [Ярков 2023: 52-64].

Критерии центра основных интересов были сформулированы в «деле Пудова». О наличии центра основных интересов на территории РФ свидетельствуют: возбуждение дела о банкротстве на территории РФ; наличие всех кредиторов должника на территории РФ; факт привлечения к субсидиарной ответственности на территории РФ; факт возбуждения уголовного дела на территории РФ; факт регистрации Пудова С. А. в Российской Федерации; наличие имущества и счетов в кредитных организациях на территории РФ; факт участия представителей Пудова С. А. в деле о банкротстве должника и в иных процессах в судах общей юрисдикции [Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда 2022].

При применении принципа центра основных интересов должника следует учитывать, что определение юрисдикции на его основе не должно перекрывать иную юрисдикцию, очевидно более подходящую для возбуждения дела о несостоятельности как с позиции имущественной доступности должника, так и с позиции удобства потенциальных кредиторов. В этой связи авторами оценивается подход, выработанный российскими судами по признанию российской юрисдикции в качестве эффективной вне уже существующей процедуры, возбужденной в суде иного государства [Бараданченкова 2021: 61-62].

Так, Верховный Суд Российской Федерации закрепил подход, согласно которому к компетенции арбитражных судов относятся споры с участием иностранных лиц, осуществляющих неосновную экономическую деятельность на территории Российской Федерации, в случае установления невозможности рассмотрения спора в рамках дела о банкротстве, возбужденного в другой стране, и отсутствия специальных международных договоров по вопросам взаимного признания решений по делам о несостоятельности (банкротстве), стороной которых являлась бы Российская Федерация [Определение Верховного Суда Российской Федерации 2020; Определение Верховного Суда Российской Федерации 2021].

Рассмотренное выше «дело Pandora» представляет интерес еще и в связи с концепцией персонифицированной конкурсной массы. Фактически конкурсное производство было введено в отношении имущественной массы Pandora consulting LC, находящейся в Российской Федерации, на что прямо указывает суд в своем решении: как полагает суд, отказ кредитору в применении предусмотренных российским Законом о банкротстве механизмов, направленных на максимально полное и соразмерное требование кредиторов в отношении находящейся на территории Российской Федерации имущественной массы иностранного юридического лица, ограничивал бы право кредитора на получение эффективной судебной защиты со стороны российского суда. В рассматриваемом случае, как полагает суд, в соответствии с российским законодательством следует провести мероприятия конкурсного производства в отношении именно имущественной массы должника, находящейся или тесно связанной с Российской Федерацией, аналогично институтам банкротства неправосубъектных образований (наследственной массы, крестьянского фермерского хозяйства), а также институту распределения имущества ликвидированного юридического лица.

В этой связи актуальным вопросом в доктрине и практике трансграничной несостоятельности является возможность наличия одновременно нескольких производств в разных государствах в отношении одного должника, порождающая параллельные разбирательства. Основания возникновения параллельных разбирательств в рамках трансграничных банкротств различны:

- возбуждение нескольких процедур банкротства в различных юрисдикциях;
- возбуждение основной и вторичной процедур в различных юрисдикциях;
- возбуждение обособленных споров, непосредственно связанных с основным разбирательством, в юрисдикции, отличной от юрисдикции возбуждения дела о банкротстве.

Вполне реалистичной видится ситуация, когда первоначальный должник был признан несостоятельным в одной юрисдикции (например, в центре основных интересов должника), но свои активы и пассивы он имеет не только в этой (основной) юрисдикции, но и в других (вторичных). Кредиторы вторичных юрисдикций могут требовать возбуждения самостоятельных банкротных дел в отношении имущества, находящегося на территории вторичных юрисдикций, несмотря на то, что лицо уже признано несостоятельным в основной юрисдикции.

И в случае с концепцией модифицированного универсализма, и в случае виртуальной территориальности образуется несколько конкурсных масс, которые имеют своих территориальных кредиторов, получающих удовлетворение строго от своей конкурсной массы. Признание несостоятельной одной конкурсной массы не ведет к автоматическому признанию несостоятельности других вторичных конкурсных масс, что указывает на их автономный характер.

Также вполне возможны несовпадение конкурсообразностей (т. е. когда одно и то же лицо в одной юрисдикции способно быть должником в отношениях несостоятельности, а в другой юрисдикции – нет) или отсутствие конкурсообразности по личному закону юридического или физического лица. Например, если личным законом юридического или физического лица недопустимо введение банкротных процедур в отношении таких лиц, кредиторы других юрисдикций остались бы беззащитными в ситуации их фактической несостоятельности. Решение рассматриваемой проблемы основывается на теории персонифицированной конкурсной массы, в силу которой кредиторы вправе требовать признания несостоятельной именно имущественной массы таких лиц, которая находится на территории соответствующей юрисдикции.

Причины появления параллельных производств в рамках трансграничной несостоятельности могут быть разными. Во-первых, действие той или иной доктрины правового регулирования трансграничной несостоятельности. В доктрине трансграничной несостоятельности сформировались две концепции: территориализма (или территориальности) и универсализма (или единого производства). Принцип территориальности производства означает, что процедуры банкротства исполняются только в той стране, на территории которой они были возбуждены, и суды применяют законодательство соответствующей юрисдикции. Принцип единства процедуры банкротства означает, что возможна только одна процедура банкротства, совершенная в месте ведения бизнеса должника. Российский правопорядок придерживается концепции территориальности.

Доктрина территориальности предполагает проведение банкротных процедур в отношении одного и того же должника почти или полностью без учета интересов иностранных кредиторов. Потенциально это может влечь за собой возбуждение еще одной параллельной процедуры банкротства в другой юрисдикции.

Во-вторых, причина появления параллельных производств – *forum shopping*, основанный на концепции центра основных интересов. Центр основных интересов должника презюмируется в стране места нахождения должника, однако он может быть и иным, учитывая отмеченные выше факторы. Поскольку в основе конструкции COMI лежат обстоятельства фактического характера, которые могут изменяться, это обусловило возможность появления так называемого банкротного туризма (*COMI-shopping*) – выбор наиболее выгодной локации COMI [Мохова, Яцук, Лиджанова 2020: 97-114].

В международном гражданском процессе существует несколько инструментов устранения дублирующих разбирательств: доктрина *forum non conveniens* (неудобного суда), доктрина *lis alibi pendens*, запрет на предъявление иска в другом суде (*anti-suit injunctions*). Возможно ли применение указанных инструментов в случае трансграничного банкротства?

Доктрина *forum non conveniens* позволяет суду отклонить иск, когда существует удобный альтернативный юрисдикционный орган для разрешения спора. Очевидно, что потенциально такой инструмент вполне может работать в случае с трансграничным банкротством, особенно если суд будет тщательно подходить к определению COMI.

Доктрина *lis pendens* предполагает, что если дело рассматривается в одном суде, то другой суд параллельного разбирательства обязан отказать в рассмотрении дела или приостановить производство. Данная доктрина широко применяется в случае с ординарными спорами, однако в случае с трансграничным банкротством применение ее проблематично в силу необходимости соблюдения условий ее применения: совпадение требований в двух процессах, совпадение сторон и временные параметры (дело в одном суде возбуждено раньше, чем в другом), а также возможности признания судебных актов, вынесенных в рамках дела о несостоятельности в другой юрисдикции [Костин 2019: 120-142].

Запрет на предъявление иска в другом суде (*anti-suit injunctions*) для целей трансграничного банкротства мог бы представлять собой запрет на возбуждение дел о банкротстве, вторичном разбирательстве и обособленных спорах. Вместе с тем даже в странах англосаксонского права вопрос о его применении для целей трансграничного банкротства остается спорным.

Еще одной проблемой трансграничного банкротства является проблема оспаривания сделок, совершенных должником в рамках трансграничной несостоятельности. Институт оспаривания сделок, совершенных должником, в рамках трансграничной несостоятельности и его аналоги на уровне отдельных правопорядков призваны дать арбитражному управляющему удобный инструмент для максимально полного, быстрого и эффективного пополнения конкурсной массы должника и, соответственно, как можно более полного, быстрого и справедливого удовлетворения требований кредиторов. В России, однако, данный институт сталкивается с очевидной недостаточностью правового регулирования. Поэтому мы не найдем в отечественном коллизионном праве специальных правил, регулирующих все вопросы признания недействительными таких сделок. Даже на уровне иностранного законодательства данное направление не получило особого развития и до сих пор остается одним из проблемных. Возможно, это связано с общетеоретическими проблемами недействительности трансграничных (внешнеэкономических) сделок, которые традиционно считаются в международном частном праве сложнейшим правовым институтом.

Одним из главных вопросов, возникающих в рамках недействительности трансграничных «банкротных» сделок, является вопрос о применимом праве. Высказано несколько подходов.

Первый – применение договорного (обязательственного) статута (*lex causae*) к таким сделкам, ранее высказанный в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.02.1998 № 29 «Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц» и примененный в деле о банкротстве АКБ «ИнтрастБанк» [Определение Верховного Суда Российской Федерации 2021].

Второй – использование специальной коллизионной привязки *lex fori concursus* (право страны открытия процедуры банкротства). Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в постановлении от 12.11.2013 № 10508/13 [Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 2013] сформулировал правовую позицию (позднее поддержанную на уровне Верховного Суда Российской Федерации в Определении от 07.04.2017 по делу № 309-ЭС14-923 (№ А07-12937/2012), закрепившую приоритет права страны, в которой проводится процедура банкротства [Определение Верховного Суда Российской Федерации 2017]. В настоящее время данная позиция в российской правовой системе является доминирующей.

Вместе с тем предлагается различать две ситуации: 1) ситуации, когда сделки были совершены до введения в отношении должника процедуры банкротства; 2) ситуации, когда сделки были совершены после введения в отношении должника процедуры банкротства [Костин 2021: 197-218]. Во второй ситуации вопрос о наличии (отсутствии) полномочий на совершение указанных сделок предлагается разрешать в соответствии с законодательством государства учреждения должника (литовское право), которым были ограничены полномочия на совершение указанных сделок, на что ранее указывал Высший Арбитражный Суд Российской Федерации [Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 2013].

На выбор применимого статута влияет и проблема соотношения разных пороков сделки между собой, так называемая «конкуренция составов недействительности». В литературе предлагается использовать разные статуты в зависимости от основания недействительности. В частности, по правилам обязательственного статута предлагается устанавливать основания для признания сделки недействительной в связи с пороком воли и содержания при учете императивных норм права страны суда и императивных норм права третьей страны, с которой сделка имеет тесную связь. А в отношении сделок, совершенных с нарушением требований к субъектному составу, недействительность следует определять на основе личного закона. Таким образом, решение вопроса о действительности сделки может быть подчинено и иностранному праву [Алексеева 2008: 78].

Выбор применения договорного (обязательственного) статута (*lex causae*) или специальной коллизионной привязки *lex fori concursus* является частью более широкой проблемы соотношения сферы недействительности сделок и сферы несостоятельности (банкротства). Высказано мнение, что основным статутом при признании трансграничной «банкротной» сделки недействительной должен являться договорный статут, однако остается проблема обоснования в конкретных случаях необходимого коллизионного правила, а также проблема выработки общих подходов к порокам таких сделок [Полшкова 2021: 147-155]. Данные проблемы нуждаются в пристальном внимании юридического научного сообщества и законодателя, поскольку это напрямую затрагивает интересы российских и иностранных кредиторов и должников.

Таким образом, в настоящее время применительно к трансграничным банкротствам возникает множество спорных вопросов. Помимо вопросов правоприменения возникают и вопросы исполнимости судебных решений, особенно исполнения решений арбитражами недружественных юрисдикций. Возрастающая с каждым годом интеграция российской экономики в мировую делает еще более актуальной необходимость совершенствования

законодательства о несостоятельности иностранных граждан и организаций, унификации правил, направленных на защиту имущественных интересов участников трансграничных банкротных процедур.

Литература

- Алексеева Е. В. Недействительность внешнеэкономических сделок и публичный порядок: проблемы соотношения / Вестник ЧелГУ. - 2008. - № 8. - С. 78.
- Бараданченкова Н. Е. Судебная компетенция при трансграничном банкротстве / Арбитражный и гражданский процесс. - 2021. - № 8. - С. 61-62.
- Костин А. А. Оспаривание сделок в российском суде в рамках иностранного банкротства / Вестник гражданского права. - 2021. - № 1. - С. 197-218.
- Костин А. А. Трансграничное банкротство и международный коммерческий арбитраж в Российской Федерации (процессуальные и материальные аспекты) / Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2019. - № 9. - С. 120-142.
- Мохова Е. В., Яцук Н. П., Лиджанова А. Э. Forum shopping и конкуренция регулирования в трансграничных банкротствах и реструктуризациях / Закон. - 2020 - № 9. - С. 97-114.
- Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2017 по делу № 309-ЭС14-923 (№ А07-12937/2012). URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1532748.
- Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.10.2020 № 310-ЭС20-3002 по делу № А83-6324/2018. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08102020-po-delu-n-310-es20-3002-a83-63242018/>
- Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.11.2021 № 305-ЭС15-15347 (23,24,25) по делу № А40-155329/2014. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08112021-n-305-es15-15347232425-po-delu-n-a40-1553292014/>
- Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2018 № 305-ЭС18-552 по делу № А40-15873/2017. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-12032018-n-305-es18-552-po-delu-n-a40-158732017/>
- Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.02.2021 № 474-ПЭК20 по делу № А83-6324/2018. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/Ye7sp0mWPQQj/>
- Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.03.2023 № 309-ЭС23-1409 по делу № А76-31539/2021. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-21032023-n-309-es23-1409-po-delu-n-a76-315392021/>
- Полишкова М. И. Коллизионное регулирование недействительности сделок должника при трансграничной несостоятельности / Актуальные проблемы российского права. - 2021. - № 1. - С. 147-155.
- Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.07.2016 № Ф05-8738/2016 по делу № А40-186978/2015. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PP5g93FZu4mB/>
- Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.09.2022 № А40-29232/2020 по делу № А40-29232/2020. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Ky5wXiuMSFgn/>
- Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.11.2022 № Ф09-7647/22 по делу № А76-31539/2021. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/VvTxusIEEzxW/>
- Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.06.2022 № 09АП-36268/2022. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/5q6W7grgRaou/>
- Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.11.2013 № 10508/13 по делу № А40-108528/12-50-1134 / Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. - 2014. - № 4.
- Решение Арбитражного суда города Москвы от 10 октября 2016 г. по делу N А40-186978/2015. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PP5g93FZu4mB/>
- Трутников С. С. Возбуждение производства по делам о несостоятельности в России и Германии. СПб., 2006.
- Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» / Собрание законодательства РФ. - 28.10.2002, № 43, ст. 4190
- Ярков В. В. Компетенция российских судов по делам о трансграничной несостоятельности / Российский юридический журнал. - 2023. - № 1. - С. 52-64.

References

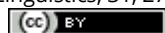
- Alekseeva, E. V. (2008). Invalidity of foreign economic transactions and public order: problems of correlation. Bulletin of ChelSU, 8, 78 (in Russian).
- Baradanchenkova, N. E. (2021). Judicial competence in cross-border bankruptcy. Arbitration and civil procedure, 8, 61-62 (in Russian).
- Federal Law (2002). On insolvency (bankruptcy). Collection of legislation of the Russian Federation, 43, 4190 (in Russian).
- Kostin, A. A. (2019). Cross-border bankruptcy and international commercial arbitration in the Russian Federation (procedural and material aspects). Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation, 9, 120-142 (in Russian).
- Kostin, A. A. (2021). Challenging transactions in a Russian court in the framework of a foreign bankruptcy. Bulletin of Civil Law, 1, 197-218 (in Russian).

- Mokhova, E. V., Yatsuk, N. P., Lijanov, A. E. (2020). Forum shopping and competition regulation in cross-border bankruptcies and restructurings. *Law*, 9, 97-114 (in Russian).
- Polshkova, M. I. (2021). Conflict of laws regulation of the invalidity of debtor transactions in cross-border insolvency. *Actual problems of Russian law*, 1, 147-155 (in Russian).
- Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 08.07.2016 № F05-8738/2016 on the case of № A40-186978/2015. Available from: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PP5g93FZu4mB/> (in Russian).
- Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 29.09.2022 № A40-29232/2020 on the case of № A40-29232/2020. Available from: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Ky5wXiuMSFgn/> (in Russian).
- Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 22.11.2022 № F09-7647/22 on the case of № A76-31539/2021. Available from: <https://sudact.ru/arbitral/doc/VvTxusiEEzxW/> (in Russian).
- Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 12.11.2013 № 10508/13 in case of № A40-108528/12-50-1134. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 4 (in Russian).
- The decision of the Arbitration Court of the city of Moscow dated 10.10.2016 in the case № A40-186978/2015. Available from: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PP5g93FZu4mB/> (in Russian).
- The decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 30.06.2022 № 09АП-36268/2022. Available from: <https://sudact.ru/arbitral/doc/5q6W7grgRaou/> (in Russian).
- The determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07.04.2017 in the case of № 309-ЭС14-923 (№ A07-12937/2012). Available from: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1532748 (in Russian).
- The determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12.03.2018 № 305-ES18-552 in the case of № A40-15873/2017. Available from: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-12032018-n-305-es18-552-po-delu-n-a40-158732017> (in Russian).
- The determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 21.03.2023 № 309-ES23-1409 in the case of № A76-31539/2021. Available from: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-21032023-n-309-es23-1409-po-delu-n-a76-315392021/> (in Russian).
- The determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.10.2020 № 310-ES20-3002 on the case of № A83-6324/2018. Available from: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kolleгии-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08102020-po-delu-n-310-es20-3002-a83-63242018/> (in Russian).
- The determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18.02.2021 № 474-PEC20 in the case of № A83-6324/2018. Available from: <https://sudact.ru/vsrf/doc/Ye7sp0mWPQqj/> (in Russian).
- The determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.11.2021 № 305-ES15-15347 (23,24,25) on the case of № A40-155329/2014. Available from: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08112021-n-305-es15-15347232425-po-delu-n-a40-1553292014/> (in Russian).
- Trutnikov, S. S. (2006). *Initiation of insolvency proceedings in Russia and Germany*. St. Petersburg (in Russian).
- Yarkov, V. V. (2023). Competence of Russian courts in cases of cross-border insolvency. *Russian Law Journal*, 1, 52-64 (in Russian).

Citation:

Кирюшина И. В., Коваленко Е. Ю. Трансграничное банкротство: понятие, основы правового регулирования, практика правоприменения // *Юрислингвистика*. – 2024. – 31. – С. 27-33.

Kiryushina I. V., Kovalenko E. Y. (2024) *Cross-Border Bankruptcy: Concept, Fundamentals of Legal Regulation, Law Enforcement Practice*. *Legal Linguistics*, 31, 27-33.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юридико-лингвистический анализ понятия «нецелевое расходование бюджетных средств» (ст. 285.1 УК РФ)

В. А. Полтарыхин

*Главное Управление МВД РФ по Алтайскому краю
пр. Ленина, 74, 656015, Барнаул, Россия. E-mail: poltar.va1980@gmail.com*

В статье рассмотрена одна из наиболее сложных уголовно-правовых норм о должностных преступлениях – нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ). Автор использует междисциплинарную методологию анализа нормы и исследует основные категории, закрепленные в диспозиции: расходование, бюджетные средства, получатель бюджетных средств. Исследование структурировано в четыре этапа: изучение лексического значения категории, определение ее значения в бюджетном законодательстве (регулятивном), в административном (первом уровне охранительного законодательства), и на завершающем этапе определяется уголовно-правовое значение термина. Диспозиция ст. 285.1 УК РФ имеет бланкетный характер и для установления ее содержания необходимо обращение к нормам первичного законодательства. Проведенное автором исследование позволяет сделать вывод о межотраслевой расположенности норм нецелевого расходования (использования) бюджетных средств, в том числе в части категориального аппарата. Так, путем изучения трех системообразующих категорий состава преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, – расходования, бюджетных средств и получателя бюджетных средств – выявлено несоответствие рассматриваемой уголовно-правовой нормы принципам законности, справедливости, равенства. Для решения данной проблемы автор предлагает внести изменения в ст. 285.1 УК РФ, включив в нее указания на возможность совершения преступления должностным лицом получателя средств из бюджета, а также разъяснить понятие «расходование» и «бюджетные средства» в Постановлении Пленума Верховного Суда.

Ключевые слова: нецелевое расходование, бюджетные средства, юридическая техника.

Legal and Linguistic Analysis of the Concept of Diversion of Public Funds (Article 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)

V. A. Poltarykhin

*The Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Altai Krai
74 Lenin Ave., 656015, Barnaul, Russia. E-mail: poltar.va1980@gmail.com*

The article considers one of the most complex criminal law norms on officeholder crimes – diversion of public funds (Article 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The author uses the interdisciplinary methodology of norm analysis and explores the main categories fixed in the disposition – expenditure, public funds, recipient of public funds. There are four stages in the study – the study of the lexical meaning of the category, the definition of its meaning in budget legislation (regulatory), in administrative (the first level of protective legislation), and at the final stage determines the meaning of the term in regards to criminal law sense. The disposition of Article 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation has a blank character and in order to establish its content, it is necessary to refer to the norms of primary legislation. The research conducted by the author allows us to conclude about the intersectoral belonging of the norms of diversion of public funds, including in terms of the categorical apparatus. Thus, by studying the three system-forming categories of the corpus delicti provided for in Article 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation - expenditure of public funds, and the recipient of public funds revealed the inconsistency of the criminal law norm under consideration with the principles of legality, justice, equality. To solve this problem, the author proposes to amend art . 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation by including in it indications of the possibility of committing a crime by an officeholder recipient of funds from the budget, as

well as to clarify the concept of "expenditure" and "public funds" in the Ruling of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation.

Key words: abusive spending, public funds, legal technology.

Ст. 285.1 введена в уголовный закон Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ. Несмотря на очевидную общественную опасность рассматриваемого уголовно-правового запрета, объективные статические данные свидетельствуют о том, что практика ее применения в настоящее время не сформировалась. Так, в 2019 г. всего по ч. 1 и ч. 2 ст. 285.1 УК РФ вынесено четыре приговора, в 2020 г. – семь, в 2021 г. – один, в 2022 г. – шесть [Отчет о числе осужденных URL]. Представляется, что одной из проблем правоприменительной практики, не позволяющей эффективно противодействовать нецелевому расходованию бюджетных средств, являются терминологические и лексические недостатки диспозиции ст. 285.1 УК РФ. В настоящей работе, используя комплексный и междисциплинарный подход, мы проанализировали общезыковое и специально-юридическое значение правовых и лексических единиц на предмет их соответствия (либо несоответствия) общезыковому значению не только в уголовном праве, но, в первую очередь, в бюджетном законодательстве, так как норма ст. 285.1 УК РФ имеет бланкетный характер. По результатам исследования мы пришли к выводу, что рассматриваемый уголовно-правовой запрет нуждается в уточнении, в том числе в части корректности использования в нем терминов иного законодательства.

Диспозиция ст. 285.1 УК РФ содержит несколько терминов, установление содержания которых возможно только путем обращения к специальному законодательству. К таким категориям мы относим следующие понятия: расходование бюджетных средств, получатель бюджетных средств, цель бюджетного финансирования, условия бюджетного финансирования, бюджет, бюджетная роспись, уведомление о бюджетных ассигнованиях, смета доходов и расходов, иной документ, являющийся основанием для получения бюджетных средств, бюджетные средства. Однако наибольшую сложность, по нашему мнению, представляют три из них: расходование бюджетных средств, получатель бюджетных средств и бюджетные средства. Изложенное определяется тем, что иные категории имеют формальное законодательное закрепление, что позволяет установить их содержание и, следовательно, содержание уголовно-правового запрета путем обращения к УК РФ. Три указанные категории вызывают проблемы в толковании, так как либо не имеют легального определения, либо применяются в уголовном и специальном законодательстве в различных значениях, что порождает объективные правоприменительные проблемы. Точное установление содержания уголовно-правового запрета необходимо для обеспечения реализации принципа законности (ст. 6 УК РФ), требующего определения преступности и наказуемости деяния только в уголовном законе, что, в свою очередь, недостижимо в отсутствие его формальной определенности [Коренная 2023: 56-62].

Итак, первая категория, содержащаяся в диспозиции ст. 285.1 УК РФ и требующая детального юридико-технического изучения, – расходование (бюджетных средств). Категория расходование в уголовном законе используется в качестве криминообразующего признака в двух видах преступления – в ст. 141.1 УК РФ (Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума) и в ст. 285.1 и 285.2 УК РФ, относящихся к группе должностных преступлений (преступлений против государственной власти). В каждом из указанных составов преступлений содержание термина «расходование» не определено. В корреспондирующей ст. 285.1 УК РФ норме бюджетного законодательства (ст. 306.4 БК РФ) содержится схожий, однако иной термин – «использование». Аналогичное терминологическое решение мы видим и в КоАП РФ (ст. 15.14 КоАП РФ). Использование различного категориального аппарата в регулятивном и охранительном законодательстве породило дискуссию в юридической литературе о формальной и содержательной корректности данного юридико-технического приема. Так, высказаны предложения о необходимости изменения ст. 285.1 УК РФ путем замены термина «расходование» на «использование». Аргументируется такая позиция ссылкой на ст. 6 БК РФ, устанавливающую, что расходы бюджета представляют собой выплачиваемые из бюджета денежные средства, за исключением средств, являющихся в соответствии с БК РФ источниками финансирования дефицита бюджета [Фазылов 2004: 59], а также тем, что по отношению к уголовному законодательству норма БК РФ является образующей [Журков 2012: 8]. Иная позиция относительно понимания категории «расходование», высказанная в юридической литературе, базируется на утверждении, что, формулируя диспозиции составов преступлений, законодатель использует те термины, которые описывают правомерное деяние, дополняя его признаками, позволяющими говорить о преступном характере. В этой связи бюджетные средства именно расходуются, что в понимании бюджетного законодательства означает совершение неправомερных действий с ними [Мариненко 2010: 86].

Для обоснования собственной позиции по данному вопросу, во-первых, обратимся к лексическому значению изучаемых категорий. «Расходование» означает действие по глаголу «расходовать». Глагол «расходовать» в свою очередь означает *тратить, употреблять; потреблять для совершения работы, либо просто – потреблять* [Ушакова 1395: URL]. В международной практике бухгалтерского учета этот термин означает уменьшение величины активов или увеличение размера обязательств, связанные с приобретением товаров или услуг [Лопатников 2003: URL]. «Использование» означает действие по глаголу «использовать», то есть *потребить (употреблять) кого-либо, что-либо для какого-либо дела, найти (находить) применение кому-либо, чему-либо* [Евгеньева 1999: URL]. Таким образом, лексическое значение рассматриваемых категорий схожее. В лексическом значении термин «расходование» не имеет негативного характера.

Юридическое наполнение изучаемых категорий, на наш взгляд, несколько иное. Так, в диспозиции ст. 285.1 УК РФ содержание категории «расходование» не раскрывается. В ст. 306.4 БК РФ использование бюджетных средств реализуется через два самостоятельных действия – направление средств бюджета и оплата денежных обязательств. В этой связи терминологическое несоответствие рассматриваемых норм бюджетного и уголовного законодательства, на наш взгляд, порождает квалификационную проблему, которая заключается в следующем: если понятия расходование и использование тождественны, то в объем уголовно-правового запрета входит и направление денежных средств на цели, не соответствующие целям бюджетного финансирования. Представляется, что содержание терминов «направление» и «оплата» бюджетных средств необходимо исследовать исходя из стадий бюджетного процесса. Исходя из структуры и содержания раздела 3 БК РФ (Бюджетный процесс в РФ) выделим 3 основных блока бюджетного процесса, состоящих, в свою очередь, из самостоятельных последовательных этапов. Первый – проектный, состоящий из составления проекта бюджета и его рассмотрения. Второй – реализационный, включающий в себя утверждение бюджета и его исполнение. Третий – контрольный, он состоит из составления, внешней проверки рассмотрения и утверждения бюджетной отчетности. На каждом этапе происходит финансовый контроль, осуществляемый в целях обеспечения соблюдения положений правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения, правовых актов, обуславливающих публичные нормативные обязательства и обязательства по иным выплатам физическим лицам из бюджетов бюджетной системы РФ, а также соблюдения условий государственных (муниципальных) контрактов, договоров (соглашений) о предоставлении средств из бюджета (ст. 265 БК РФ). Лексическое значение категории «направление» определяется действием по значению глагола «направить» – «направлять», который означает *дать, придать, указать и т. п. какое-либо направление; повернуть в сторону кого-, чего-либо, навести на кого-, что-либо* [Евгеньева 1999: URL]. Таким образом, направление представляет собой активное действие и исходя из выделенных стадий бюджетного процесса может быть реализовано на этапе исполнения утвержденного бюджета. Порядок исполнения бюджета в общем виде регламентируется ст. 219 БК РФ, в соответствии с п. 3 которой получатель бюджетных средств принимает новые бюджетные обязательства в объеме, не превышающем разницы между доведенными до него соответствующими лимитами бюджетных обязательств и принятыми, но неисполненными бюджетными обязательствами. Также указанная норма предусматривает, что получатель бюджетных средств заключает государственные (муниципальные) контракты, иные договоры, предусматривающие исполнение обязательств по таким государственным (муниципальным) контрактам, иным договорам за пределами срока действия утвержденных лимитов бюджетных обязательств, в случаях, предусмотренных положениями настоящего Кодекса и иных федеральных законов, регулирующих бюджетные правоотношения. Указанные положения, установленные для заключения государственных (муниципальных) контрактов, иных договоров, применяются также при внесении изменений в ранее заключенные государственные (муниципальные) контракты, иные договоры. Исходя из содержания приведенных положений ст. 219 БК РФ сделаем вывод, что направление бюджетных средств вопреки целям бюджетного финансирования представляет собой заключение государственных (муниципальных) контрактов и договоров, а оплата – осуществление расчетов по таким контрактам и договорам. С учетом дифференцированного подхода законодателя к формулированию норм бюджетного, административного и уголовного законодательства, представляется, что отождествление категорий «использование» и «расходование» невозможно. Юридическое значение синонимичных лексических единиц не тождественно.

Данный вывод порождает логичный вопрос: какой объем действий, реализующих нецелевое использование, соответствует нецелевому расходованию? Представляется, что для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к текстам рассматриваемых норм. В ст. 306.4 БК РФ и ст. 15.14 КоАП РФ законодатель применяет термин «использование» и раскрывает его указанием на две формы реализации – направление и оплата. При этом ст. 15.14 КоАП РФ содержит описание нескольких самостоятельных форм нецелевого использования. В ст. 285.1 УК РФ использован иной юридико-технический прием: в наименовании нормы содержится указание на нецелевое расходование, а в диспозиции статьи содержится разъяснение, что понимать под нецелевым расходованием, без дефинирования и дифференциации последнего. Сам состав преступления в качестве криминообразующего признака предусматривает совершение деяния в крупном размере. Указанное позволяет сделать вывод о том, что расходование бюджетных средств как совершенное действие не может выражаться только в заключении государственного (муниципального) контракта или договора, но предполагает непосредственную оплату по заключенному контракту. В этой связи заключение государственного (муниципального) контракта или договора с нарушением принципа целевого использования бюджетных средств может образовывать лишь покушение на преступление (ст. 30 УК РФ). Оконченным нецелевое расходование бюджетных средств будет являться в момент фактической оплаты. Таким образом, расходование бюджетных средств как деяние, образующее объективную сторону ст. 285.1 УК РФ, представляет собой оплату по соответствующему контракту или договору. Представляется, что редакцию диспозиции ст. 285.1 УК РФ в части указания на расходование можно сохранить, однако разъяснить уголовно-правовое содержание в соответствующем Постановлении Пленума ВС РФ.

Второй термин, вызывающий в настоящее время вопросы, – это получатель бюджетных средств. Рассматриваемое понятие четко определено в ст. 6 БК РФ, и именно в такой редакции закреплено в ст. 285.1 УК РФ. Субъектом рассматриваемого преступления является должностное лицо получателя бюджетных средств. Однако, на наш взгляд, ст. 285.1 УК РФ в данной части, несмотря на формальную схожесть формулировок, не в полной мере соотносится с положениями бюджетного законодательства.

Получатель бюджетных средств в ст. 6 БК РФ определяется следующим образом: орган государственной власти

(государственный орган), орган управления государственным внебюджетным фондом, орган местного самоуправления, орган местной администрации, находящееся в ведении главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств казенное учреждение, имеющие право на принятие и (или) исполнение бюджетных обязательств от имени публично-правового образования за счет средств соответствующего бюджета, если иное не установлено БК РФ. Получатель средств из бюджета – юридическое лицо (не являющееся участником бюджетного процесса, бюджетным и автономным учреждением), индивидуальный предприниматель, физическое лицо – производитель товаров, работ, услуг, получающие средства из бюджета на основании государственного (муниципального) контракта на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг, договора (соглашения) о предоставлении субсидии, договора о предоставлении бюджетных инвестиций, а также юридическое лицо, которому в случаях, установленных федеральным законом, открываются счета в Федеральном казначействе в соответствии с БК РФ. Указанное понятие введено в БК РФ Федеральным законом от 01.07.2021 г. № 244-ФЗ. Таким образом, законодатель дифференцирует понятия «получатель бюджетных средств» и «получатель средств из бюджета». Также лица являются разными «получателями» за счет разного толкования законодателем терминов «бюджетные средства» и «средства из бюджета». При этом, несмотря на алогичность суждений, применительно к первому термину – «получатель бюджетных средств» – законодатель приравнивает, отождествляет термин «получатель средств из соответствующего бюджета», но диаметрально разводит с «получателем средств из бюджета» [Поветкина 2021: 20]. Ст. 6 БК РФ в качестве детерминирующего признака получателя бюджетных средств называет право на принятие и/или исполнение бюджетного обязательства за счет средств соответствующего бюджета [Кустова 2021: 147]. БК РФ не рассматривает автономные и бюджетные учреждения как получателей бюджетных средств. В диспозиции ст. 285.1 УК РФ содержится указание только на получателей бюджетных средств. Следовательно, субъектом преступления является должностное лицо получателя бюджетных средств. Лицо, замещающее соответствующую должность в учреждении, признакам специального субъекта рассматриваемого преступления соответствовать не будет. Однако оно в полной мере отвечает признакам должностного лица, изложенным в примечании к ст. 285 УК РФ. Поскольку нецелевое расходование является частным случаем злоупотребления должностными полномочиями, отсутствие указания на возможность привлечения к уголовной ответственности получателя средств из бюджета является нарушением уголовно-правовых принципов равенства и справедливости. На практике подобное приводит к тому, что указанные лица привлекаются к уголовной ответственности по ст. 285 УК РФ, санкция которой значительно строже санкции ст. 285.1 УК РФ, в частности, в ч. 1 предусмотрена возможность назначения наказания в виде лишения свободы на срок до 4 лет, тогда как в ч. 1 ст. 285.1 УК РФ за аналогичное деяние максимальное наказание не может превышать 2 года лишения свободы. В этой связи в целях приведения ст. 285.1 УК РФ к нормативно установленным принципам равенства и справедливости представляется необходимым дополнить диспозицию ст. 285.1 УК РФ указанием на возможность совершения нецелевого расходования бюджетных средств должностным лицом получателя средств из бюджета.

Третий системообразующий термин в рассматриваемой норме – бюджетные средства. Так же, как и предыдущая категория, на первый взгляд, бюджетные средства – понятие вполне определенное. Однако это не в полной мере так. Термин «бюджетные средства» является достаточно распространенным, используемым во многих отраслях российского права. Однако в БК РФ его законодательное определение отсутствует. Особенно остро данная проблема проявляется в контексте нецелевого использования бюджетных средств. Как отмечает Д. Л. Комягин, «хотя определение того, что подразумевается под «бюджетными средствами», в действующем законодательстве отсутствует, четкая, установленная законом дефиниция данного термина была бы весьма полезна для разрешения значительного количества споров, возникающих при осуществлении государственными органами своих контрольных функций» [Комягин 2000: 28]. Н. Г. Деменкова рассматривает понятие «бюджетные средства» в широком и узком смысле. В широком смысле бюджетные средства представляют собой денежные средства, зачисленные в доход (на счет) соответствующего бюджета бюджетной системы РФ и предназначенные для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления. Бюджетные средства в узком смысле – это денежные средства, фактически распределенные главными распорядителями и распорядителями бюджетных средств по подведомственным распорядителям и получателям соответственно, в формах, предусмотренных БК РФ [Деменкова 2007: 20]. Другой вариант понятия «бюджетные средства» предлагается И.Ю. Карандаев. Автор акцентирует внимание на широту понимания понятия. В широком понимании бюджетные средства представляют собой совокупность денежных ресурсов РФ, ее субъектов, муниципальных образований, предназначенных для финансового обеспечения выполняемых ими задач и функций [Карандаев 2014: 775]. Также под бюджетными средствами предложено понимать денежные средства, зачисляемые в качестве доходов на единый счет соответствующего бюджета бюджетной системы РФ и расходующиеся в порядке, предусмотренном бюджетным законодательством РФ, для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления [Фазылов 2005: 56].

Представляется, что в целях устранения возможных противоречий в судебной практике понятие «бюджетные средства» целесообразно закрепить в ст. 6 БК РФ. В содержание дефиниции следует включить как доходную, так и расходную составляющую. Однако до определения соответствующей категории для целей применения уголовного закона, исходя из общего понятия бюджета, под которым понимается форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления; консолидированного бюджета – свода бюджетов бюджетной системы РФ на соответствующей территории (за исключением бюджетов государственных внебюджетных фондов) без учета межбюджетных трансфертов между этими

бюджетами (ст. 6 БК РФ), под бюджетными средствами следует понимать все денежные средства, находящиеся на соответствующих счетах и предназначенные для реализации задач государства (муниципалитета) в соответствии с утвержденным бюджетом.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам: 1) категория «расходование бюджетных средств» не тождественна категории «использование бюджетных средств», ее содержание ограничивается непосредственно оплатой по государственным (муниципальным) контрактам и договором. Указанное необходимо разъяснить в соответствующем Постановлении Пленума ВС РФ; 2) понятие «бюджетные средства» является комплексным, межотраслевым понятием и нуждается в самостоятельном определении в БК РФ с указанием на доходную и расходную составляющие; 3) диспозицию ст. 285.1 УК РФ необходимо дополнить указанием на возможность совершения преступления должностным лицом получателя средств из бюджета.

Литература

- Деменкова Н. Г. Административная ответственность за нецелевое использование бюджетных средств: Дис. ... канд. юрид. наук. Благовещенск, 2007.
- Журков В. В. Нецелевое расходование бюджетных средств: исторический аспект / Юридическая наука. - 2012. - № 2. - С. 8-10.
- Карандаев И. Ю. Понятие «бюджетные средства» в контексте финансирования деятельности бюджетных учреждений в Российской Федерации / Актуальные проблемы российского права. - 2014. - № 5. - С. 775-780.
- Комягин Д. Л. Проблемы определения бюджетных средств / Право и экономика. - 2000. - № 7. - С. 28-30.
- Коренная А. А. Теоретико-прикладной анализ категории «воспрепятствование» в статьях Особенной части Уголовного кодекса РФ / Юрислингвистика. - 2023. - № 27(38). - С. 56-62.
- Кустова М. В. Обращение взыскания по судебному акту на средства казны: бюджетные процедуры против материального права / Закон. - 2021. - № 4. - С. 147-153.
- Мариненко В. Ю. Некоторые особенности объективной стороны нецелевого расходования бюджетных средств / Северокавказский юридический вестник. - 2010. - № 3. - С. 86.
- Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации. Судебный Департамент при Верховном суде РФ. Данные судебной статистики. URL: <http://cdep.ru/?id=79>
- Поветкина Н. А. Трансформация бюджетного законодательства: причины, формы, перспективы / Финансовое право. 2021. № 12. С. 20-23.
- Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999; URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/09/ma168403.htm?cmd=0&istext=1>
- Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935-1940). URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/17/us3c8603.htm?cmd=0&istext=1>
- Фазылов Р. Р. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.
- Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. М., 2003. URL: https://economic_mathematics.academic.ru/3783/Расходование

References

- Demenkova, N. G. (2007). Administrative responsibility for misuse of budgetary funds: Dis. ... cand. jurid. sciences. Blagoveshchensk (in Russian).
- Dictionary of the Russian language: In 4 volumes (1999). RAS, Institute of Linguistics. Research; Edited by A. P. Evgenieva. 4th ed., ster. Moscow. Available from: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (in Russian).
- Economic and mathematical dictionary: Dictionary of modern Economics (2003). Moscow. Available from: https://economic_mathematics.academic.ru/3783/Расходование (in Russian).
- Explanatory Dictionary of the Russian language" edited by D. N. Ushakov (1935-1940). Available from: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (in Russian).
- Fazylov, R. R. Criminal liability for misuse of budgetary funds and funds of state extra-budgetary funds: Dis. ... cand. jurid. sciences'. Kazan, 2005.
- Karandaev, I. Yu. (2014). The concept of "budgetary funds" in the context of financing the activities of budgetary institutions in the Russian Federation. Actual problems of Russian law, 5, 775-780 (in Russian).
- Komyagin, D. L. (2000). Problems of determining budget funds. Law and economics, 7, 28-30 (in Russian).
- Korennyaya, A. A. (2023). Theoretical and applied analysis of the category "obstruction" in the articles of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation. Jurislinguistics, 27(38), 56-62 (in Russian).
- Kustova, M. V. (2021). Foreclosure on a judicial act on treasury funds: budgetary procedures against substantive law. Law, 4, 147-153 (in Russian).
- Marinenko, V. Yu. (2010). Some features of the objective side of the misuse of budgetary funds. North Caucasian Legal Bulletin, 3, 86 (in Russian).
- Povetkina, N. A. (2021). Transformation of budget legislation: causes, forms, prospects. Financial law, 12, 20-23 (in Russian).

Report on the number of convicts for all types of crimes in the Criminal Code of the Russian Federation. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial statistics data. Available from: <http://cdep.ru/?id=79> (in Russian) Zhurkov, V. V. (2012). Inappropriate expenditure of budgetary funds: historical aspect. *Yuridicheskaya nauka*, 2, 8-10 (in Russian).

Citation:

Полтарыхин В. А. Юрико-лингвистический анализ понятия «нецелевое расходование бюджетных средств» (ст. 285.1 УК РФ) // Юрислингвистика. – 2024. – 31. – С. 34-39.

Poltarykhin V. A. (2024) Legal and Linguistic Analysis of the Concept of Diversion of Public Funds (Article 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Legal Linguistics*, 31, 34-39.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О понятии единого полового преступления

Н. В. Тыдыкова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: academnauka@rambler.ru

Отсутствие в законе понятия единого преступления порождает ситуацию правовой неопределенности, в которой деяния, совершенные при сходных обстоятельствах, могут получать разную правовую оценку. Понятие единого преступления должно быть закреплено в самом уголовном законе и стать формальным основанием для его толкования в преломлении к особенностям различных групп преступлений. Для целей квалификации половых преступлений единое продолжаемое преступление может быть определено в примечании к статье, с которой начинается глава 18 УК РФ таким образом: «В тех случаях, когда два или более действия сексуального характера были совершены с единым умыслом юридически тождественными способами, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление». Возможно, такой подход станет первым шагом к созданию универсального определения, которое может быть закреплено в Общей части УК РФ, например, в ст. 141 УК РФ. Так как правоприменительная практика единое преступление определяет через понятие единого умысла, то его определение необходимо закрепить в ч. 4 ст. 25 УК РФ и определить как умысел на совершение двух или более деяний, возникший до начала совершения первого из этих деяний или в процессе совершения одного из них, когда степень конкретизации желаемых к совершению действий и их последствий позволяет определить признаки конкретного преступления или группы преступлений. Практика назначения наказания также требует, наряду с другими обстоятельствами, учета количества эпизодов преступного воздействия на потерпевшего, а также длительности периода преступного воздействия на него, что необходимо отразить в акте официального толкования.

Ключевые слова: половые преступления, изнасилование, развратные действия, единое преступление, продолжаемое преступление, единый умысел.

On the Concept of a Single Sexual Crime

N. V. Tydykova

Altai State University

Lenin St., 61, 656049, Barnaul, Russia. E-mail: academnauka@rambler.ru

The absence in the law of the concept of a single crime gives rise to a situation of legal ambiguity in which acts committed under similar circumstances may receive different legal assessments. The concept of a single crime should be enshrined in the criminal law itself and become the formal basis for its interpretation in relation to the characteristics of various groups of crimes. For the purposes of qualifying sexual crimes, a single continuing crime can be defined in the footnote to the article with which Chapter 18 of the Criminal Code of the Russian Federation begins as follows: «In cases where two or more acts of a sexual nature were committed with the same intent in legally identical ways, the act should be considered as a single continuing crime». Perhaps this approach will be the first step towards creating a common definition that can be enshrined in the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation, for example, in Art. 141 of the Criminal Code of the Russian Federation. Since law enforcement practice defines a single crime through the concept of single intent, its definition must be enshrined in Part 4 of Art. 25 of the Criminal Code of the Russian Federation and defined as intent to commit two or more acts that arose before the first of these acts or in the process of committing one of them, when the degree of specification of the desired actions and their consequences makes it possible to determine the characteristics of a specific crime or group of crimes. The practice of imposing punishment also requires, along with other circumstances, taking into account the number of episodes of criminal influence on the victim, as well as the duration of the period of criminal influence on them, which must be reflected in the act of official interpretation.

Key words: sexual crimes, rape, sexual abuse, single crime, continuing crime, single intent.

Вопрос о продолжаемом преступлении имеет практическое значение. В п. 2 утратившего силу Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» продолжаемые определялись как преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление. Такой подход, предлагаемый в качестве универсального для всех случаев, явно не учитывал потребностей различных групп преступлений, в том числе и половых. Сложности усматриваются с установлением направленности действий к единой цели. Цель половых преступлений не названа в тексте закона в действующей редакции, а в доктрине определяется как удовлетворение своей или чужой половой потребности или возбуждение полового интереса у других лиц. Соответственно, нужно решить вопрос, требует ли признак единства цели удовлетворение одного конкретного желания, которое возникло у лица в определенный момент времени, или допускается удовлетворение половой потребности как таковой в любой момент времени, когда бы она ни возникла. Решение этого вопроса зависит от подхода к пониманию половой потребности: как к конкретному желанию, специфическому физиологическому ощущению, возникшему в определенный период времени, или как к инстинкту. Первый вариант исключает признание деяния единым, если оно совершалось при разрыве во времени, так как каждый раз у лица возникает новая потребность. В литературе также высказываются идеи о том, что о продолжаемом преступлении можно говорить, если ряд актов преступного поведения порождены желанием удовлетворить одну и ту же потребность (а не ряд тождественных потребностей) в одной и той же конкретной жизненной ситуации [Михайленко 2014: 72-75]. Второй вариант из-за широкого понимания единства цели, когда цель будет единой почти всегда (кроме случаев, когда последующие действия совершались для удовлетворения не своей половой потребности, а потребности третьего лица), приведет к тому, что единственным критерием, который позволит разграничивать единые преступления и совокупность нескольких преступлений, будет непродолжительность времени совершения действий. При обоих вариантах интерпретации единство цели не имеет практической значимости для квалификации этой группы преступлений.

Вероятно, по причине сложности установления признака единства цели, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (далее - Постановление Пленума № 16) толкует это понятие, указывая на то, что когда несколько изнасилований, либо несколько насильственных действий сексуального характера были совершены в течение непродолжительного времени в отношении одного и того же потерпевшего и обстоятельства свидетельствовали о едином умысле виновного, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление.

Анализ практики показывает, что и такой подход не позволяет эффективно решать необходимые вопросы. В частности, это связано с тем, что критерий непродолжительности времени не вызывает проблем, только если перерыв во времени между действиями не превышал десятков минут, а все действия были совершены в одном месте. Однако практика чаще сталкивается с более сложными случаями, из-за чего вышеприведенная рекомендация Верховного Суда РФ вызывает критику в литературе. В каждом конкретном случае правоприменителю необходимо определять, укладывается ли временной период в границы «непродолжительного» времени. А перерыв в выполнении объективной стороны на недели и месяцы как таковой, свойственный для половых преступлений, совершаемых, например, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, вряд ли может признаваться непродолжительным, поэтому практика может использовать критерий непродолжительного времени лишь как одно из обстоятельств, которое, в частности, может свидетельствовать о единстве умысла. Отдельными авторами предлагалось отказаться от использования критерия «непродолжительное» время, а единству умысла придать статус единственного критерия [Залов 2014: 28-29]. Именно такая идея и была реализована в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» (далее - Постановление Пленума № 43), в котором продолжаемое преступление определено как состоящее из двух или более тождественных противоправных деяний, охватываемых единым умыслом. Понятие единого умысла, ориентироваться на который предлагает и Постановление Пленума № 16, вызывало наибольшие сложности при решении вопроса о признании деяния единым, так как отсутствовало его официальное толкование. Постановление Пленума № 43 в п. 4 указывает, что о единстве умысла виновного могут свидетельствовать, в частности, совершение тождественных деяний с незначительным разрывом во времени, аналогичным способом, в отношении одного и того же объекта преступного посягательства и (или) предмета преступления, направленность деяний на достижение общей цели. Но анализ вопросов, возникающих в практике, позволяет сказать, что и предложенное разъяснение не может решать все квалификационные вопросы.

Так, затруднения вызывают случаи совершения насильственных действий сексуального характера и развратных действий с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе Интернета, так как отправка сообщений и файлов интимного характера может происходить на протяжении достаточно длительного времени (месяцев или даже лет) с некоторыми перерывами. Практика показывает, что даже длительные периоды времени не являются препятствием для оценки таких деяний как единого преступления (например [Обзор апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Саха (Якутия) за 2021 год]). Аналогичные примеры приводят и другие авторы [Быкова 2017: 23]. В таких ситуациях причины перерывов в общении на интимные темы могут быть разными: отсутствие у самого виновного технической возможности вести переписку, отсутствие «в сети» потерпевшей или временное игнорирование сообщений от виновного с ее стороны, переписка с другими потерпевшими или иные обстоятельства, которые не могут свидетельствовать о полной

реализации умысла виновного и его оценки преступления в качестве уже оконченного. Так как критерий непродолжительности времени в данном случае отсутствует, а аналогичный способ, объект преступного посягательства и один потерпевший сами по себе не могут свидетельствовать о единстве умысла, то только направленность деяний на достижение общей цели, следуя предложенной трактовке, может дать ответ на вопрос. Однако, как было сказано выше, установление единства цели в половых преступлениях весьма затруднительно.

Неопределенность усматривается и в такой критерии, как тождественность действий, так как из текста акта толкования с очевидностью не ясно, о юридической или фактической тождественности идет речь. Например, практика сталкивается с проблемами оценки действий сексуального характера и развратных действий, которые были совершены с существенным временным разрывом и в разных формах: контактных и бесконтактных. Так как форм проявлений действий сексуального характера и развратных действий множество, необходимо решить вопрос о том, можно ли их все признать тождественными ввиду объединяющего их сексуального характера. Думается, что тождественность действий предполагается в юридическом смысле. Так как практика знает исключения, когда квалификация единого преступления допускает охват его признаками деяний, которые закреплены в разных составах преступлений, то юридическая тождественность не требует обязательности квалификации таких деяний по одной статье.

Указание на аналогичность способа совершения преступления также вызывает вопрос о том, требует ли она полной идентичности или допускает вариативность, например при условии одинаковой правовой оценки. Такое решение, в частности, требуется для квалификации разных эпизодов понуждения к действиям сексуального характера. В одних случаях практика несколько эпизодов понуждения к действиям сексуального характера, совершенных в разные дни или месяцы в отношении одной потерпевшей, квалифицирует как одно преступление [Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула от 11.05.2022 по делу № 2 -43/22; Бюллетень судебной практики по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и гражданским делам, вытекающим из семейных правоотношений, за 3 квартал 2019 г], в других – как разные преступления. Так, по одному делу суд указал, что понуждение потерпевшего к мужеложству длилось на протяжении длительного времени – двух лет, а между актами мужеложства с потерпевшим проходили значительные временные промежутки, действия виновным каждый раз совершались заново, новым способом, реализовывались по-разному, но по схожему сценарию, что свидетельствует о возникновении у осужденного нового умысла. В связи с этим каждое противоправное действие в отношении потерпевшего было квалифицировано как совершение отдельного преступления (всего 18 преступлений) [Справка по результатам проведенного Самарским областным судом анализа судебной практики рассмотрения уголовных дел о совершении преступлений в сфере компьютерных технологий]. Видится, что аналогичность способа, как и тождественность действий, также предполагает юридическую аналогичность, т. е. в едином преступлении способы могут быть разными (например, шантаж и угроза уничтожением имущества). Что касается вопроса о возможности их квалификации по разным нормам, то он решается в зависимости от того, имеет ли место совокупность норм или их конкуренция.

Кроме того, проблемой приведенного разъяснения является и то, что все перечисляемые признаки сами по себе с необходимостью не свидетельствуют о единстве умысла, так как перечисляются как вероятные для этого явления.

Сказанное выше обосновывает необходимость толкования продолжаемого полового преступления с учетом потребностей современной практики, например в редакции: «В тех случаях, когда два или более действия сексуального характера были совершены с единым умыслом юридически тождественными способами, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление». Такое определение уточнит содержание признака тождественности и сохранит сложившееся в практике понимание единого преступления как совершаемого с единым умыслом. Учитывая, что понятие единого преступления имеет важное инструментальное значение, целесообразным видится его закрепление в тексте закона. Допуская, что особенности других групп преступлений могут потребовать учета других аспектов и их иной оценки (например, множественности потерпевших при мошенничестве или террористическом акте), видится целесообразным такое понятие сформулировать в примечании к статье, которой начинается глава 18 УК РФ. Такой подход позволит соответствующие определения формулировать для целей квалификации различных групп преступлений. Возможно, такой подход станет первым шагом к созданию универсального определения, которое может быть закреплено в Общей части УК РФ, например в ст. 141 УК РФ.

При таком подходе потребуются и уточнение единого умысла. Так как особенности совершения половых преступлений не позволяют считать незначительность разрыва во времени между разными эпизодами универсальным критерием, определение общей цели представляет собой сложности, а один объект (половая свобода или половая неприкосновенность) и один потерпевший также самостоятельно не определяют его решение, то необходимы и иные критерии. Постановление Пленума № 43 определяет понятие единого умысла через описание внешних признаков, посредством которых он может быть проявлен, игнорируя то, что само по себе определяемое понятие представляет собой категорию, относящуюся к субъективной стороне и требующую определения, в том числе, и через признаки, описывающие внутреннее отношение лица к совершенному. Существование единого умысла не представляется возможным при наличии временного разрыва в его формировании на различные эпизоды совершаемого, что исключало бы его единство, поэтому очевидна необходимость закрепления в определении этого понятия единства момента формирования. О том, что правоприменительная практика придерживается аналогичной позиции, свидетельствует указание в ряде материалов на продолжение реализации ранее возникшего умысла при обосновании его единства на совершение ряда действий. Так как формирование в конкретной точке времени умысла на совершение более чем одного преступного деяния в отношении одного потерпевшего может быть существенно

удалено от момента начала, а тем более – продолжения его реализации, то степень конкретизации желаемых к совершению действий может быть различной и варьироваться от «совершение как можно большего количества любых насильственных деяний, которые удастся совершить» до достаточно высокой степени конкретизации признаков желаемых деяний и их количества. В первом случае неконкретизированный умысел не позволяет детализировать то, какие именно преступления лицо желает совершить, поэтому такое желание совершить преступление вряд ли можно определить как формирование умысла, в таком случае умысел на совершение каждого последующего преступления будет формироваться, как представляется, заново и автономно. Это связано с тем, что законодатель, формулируя определения прямого и косвенного умысла в ст. 25 УК РФ, определяет их, в том числе, через отношение к наступлению общественно опасных последствий действий, что невозможно без их осознания и конкретизации до степени, позволяющей дать соответствующую оценку. Достаточной степенью такой конкретизации можно считать определение признаков деяния, которые определяют объект посягательства, и его способ, позволяющих в общем виде определить желаемое к совершению преступление, например изнасилование или иное преступление, направленное на нарушение половой свободы.

Обобщая сказанное, единый умысел можно определить как умысел на совершение двух или более деяний, возникший до начала совершения первого из этих деяний или в процессе совершения одного из них, когда степень конкретизации желаемых к совершению действий и их последствий позволяет определить признаки конкретного преступления или группы преступлений.

Такой подход позволяет принимать квалификационные решения и в тех случаях, когда разрыв во времени между эпизодами совершения деяний в отношении одного потерпевшего был существенный.

Так как понятие единого умысла представляет собой инструментальную ценность для всех преступлений, а предложенный подход можно считать универсальным, то видится необходимость закрепления его в Общей части УК РФ, например в ч. 4 ст. 25 УК РФ.

Решая вопрос о критериях единого продолжаемого полового преступления, необходимо понимать, что он не только и не столько теоретический, сколько практический. В случае необоснованно широкой трактовки единого продолжаемого преступления сложится ситуация, когда виновные понесут наказание в пределах санкции одной статьи, что создаст ощущение наказуемости только за 1 эпизод деяния и восприятие того, что «все остальное включено». При назначении наказания за конкретное деяние или совокупность деяний также необходимо учитывать, что необходимо исключить ситуации, когда лицо, реализующее умысел более интенсивно (за короткий промежуток времени несколько половых актов), не понесло бы более мягкое наказание, чем то, которое действовало менее интенсивно. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ может быть отражено положение следующего содержания: при назначении наказания за преступления против половой свободы или половой неприкосновенности личности, наряду с другими обстоятельствами, необходимо учесть количество эпизодов преступного воздействия на потерпевшего, а также длительность периода преступного воздействия на него.

Таким образом, рекомендации, предложенные в новом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, не способны решить имеющиеся в правоприменительной практике проблемы. Очевидно, что значимая инструментальная роль понятия единого преступления и единого умысла требует внесения дополнений в действующий уголовный закон. Только при таком подходе будет достигнута необходимая степень формальной определенности рассмотренного понятия.

Литература

Апелляционное определение N 22-1552/2021. URL: <https://demo.garant.ru/#/document/403761684/paragraph/1/doclist/1110/showentries/0/highlight/пазвратные%20действия%20сети%20интернет:53>.

Быкова Е. Г., Яшков С. А. О квалификации изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, совершенных в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста / Уголовное право. - 2017. - № 3. - С. 23.

Бюллетень судебной практики по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и гражданским делам, вытекающим из семейных правоотношений, за 3 квартал 2019 г. (утв. президиумом Свердловского областного суда 18 декабря 2019 г.). URL: <https://demo.garant.ru/#/document/73403981/paragraph/1/doclist/3794/15/0/0/понуждение%20к%20действиям%20сексуального%20характера:40>

Залов А. Ф. Проблемы квалификации продолжаемых изнасилований / Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2014. - №1(27). - С. 28-29.

Михайленко И., Силаев С. О продолжаемых преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы / Уголовное право. - 2014. - № 5. - С. 72-75.

Обзор апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Саха (Якутия) за 2021 год. Апелляционное определение № 22-1552/2021. URL: <https://demo.garant.ru/#/document/403761684/paragraph/1/doclist/1110/showentries/0/highlight/пазвратные%20действия%20сети%20интернет:53>.

Приговор Ленинского районного суда г.Барнаула от 11.05.2022 по делу № 2-43/22 / Архив Ленинского районного суда г. Барнаула.

Справка по результатам проведенного Самарским областным судом анализа судебной практики рассмотрения уголовных дел о совершении преступлений в сфере компьютерных технологий. URL: <https://demo.garant.ru/#/document/405909877/paragraph/1/doclist/3794/24/0/0/понуждение%20к%20действиям%20сексуального%20характера:45>

References

Appeal ruling No. 22-1552/2021. Available from:

<https://demo.garant.ru/#/document/403761684/paragraph/1/doclist/1110/showentries/0/highlight/depraved%20actions%20network%20internet:53> (in Russian).

Bulletin of judicial practice on criminal cases against minors and civil cases arising from family legal relations for the 3rd quarter of 2019 (approved by the Presidium of the Sverdlovsk Regional Court on December 18, 2019). Available from: <https://demo.garant.ru/#/document/73403981/paragraph/1/doclist/3794/15/0/0/compulsion%20to%20actions%20sexual%20character:40> (in Russian).

Bykova, E. G., Yashkov, S. A. (2017). On the qualification of the production and circulation of materials or objects with pornographic images of minors committed against a person under fourteen years of age. *Criminal Law*, 3, 23 (in Russian). Information based on the results of the Samara Regional Court's analysis of judicial practice in considering criminal cases involving crimes in the field of computer technology. Available from:

<https://demo.garant.ru/#/document/405909877/paragraph/1/doclist/3794/24/0/0/compulsion%20to%20actions%20sexual%20character:45> (in Russian).

Mikhailenko, I., Silaev, S. (2014). On continuing crimes against sexual integrity and sexual freedom. *Criminal law*, 5, 72-75 (in Russian).

Review of the appeal practice of the judicial panel in criminal cases of the Supreme Court of the Republic of Sakha (Yakutia) for 2021. Appeal determination No. 22-1552/2021. Available from:

<https://demo.garant.ru/#/document/403761684/paragraph/1/doclist/1110/showentries/0/highlight/развратные%20действия%20сети%20интернет:53>.

Verdict of the Leninsky District Court of Barnaul dated May 11, 2022 in case No. 2 -43/22. Archive of the Leninsky District Court of Barnaul (in Russian).

Zalov, A. F. (2014). Problems of qualification of continued rape. *Legal science and law enforcement practice*, 1(27), 28-29 (in Russian).

Citation:

Тыдыкова Н. В. О понятии единого полового преступления // Юрислингвистика. – 2024. – 31. – С. 40-44.

Tydykova N. V. (2024) On the Concept of a Single Sexual Crime. *Legal Linguistics*, 31, 40-44.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Когнитивно-риторические аспекты организации современной юридической коммуникации

Л. В. Воронина¹, Е. А. Лопатин²

*Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
ул. 1-я Красная, 18, 390043, Рязань, Россия. E-mail: ¹lv-voronina@mail.ru, ²eg.lopatin@gmail.com*

В фокусе внимания вопросы организации глобальной и локальной структур современного русского юридического дискурса. С позиции теории риторических структур рассматриваются дискурсивные фрагменты защитительных и обвинительных речей современных судебных ораторов, моделируются риторические графы их структур, исследуется специфика взаимодействия между дискурсивными единицами. Цель научного анализа – установление когнитивно-риторических факторов в организации дискурсивных фрагментов современной языковой юридической коммуникации аргументативного типа – достигается использованием общенаучных и собственно лингвистических методов, включая метод формализации лингвистических описаний: построение древа-графа риторических структур фрагментов дискурса и схемы когнитивного механизма профилирования. Риторический аспект научного исследования обнаруживает себя в выявлении направлений актуализации прагматического слоя семантики текстовой единицы и способов ее реализации средствами русского языка, установлении функционально значимых аспектов взаимодействия между информативным и прагматическим слоями семантики текстовых единиц. В ходе исследования была выявлена специфика организации глобальной структуры юридического дискурса, ее подчинение исходной коммуникативной интенции, установлены корреляции между нею и видами риторических связей, организующих дискурсивные фрагменты. Выделены и обоснованы наиболее частотные риторические отношения презентационального типа, ориентированные на усиление иллокутивного профиля текстовой единицы, и риторические связи предметно-логического характера, коррелирующие с логико-смысловыми отношениями между дискурсивными единицами. Установлено, что исходная коммуникативная интенция подкрепляется более частными коммуникативными установками и вкупе с ними образует интенциональный комплекс, который определяет риторическую структуру дискурса в целом.

Ключевые слова: дискурс, риторическая структура, риторические отношения.

Cognitive and Rhetorical Aspects of the Organization of Modern Legal Communication

L. V. Voronina¹, E. A. Lopatin²

*The Ryazan Branch of Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
18 Pervaya Krasnaya Str., 390043, Ryazan, Russia. E-mail: ¹lv-voronina@mail.ru, ²eg.lopatin@gmail.com*

The article is focused on the organization of global and local structures of modern Russian legal discourse. Discursive fragments of defensive and accusatory speeches of modern forensic orators are examined in the scope of the Rhetorical structure theory, diagrams of their rhetorical structures are modeled, and the specifics of interaction between discursive units are explored. The goal of scientific analysis is to establish cognitive and rhetorical factors in the organization of discursive fragments of modern linguistic legal communication of persuasive type. The goal is achieved using general scientific and linguistic methods proper, including the method of formalizing linguistic descriptions: constructing tree-like diagrams of rhetorical structures related to the discourse fragments and a diagram of the cognitive profiling mechanism. The rhetorical aspect of scientific research reveals itself in identifying areas for actualization of the pragmatic layer of the semantics of text units and ways of its expression by means of the Russian language; establishing functionally significant aspects of the interaction between the informative and pragmatic layers of the semantics of text units. The study revealed the specifics of the organization of the global structure of legal discourse, its subordination to the original communicative intention, and established its correlations with types of rhetorical links that organize discursive fragments. The authors identify and give grounds to the most frequent rhetorical relations of a presentational type, aimed at strengthening the illocutionary profile of

a text unit, and rhetorical relations of a denotative nature, correlating with logical-semantic relations between discursive units. It has been established that the initial communicative intention is supported by more specific propositional attitudes and together they form an intentional complex that determines the rhetorical structure of the discourse as a whole.

Key words: discourse, rhetorical structure, rhetorical relations.

Организация дискурса, особенно аргументативного типа, к которому следует относить юридическую коммуникацию в ее жанровых разновидностях защитительной речи адвоката и обвинительной речи прокурора, в полной мере соответствует институциональным установкам на психологическое воздействие, обеспечивающее реализацию исходной коммуникативной интенции – убеждение адресата речи в «правильности принимаемого решения относительно ответчика» [Серпик 2023: 181].

Многочисленные исследования, ориентированные на выявление речевых стратегий и тактик, обеспечивающих необходимый психологический эффект в рамках заявленной речевой ситуации, в дискурсивной перспективе могут быть спроецированы на разработанную в конце XX века американскими учеными W. C. Mann и S. A. Thompson теорию риторических структур (TRC), которая, по правомерному утверждению отечественного лингвиста А. Л. Литвиненко, «представляет собой важный шаг в понимании того, как дискурс устроен “на самом деле”» [Литвиненко: 313], но не в привычном линейно-поступательном ракурсе, а в его уровневой организации. Сказанное определяет фокус настоящего научного исследования – перспективу установления когнитивно-риторических факторов в организации дискурсивных фрагментов современной языковой юридической коммуникации аргументативного типа.

Линейное развертывание речи и ее восприятие определяются исключительно временным фактором, в то время как кодирование невербальной информации в слова, структурирование суждения, его вербализация, предполагающая коммуникативную организацию смысла (фокус субъекта речи), с одной стороны, и осознание и интерпретация (фокус адресата) – с другой, процессы отнюдь не линейные и не поступательные (феномен потенциальности сознания по Э. Гуссерлю). В этой связи представляется правомерным утверждение У. Л. Чейфа о том, что в диалогически ориентированном дискурсе для расшифровки кода не имеет значения последовательность слов или позиция организующей текстовую единицу лексемы: осознание, или, по словам исследователя, «обработка» [Чейф 2008: 82], осуществляется всей просодической единицы в целом «как единого объекта, а не последовательности отдельных звуков» [Чейф 2008: 82]. Это означает, что из всей совокупности смыслов адресат выделяет тот или те, которые представляются ему коммуникативно значимыми, вне зависимости от их позиции в дискурсе, и эксплицирует именно их. Но каким образом происходит этот выбор?

Если исключить из поля зрения факторы субъективного порядка: систему пресуппозиционного знания, индивидуально-личностные характеристики адресата, его психическое состояние в момент интеракции, наконец, готовность / отсутствие желания вступать в коммуникацию, – на поверхности окажется интенциональность дискурса субъекта речи, его иллокутивный посыл и система дискурсивных кодов, расшифровать которые позволяет теория риторических структур. Так, чтение по вертикали графа риторической структуры представленного ниже дискурсивного фрагмента 1 (здесь и далее при наименовании риторических связей используется терминология на английском языке в соответствии с TRC) речи государственного обвинителя позволяет выделять коммуникативно значимые его узлы, которые не имеют ничего общего с последовательным расположением дискурсивных единиц (ДЕ) в естественном потоке речи (рисунок 1):

(ДЕ₁) *Так что же произошло?* (ДЕ₂) *У следствия было 2 основных версии: (ДЕ₃) либо телефоны украл кто-то из работников фирмы, (ДЕ₄) либо, как ни парадоксально, – пожарные. (ДЕ₅) Первая версия отпала практически сразу – (ДЕ₆) все работники фирмы выходили на улицу без каких-либо предметов в руках, (ДЕ₇) а украсть до пожара было невозможно, (ДЕ₈) поскольку рабочие места отделены друг от друга значительным пространством (ДЕ₉) и (ДЕ₁₀), чтобы перейти от одного к другому, необходимо время, которого во время эвакуации просто не было. (ДЕ₁₁) Так что осталась версия № 2 – телефоны похитили пожарные* [Обвинительная речь по уголовному делу (Часть 1 статья 158. Кража): <https://vunivere.ru/work4791/page2>].

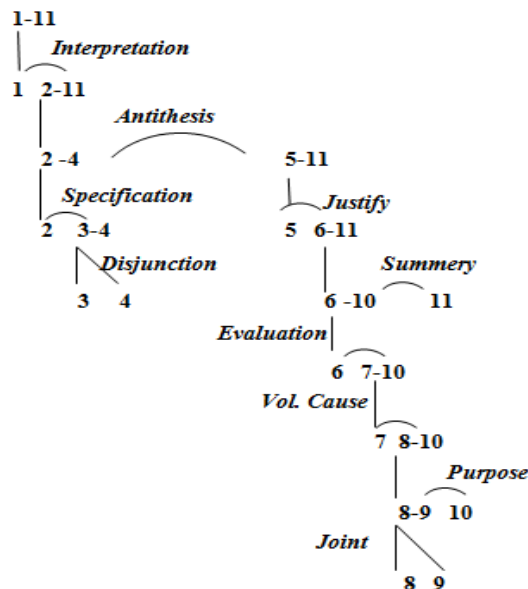


Рисунок 1 –Риторический граф дискурсивного фрагмента 1

Коммуникативно значимыми и релевантными иллокутивному профилю фрагмента выступают риторические отношения Interpretation (Интерпретация). Согласно ТРС они входят в класс предметных отношений и выступают достаточно частотными в жанровых формах аргументативного дискурса, равно как и распад фрагмента на блоки (ДЕ₂–ДЕ₄ и ДЕ₅–ДЕ₁₁) и установление между ними риторических связей по принципу коммуникативного усиления Antithesis (Антитезис). В целом, риторическая сеть исследуемого фрагмента демонстрирует органичный для доказывания презентационально-предметный риторический фон, причем коммуникативно значимая финальная ДЕ₁₁ находится в центральной части риторической иерархии, несмотря на то что и по логике, и дистанционно завершает дискурсивный фрагмент. Вышесказанное означает: линейное нахождение ДЕ в потоке речи не определяет ее коммуникативную значимость. Более того, значимые с точки зрения логики смыслы могут занимать в естественном дискурсе коммуникативно невысокие позиции.

Кроме того, нахождение на одном уровне в рамках риторической структуры фрагмента позволяет констатировать факт удержания информации в кратковременной (в терминологии У. Чейфа «эхотической» памяти [Чейф 2008: 81–82]), которая, как показывают наблюдения, захватывает не только ближайшие, но и коммуникативно значимые для адресата информационные кванты (риторическое расстояние vs линейное расстояние).

Дискурс как «целостное», «многомерное образование» [Сусов 2006: 133] четко структурирован. Его локальный уровень образуют дискурсивные единицы (ДЕ), релевантность которых текстовым – функционально обогащенным компонентам текста – определяется пропозицией, несмотря на то что сами авторы ТРС, не прибегая к термину «дискурсивная единица», используют сочетание spans text, определяя их как «uninterrupted linear interval text» [Mann & Thompson 1987: 4]. Между дискурсивными единицами складываются особого рода отношения – риторические. Они касаются как предметно-логических связей (Subject Matter), так и коммуникативных установок (Presentational). Так дискурсивные единицы объединяются в локальные узлы, а те, в свою очередь, в блоки, образуя тем самым глобальную структуру дискурса, организованную в соответствии с исходной коммуникативной интенцией.

Как утверждалось ранее, коммуникативной интенцией, организующей дискурс защитительной речи, выступает воздействие, точнее, убеждение судьи, присяжных заседателей. Чаще всего оно реализуется в третьей компоненте защитительной речи, ориентированной на передачу информации, «косвенно способствующей формированию мнения присутствующих» [Серпик 2023: 182]. Однако доказывание – это не перечисление аргументов и фактов субъектом речи. Это процесс, осуществляемый в сознании адресата речи посредством определенного инструментария – когнитивных механизмов, грамотное включение которых обеспечивает нужный формат персуазивной коммуникации. Корреляцию между ними и риторическими отношениями отчетливо высвечивают графы риторических структур дискурсивных фрагментов (рисунок 2):

(ДЕ₁) *Несколько дней вы с большим вниманием... исследовали обстоятельства трагической гибели Васильева.* (ДЕ₂) *Трагичность этого несчастного случая прежде всего в его последствиях,* (ДЕ₃) *в том, что так нелепо оборвалась жизнь молодого, способного человека.* (ДЕ₄) *Мы понимаем, какое горе пришло в семью Васильева.* (ДЕ₅) *Всем нам, естественно, очень его жаль.* (ДЕ₆) *Но речь идет о несчастном случае, а не о преступлении.* (ДЕ₇) *В этом мы видим вторую сторону трагедии,* (ДЕ₈) *ибо на скамье подсудимых оказался невиновный,* (ДЕ₉) *Портнов, по нашему глубокому убеждению, невиновен в наезде* (ДЕ₁₀) *и привлечен к уголовной ответственности только в связи с тем,* (ДЕ₁₁) *что именно он управлял автомобилем, сбившим потерпевшего* [Защитительная речь адвоката по уголовному делу о ДТП: <https://www.advokat-nikitinsky.com/poleznoe/zashhitelnaja-rech-advokata-po-delu-o-dtp>].

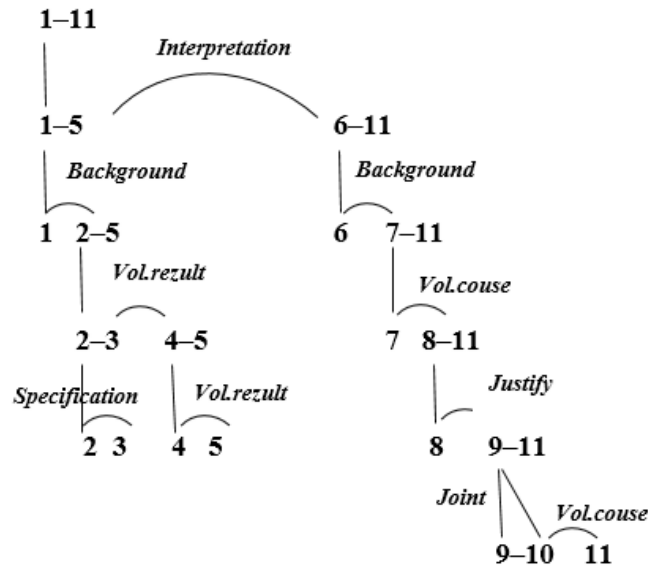


Рисунок 2 – Риторический граф дискурсивного фрагмента 2

Представленный выше дискурсивный фрагмент распадается на два блока ДЕ (ДЕ₁-ДЕ₅ и ДЕ₆-ДЕ₁₁), между которыми складываются риторические отношения предметного типа (Subject Matter) Interpretation (Интерпретация), однако оформлены они по принципу риторических связей презентационального плана (Presentational), связанного с актуализацией прагматического слоя семантики текстовой единицы: они усиливают коммуникативную интенцию, связанную с противопоставлением двух событийных блоков, выражением положительного отношения («positive regard» [Mann 1987: 11]) к событию ядерной ДЕ в противовес сателлиту: типичный маркер противопоставления – союз *но*, оформляющий сильные отношения Antithesis (Антитезис), – противопоставляет две ситуации, первая из которых (сателлит) имплицитна (!) – *преступление vs несчастный случай*. Таким образом осуществляется **подмена** предметных отношений (уровень семантики) отношениями коммуникативной интенции (уровень прагматики), которая подкрепляется собственно риторическими средствами эмоционального воздействия – прагмемами.

В лингвистической концепции М. Н. Эпштейна, прагмема, находящиеся на лексическом уровне языковой системы, представляют собой «референтно-оценочные» «самозначимые» слова, «не просто называющие явление, но и нечто сообщающие о нем» [Эпштейн 1991: 19-33]. Входя в состав текстовых единиц, соотносимых в соответствии с функционально-лингвистическим критерием не только со словом, но и со звуком, предложно-падежной группой, словосочетанием, предложением и даже фрагментом текста, они в той или иной мере осложняют информативный слой семантики текстовой единицы – уточняя его, усиливая или противопоставляя ему. Актуализация прагматического слоя семантики текстовой единицы осуществляется комплексом риторических средств и в разных направлениях. Прагмема, выражая «авторское отношение к описываемой реалии» [Болотнова 2002: 4], обнаруживают себя в разного рода стилях: они поддерживают иллокутивную силу текстовой единицы, усиливая ее эмоционально. Так, денотат получает свое прагматическое осложнение со стороны авторского отношения (*трагическая гибель, трагичность; невиновен*), нагнетания определенного эмоционального фона (*оборвалась жизнь, пришло горе, жаль*).

Риторические связи между дискурсивными единицами в рамках каждого блока рассматриваемого фрагмента в свою очередь организуются по типу Background (Фон): данный тип связи частотен в дискурсе аргументативного типа и ярко иллюстрирует действие когнитивного механизма профилирования, модель которого представлена на рисунке 3:

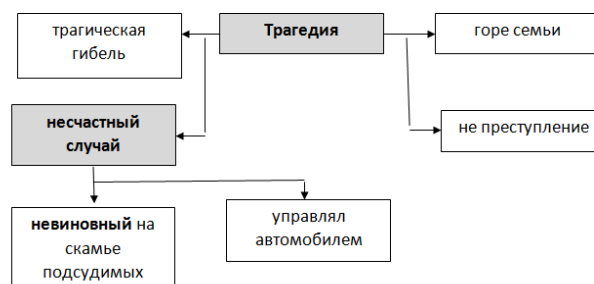


Рисунок 3 – Модель когнитивного механизма профилирования (дискурсивный фрагмент 2)

Концепт «Трагедия» объединяет риторические блоки дискурсивного фрагмента: каждый его слот – «Трагическая гибель», «Горе семьи», «Не преступление», «Несчастный случай» – подчеркивает позицию субъекта речи (адвоката),

закрывающуюся в невиновности подзащитного. Последующее выпячивание и активизация слота «Несчастный случай» влечет за собой выделение новых смыслов, значимых с точки зрения коммуникативной установки речи защитника – убедить в невиновности ответчика (блок ДЕ₈–ДЕ₁₁). Например, когнитивные механизмы конкретизации реализуются в риторических отношениях Interpretation (Интерпретация) в блоке ДЕ₈–ДЕ₁₁, в рамках которого локальные узлы демонстрируют релевантность коммуникативному намерению субъекта речи обосновать (Justify) и установить причину (Vol. Cause).

Исходная коммуникативная интенция защитительной речи может реализовываться иным путем – посредством установления риторических отношений по типу Summary (Резюме). Риторический граф фрагмента представлен на рисунке 4:

(ДЕ₁) Каковы же основные итоги судебного следствия? (ДЕ₂) Оно прежде всего показало, что Николаев **не участвовал** в погоне за Женей Ивановым. (ДЕ₃) Свидетели Нерестов, Шелковниковы Валерий и Юрий, Ламонова показали в суде, (ДЕ₄) что Коля вырвался от матери (ДЕ₅) и побежал за товарищами, (ДЕ₆) когда они были уже так далеко, (ДЕ₇) что их **не было видно**. (ДЕ₈) Разминуться, **не видя друг друга**, на этой дорожке нельзя. (ДЕ₉) Однако Алексеев, Козырев, Суров заявляют, (ДЕ₁₀) что они бежали за Ивановым почти до конца пешеходной дорожки, (ДЕ₁₁) но Николаев их **не обгонял**. (ДЕ₁₂) На обратном пути они его тоже **не встретили** [Защитительная речь адвоката по делу о признании в убийстве: <https://www.advokat-nikitinsky.com/poleznoe/zashhitelnaja-rech-advokata-v-dele-ob-ubijstve>].

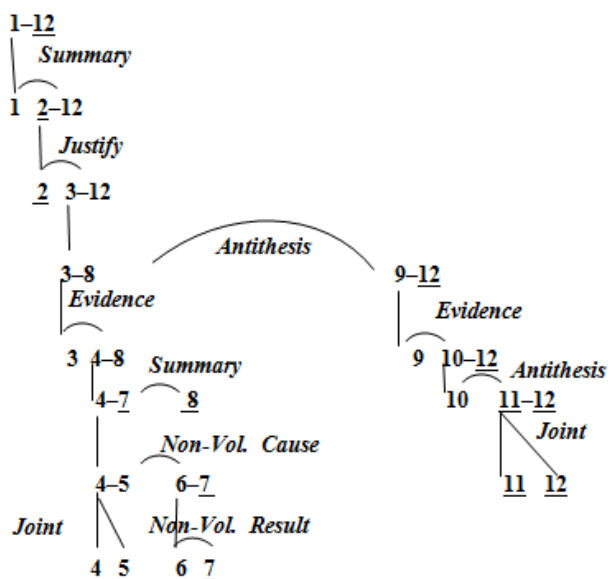


Рисунок 4 – Риторический граф дискурсивного фрагмента 3

Названные выше связи относят к числу предметных. Они организуются посредством параметра «+/- positive» в его отрицательной плоскости: *не участвовал в погоне*, *Николаев не обгонял*, *не встретили* (ДЕ с отрицанием подчеркнуты) и выступают частотными в аргументативных формах дискурса при реализации приема опровержения в процессе доказывания. Обращает на себя внимание типичное разделение дискурса на два блока (ДЕ₃–ДЕ₈ vs ДЕ₉–ДЕ₁₂), организованных по принципу коммуникативного усиления Antithesis (Антитезис), локальные узлы которых характеризуются параллельными идентичными связями (ДЕ₃–ДЕ₄, ДЕ₉–ДЕ₁₀), равнозначными по силе и статусу (предметные отношения свидетельства (Evidence)). Указанные смыслы находятся на верхних уровнях иерархической системы дискурсивного фрагмента, так как представляются коммуникативно значимыми и остаются в плоскости внимания аудитории наравне с заявлением о невиновности ответчика.

Обвинительная речь имеет более развернутую композицию в сравнении с речью адвоката, однако ее исходная коммуникативная интенция идентична последней, но представляется ее зеркальной проекцией – в фокусе прокурора убеждение в пользу обвинения. Вышесказанное определяет специфику организации процесса доказывания и когнитивно-риторическую организацию структуры речи обвинителя.

Самый простой способ расположить к себе аудиторию и убедить ее в законности обвинения – тщательно проработанная система аргументов. При объективно сильной позиции обвинения глобальная структура дискурса государственного обвинителя в части доказывания организуется в соответствии с исходной интенцией Summary (Резюме), а локальная – посредством симметричных связей List (Перечисление) (рисунок 5):

(ДЕ₁) Я проведу разбор собранных доказательств по делу. (ДЕ₂) Рассмотрим явку с повинной... (ДЕ₃) Далее осмотр места происшествия доказывает, что... (ДЕ₄) Осмотр трупа Тимофеева доказывает нам, что... (ДЕ₅) Показания потерпевшей Тимофеевой, из которых следует, что... (ДЕ₆) Из вышеизложенных доказательств следует, что Усанин виновен в убийстве Тимофеева... [Обвинительная речь по делу Усанина: <https://vunivere.ru/work4787>].

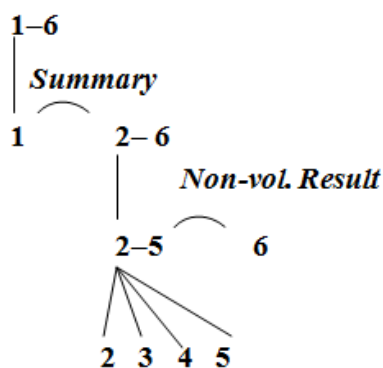


Рисунок 5 – Риторический граф дискурсивного фрагмента 4

Риторический граф демонстрирует логичность и организованность дискурса, не требующие подкреплений со стороны риторического воздействия. С другой стороны – кажущееся на первый взгляд несоответствие первой и финальной ДЕ: это подчеркивает нахождение на более низком уровне относительно исходной коммуникативной интенции итоговой фразы (ДЕ₆), которая представляется субъекту речи коммуникативно незначимой, в сравнении с организующими фрагмент отношениями Резюме (ДЕ₁ – ДЕ₂₋₆). Это объясняется тем, что главную задачу речи обвинения составляет не доказывание виновности подозреваемого, а «доказывание законности, обоснованности и справедливости позиции государственного обвинителя» [Боровков, Улесов 2014]: именно данный смысл заключен в начальной ДЕ₁.

Теория риторических структур – безусловный феномен в современной лингвистике: она дает ответы на многие вопросы, связанные с коммуникативным аспектом речевого взаимодействия двух его участников – субъекта речи и адресата. Кроме того, в рамках предмета настоящего научного исследования – юридического дискурса аргументативного типа – она позволяет сформулировать ряд положений, общих для когнитивно-риторической организации обеих его жанровых форм – защитительной речи адвоката и обвинительной речи прокурора.

1. Интенциональность защитительной и обвинительной речей представляет собой комплекс из исходной коммуникативной интенции – убеждения – и подкрепляющих или дополняющих ее намерений.

2. Убеждение реализуется в дискурсивных фрагментах с двухчастной композицией: чаще всего дискурсивные блоки организуются по принципу известных презентациональных связей, ориентированных на усиление иллокутивного профиля текстовых единиц, таких как Обоснование (Justify), Фон (Background), Антитезис (Antithesis), Доказательство (Evidence), Уступка (Confession) и др., а также нового типа, выделенного в рамках настоящей научной статьи, – Конкретизация (Specification).

3. Частные интенции в составе интенционального комплекса конструкции подкрепляются предметными связями Волитивной причины (Vol. Cause), Волитивного результата (Vol. Result) и антонимичных им Неволитивной причины (Non-Vol. Cause) и Неволитивного результата (Non-Vol. Result), а также Условия (Condition), Оценки (Evaluation) и др.

4. Риторические связи предметного (или логико-смыслового) характера характеризуются силой, которая определяется в связи с реляторами подчинительных связей – средствами косвенной референции (*ибо, в связи с тем что*), – они в большей мере соответствуют целевым установкам как защитительной, так и обвинительной речей, так как о фактах участника процесса могут говорить прямо, устанавливая причинно-следственные связи открытого характера (в языке это проявляется использованием средств прямой референции к событию).

5. Коммуникативно значимая информация, заключающаяся в ДЕ, находится на вершине иерархии риторических отношений в глобальной структуре дискурсивного фрагмента, представлена Interpretation (Интерпретацией) и Summary (Резюме), менее значимые в коммуникативном аспекте отношения выполняют своего рода служебные функции, уточняя, поясняя, выявляя причинно-следственные связи и проч., как слагаемые общей интенциональной картины дискурсивного фрагмента.

Литература

Mann W. C., Thompson S. A. Rhetorical Structure Theory: a Theory of Text Organisation. USA, 1987.

Болотнова Н. С. О границах информем в поэтическом тексте / Вестник Томского государственного университета. – 2002. – № 1. – С. 3-9.

Боровков А. В., Улесов Н. И. Этические аспекты судебной речи в суде / Законность и правопорядок в современном обществе. – 2014. – № 18. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-aspekty-obvinitelnoy-rechi-v-sude>

Защитительная речь адвоката по делу о признании в убийстве. URL: <https://www.advokat-nikitinsky.com/poleznoe/zashhitelnaja-rech-advokata-v-dele-ob-ubijstve>

Защитительная речь адвоката по уголовному делу о ДТП. URL: <https://www.advokat-nikitinsky.com/poleznoe/zashhitelnaja-rech-advokata-po-delu-o-dtp>

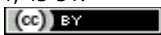
- Литвиненко А. Л. Описание структуры дискурса в рамках теории Риторической Структуры: применение на русском материале. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/litvinenko/>
 Обвинительная речь по делу Усанина. URL: <https://vunivere.ru/work4787>
 Обвинительная речь по уголовному делу (Часть 1 статья 158. Кража). URL: <https://vunivere.ru/work4791/page2>
 Серпик В. Д. Роль защитительной речи в формировании судьейского убеждения / Образование и право. – 2023. – № 2. – С. 180-183
 Сусов А. А. Моделирование дискурса в терминах теории риторической структуры / Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 133-138.
 Чейф У. Роль интроспекции, наблюдения и эксперимента в понимании мышления / Вопросы языкознания. – 2008. – № 4. – С. 78-88.
 Эпштейн М. Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) / Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 19-33.

References

- Accusatory speech in a criminal case (on the Part 1, Article 158 "Theft" of the Criminal Code of the Russian Federation). Available from: <https://vunivere.ru/work4791/page2> (in Russian).
 Bolotnova, N. S. (2002). On the boundaries of information in a poetic text. Tomsk State University Journal, 1, 3-9 (in Russian).
 Borovkov, A. V., Ulesov, N. I. (2014). Ethical aspects of judicial speech in court. Legality and legal order, 18. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-aspekty-obvinitelnoy-rechi-v-sude> (in Russian).
 Chafe, W. The role of introspection, observation and experiment in understanding thinking. Voprosy Jazykoznanija, 4, 78-88 (in Russian).
 Defense speech of the lawyer in the murder confession case. Available from: <https://www.advokat-nikitinsky.com/poleznoe/zashhitelnaja-rech-advokata-v-dele-ob-ubijstve> (in Russian).
 Defensive speech of a lawyer in the criminal case of the accident. Available from: <https://www.advokat-nikitinsky.com/poleznoe/zashhitelnaja-rech-advokata-po-delu-o-dtp> (in Russian).
 Epshtein, M. N. (1991). Ideology and language (building a model and understanding discourse) / Voprosy Jazykoznanija, 6, 19-33 (in Russian).
 Indictment in the Usanin case. Available from: <https://vunivere.ru/work4787> (in Russian).
 Litvinenko, A. L. Description of the structure of discourse within the framework of the Rhetorical Structure theory: application to Russian material. Available from: <https://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/litvinenko/> (in Russian).
 Mann, W. C., Thompson, S. A. (1987). Rhetorical Structure Theory: a Theory of Text Organisation.
 Serpik, V. D. (2023). The role of defensive speech in the formation of judicial conviction. Education and Law, 2, 180-183 (in Russian).
 Susov, A. A. (2006). Modeling discourse in terms of the theory of rhetorical structure. Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism, 2, 133-138 (in Russian).

Citation:

- Воронина Л. В., Лопатин Е. А. Когнитивно-риторические аспекты организации современной юридической коммуникации // Юрислингвистика. – 2024. – 31. – С. 45-51.
 Voronina L. V., Lopatin E. A. (2024) Cognitive and Rhetorical Aspects of the Organization of Modern Legal Communication. Legal Linguistics, 31, 45-51.

 This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Стилевые особенности судебных решений американского судьи Ричарда Познера

Ю. В. Печатнова

Алтайский государственный университет

пр-кт Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: jp_0707@mail.ru

В настоящей статье предлагается проанализировать применяемые американским судьей апелляционного округа, ученым-правоведом Ричардом Познером стиливые особенности изложения судебных текстов и определить меру допустимого и необходимого судебного творчества, в том числе применительно к отечественному правосудию.

Методология исследования включает общенаучные логические, системные, аналитические и структурно-функциональные методы, частно-научный метод лингвистического анализа, специально-юридические приемы сравнительного правоведения, формально-юридического анализа.

Исследование проводилось в несколько этапов, включающих: во-первых, изучение судебных решений Р. Познера, выявление специфических стиливых особенностей; во-вторых, анализ выявленных особенностей и формулирование общетеоретических посылов Р. Познера; в-третьих, рассмотрение возможностей развития идей Р. Познера в отечественной политико-правовой плоскости.

В результате исследования были выявлены следующие особенности судебных заключений Р. Познера: простота и ясность судебного решения, отклонения от претенциозности официально-делового стиля; научность судебного решения, выстраивание логики судебного решения на основе эмпирического материала; целесообразность судебного решения, допустимость отклонения от «буквы» закона в пользу «духа» права; творческий подход к судебному решению, допустимость применения отдельных приемов художественного и публицистического стилей речи; скептицизм по отношению к принципу правовой определенности; преодоление формализма права, допустимость применения принципа экономической эффективности как источника права (в широком смысле); междисциплинарность права, возможность использования методологического аппарата иных наук к правовой науке; отрицание роли судьи как пассивного наблюдателя и признание за судьей роли активного политико-правового актора.

В заключение автором сделан вывод о целесообразности развития идей Р. Познера в отечественной правовой науке с учетом их критического анализа и некоторых уточнений.

Ключевые слова: Ричард Познер, судебное решение, судебное толкование, правовой формализм, правовой реализм.

Style Features of Judicial Decisions of American Judge Richard Posner

Yu. V. Pechatnova

Altai State University

68 Socialisichesky Prospect, 656049, Barnaul, Russia. E-mail: jp_0707@mail.ru

This article proposes to analyze the stylistic features of the presentation of judicial texts used by the American appellate district judge, legal scholar Richard Posner, and to determine the measure of acceptable and necessary judicial creativity, including domestic justice.

The research methodology involves general scientific logical, systemic, analytical and structural-functional methods, a particular scientific method of linguistic analysis, special legal techniques of comparative law, formal legal analysis.

The research was carried out in several stages, including: first, the study of R. Posner's court decisions with identifying specific stylistic features; second, analysis of the identified features and stating R. Posner's general theoretical premises; third, consideration of the possibilities of developing R. Posner's ideas in the domestic political and legal context.

As a result of the study, the following features of R. Posner's judicial opinions were identified: simplicity and clarity of the court decision, acceptable deviations from the pretentiousness of the official business style; scientific nature of the court decision, developing the logic of the court decision based on empirical material; the expediency of a court decision, the acceptability of deviations from the "letter" of the law in favor of the "spirit" of the law; a creative approach to a judicial decision, the acceptability of using certain techniques of artistic and journalistic styles of speech; skepticism towards the principle of legal certainty; overcoming the formalism of law, the acceptability of applying the principle of economic efficiency as a source of law (in the broad sense); interdisciplinary character of law, the possibility of using the methodological apparatus of other sciences in legal science; denial of the role of the judge as a passive observer and recognition of the role of the judge as an active political and legal actor.

Finally, the author concluded that the development of R. Posner's ideas in domestic legal science is appropriate, providing for some clarifications and their critical analysis.

Key words: Richard Posner, court decisions, judicial interpretation, legal formalism, legal realism.

Р. Познер, один из самых цитируемых американских ученых-юристов, основатель экономического анализа права, принимая предложение о назначении на должность судьи апелляционного окружного суда США, рассматривал свое назначение как возможность для развития и популяризации своих научных взглядов в сфере практической юриспруденции.

Обладая к моменту назначения на должность судьи значительным практическим, научным и преподавательским опытом юридической работы, Р. Познер воспринимал судебную карьеру как возможность привнести целесообразность и реалистичность в систему действующего правового регулирования.

Стремление к возведению судебного решения до уровня научного изыскания проявлялось в оригинальном изложении его судебных заключений, нередко выходящих за рамки общепринятых форматов.

К особенностям изложения судебных решений Р. Познера следует отнести настойчивые попытки не злоупотреблять юридической терминологией, прибегая к максимальной простоте и ясности изложения текста судебного решения. В случае ссылок на научную литературу Р. Познер подробно объяснял используемые дефиниции, концепции, доктрины и принципы.

Р. Познер отмечал, что, принимая решение, он задает себе вопрос, каким будет обоснованный, разумный результат того или иного спора, такой результат, который был бы понятен обычному человеку, далекому от юриспруденции. Затем, ответив на этот вопрос, он задает себе второй по важности вопрос, связанный с тем, допустим ли такой исход спора с точки зрения норм закона, судебных прецедентов и других ограничителей судебного усмотрения [Домнарский 2016: 3].

В процессе правоприменения Р. Познер стремился обозначить реальную цель правового регулирования, отмечая, что закон создается иногда в спешке, а иногда с небрежностью и беспечностью ленивого законодателя, сосредоточенного на решении конкретной проблемы, но всегда распространяющего свою волю на неопределенный круг лиц и неопределенное количество споров. При этом несовершенство законотворчества не должно отражаться на правоприменении, в связи с чем толкование и интерпретация норм права для решения конкретной правовой задачи, по мнению Р. Познера, необходимы и неизбежны [Познер 1997].

Поскольку Р. Познер в большей степени был вдохновлен популяризацией идей экономического анализа права, в отдельных судебных решениях он раскрывает основные принципы взаимодействия права и экономики, ссылаясь на экономические аргументы, обосновывающие политико-правовые решения. При этом Р. Познер редко цитировал свои собственные научные работы, предпочитая ссылаться на других специалистов в области экономического анализа права, таких как Дж. Стинглер, Р. Коуз, Г. Бекер.

Помимо актуальной юридической литературы Р. Познер также неоднократно цитирует некоторые из самых известных английских дел девятнадцатого века в целях объяснения различных фундаментальных доктрин, что, по наблюдениям его единомышленников, придает устаревшим прецедентам новое звучание, связывая прошлое и настоящее [Домнарский 2016].

Юношеская увлеченность Р. Познера литературой нашла отражение в применении в его судебных актах аллюзий – стилистических приемов, содержащих аналогию с известными литературными произведениями. Так, в одном из судебных решений по антимонопольному спору Р. Познер ссылается на «Гамлета» У. Шекспира: идея того, что «в падении воробья есть особое провидение» («Гамлет», действие V), не является современной философией антимонопольного законодательства; конкуренция определяется не сохранением жизни всех участников рынка (аллюзия с воробьем), а поддержанием жизни лишь достаточного числа конкурентов в интересах потребителя. Тем самым, используя аллюзию, Р. Познер красочно проиллюстрировал, что выбытие конкурента из конкурентной среды не является поводом для беспокойства антимонопольного органа, если при этом сохраняется достаточный уровень конкуренция [Баркаукас... 1989].

Кроме того, Р. Познер в своих решениях активно использует эпиграммы. Например, «Хотя путь к судебному пересмотру усеян терниями, это не совсем непроходимые чащи, какими их изображает правительство» [Регистрация... 1983], «Чувство солидарности не дает права на подачу иска» [Офицеры... 1983], «Девиз прусского государства — все, что не разрешено, запрещено — не является полезным руководством для толкования закона» [США... 1984], «Четвертая поправка не расширяется, подобно аккордеону, чтобы заполнить то, что может быть пробелом в законе» [Гринуолт... 2005] и т. д.

Другая особенность изложения судебного текста Р. Познера заключается в намеренном отступлении от формальной структуры судебного решения. Например, Р. Познер критически оценивает регламентированное требование подкреплять каждый довод судьи соответствующими ссылками на нормативный правовой акт или прецедент, поскольку, по его мнению, судебное решение должно, прежде всего, основываться на личном взаимодействии судьи с законом сквозь призму представленных ему фактов [Домнарский 2016: 102].

Р. Познер не всегда соблюдает требования официально-делового стиля в своих судебных актах. Так, например, в некоторых судебных заключениях американский судья отступает от беспристрастного судейского тона и для усиления эмоциональной подачи мотивировочной части использует восклицательные знаки, которые вряд ли можно встретить в стандартном судебном решении.

В одном из наиболее противоречивых и получивших широкую огласку судебных решений Р. Познер позволил себе с недвусмысленным пренебрежением подчеркнуть некомпетентность участника процесса, разместив в тексте судебного акта карикатуру (что само по себе весьма смело и нестандартно) и сравнив неподготовленного к делу адвоката одной из сторон со страусом, прячущим голову в песок. «Страус – благородная птица, но он не является должной моделью для подражания со стороны адвоката в апелляционном суде», – отмечает Р. Познер в судебном акте [Судья Ричард Познер... 2017].

Таким образом, беспрецедентная смелость и самобытный стиль изложения судебных заключений стали отличительной авторской чертой Р. Познера. Вопреки устоявшейся структуре и формально-юридическим требованиям к стилистике изложения судебного акта Р. Познер начал писать обширные судебные заключения, подчинив своей воле жанр судебного творчества.

Разумеется, употребление восклицательных знаков, размещение в судебном акте карикатур с комментариями, смешение официально-делового, научно-популярного, художественного и публицистического стилей, иные вольности в изложении судебного акта недопустимы с процессуальной точки зрения, тем не менее, таким образом Р. Познер выражает свой протест формальным требованиям к структуре и содержанию судебных актов.

Р. Познер подчеркивает свою солидарность с О. Холмсом, который писал, что о принципах целесообразности, столь важных для разрешения юридических споров, судьи упоминают крайне редко, а приняв практико-ориентированное решение, обличают его в напыщенно неестественный текст, который невооруженным глазом можно счесть за легализм. В развитие идеи, высказанной О. Холмсом, Р. Познер указывает на то, что правовой текст стал чрезмерно насыщенным профессиональной терминологией, излишне формализованным и все более отдаленным от правовых реалий [Познер 2013: 23].

К. Крихнер указывал, что методологические разногласия между формализмом и правовым реализмом представляют собой спор о возможности использования в процессе принятия судебных решений внешних для права регуляторов (ценностных, экономических и т. д.) [Крихнер 2004: 382].

На взгляд Р. Познера, применение формально-юридического подхода достаточно при вынесении большинства судебных споров с простым и однозначным разрешением. Однако применительно к сложным и неоднозначным судебным делам формально-юридический метод иллюстрирует свою ограниченность. Ввиду того, что правовая догматика не способна найти ответы на все вопросы правовой реальности, Р. Познер выражает убежденность в том, что под правом не следует понимать автономное и самодостаточное явление, и выдвигает тезис о необходимости использования дополнительных (в частности, экономических) методов разрешения юридических споров.

Он продолжает развивать вышеуказанный тезис в статье «Юриспруденция скептицизма», основная идея которой в том, что правоприменителям следует сохранять здоровый скептицизм по отношению к иллюзии определенности, которую якобы приносит формализм, а также подвергать сомнению абсолюты и ненаблюдаемые сущности [Познер 1988].

В противовес формализму, Р. Познер рассматривал экономическую целесообразность в качестве основополагающего принципа права [Posner 1979: 103]. Разумеется, принятие решений, идущих вразрез с буквой закона, но согласующихся с принципом экономической эффективности, влечет риски, связанные с релятивизмом, противоречащим требованиям правовой определенности и предсказуемости судебных решений. Вместе с тем, Р. Познер подчеркивает, что судебный процесс должен быть схож с научным процессом, целью которого является подтверждение или опровержение научной гипотезы на основе проведения обширного междисциплинарного теоретического исследования, согласованного с эмпирическими наблюдениями. Р. Познер писал: «Я бы хотел подтолкнуть судебную деятельность к научной деятельности. Это моя юриспруденция в двух словах» [Познер 1988].

Единомышленниками Р. Познера, среди которых знаменитые американские окружные судьи Лернед Хэнд и Генри Френдли, разделяли нестандартный подход Р. Познера к анализу и разрешению судебных споров и даже называли его решения шедеврами судебного творчества [Домнарский 2016: 99].

Вместе с тем поддержка научного похода, применяемого Р. Познером для разрешения реальных правовых споров, была скорее исключением из общего правила, согласно которому большинство представителей американского судейского сообщества не принимали подобных экспериментов с правосудием.

Идея о междисциплинарности права и доводы об экономической эффективности как об источнике права (в широком смысле слова) вызывали обеспокоенность ученых-юристов размыванием границ права и обесцениванием права как такового.

Неодобрение коллег-судей при принятии решений, противоположных уже сложившимся прецедентам, или неуместном, по их мнению, применении экономического анализа права в судебной практике, привели Р. Познера к выводу о том, что американская правовая система неэластична к инновациям.

Однако, получая в свой адрес многочисленные упреки в преобладании деструктивной критики права над конструктивной, Р. Познер предлагал вспомнить ответ Вольтера, когда его упрекнули в том, что он не предлагает замены христианству, на которое он нападает: «Je vous delivre d'une bete feroce, et vous me requireez par quoi je la

remplace!» («Я спасаю тебя от свирепого зверя, а ты спрашиваешь меня, чем я его заменю!») [Познер 1990: 33].

Следовательно, основная миссия судьи Р. Познера – активная борьба против формализма права, которая проявлялась в следующих стилевых и содержательных особенностях его судебных решений.

1. Простота и ясность судебного решения, допустимые отклонения от претенциозности официально-делового стиля.

2. Научность судебного решения, выстраивание логики судебного решения на основе эмпирического материала.

3. Целесообразность судебного решения, допустимость отклонения от «буквы» закона в пользу «духа» права.

4. Творческий подход к судебному решению, допустимость применения отдельных приемов художественного и публицистического стилей речи.

5. Скептицизм по отношению к принципу правовой определенности.

6. Преодоление формализма права, допустимость применения принципа экономической эффективности как источника права (в широком смысле).

7. Междисциплинарность права, возможность использования методологического аппарата иных наук к правовой науке.

8. Отрицание роли судьи как пассивного наблюдателя и признание за судьей роли активного политико-правового актора.

Подход Р. Познера к правоприменению, лишь отчасти разделяемый некоторыми англосаксонскими юристами, крайне чужд континентальному правовому порядку. Так, по мнению В. Д. Зорькина, попытки привнести в российскую правоприменительную практику элементы англосаксонского прецедентного права рискованны, а прививки чрезмерного релятивизма могут привести к хаотичному правовому регулированию и ослабить отечественную правовую систему [Гаджиев 2023: 59].

Однако видится, что в разумных пределах применение идей Р. Познера допустимо и обоснованно для отечественного правосудия.

Во-первых, нельзя не признавать экономическую обусловленность правовых норм, возникающих из объективных потребностей общества. В связи с этим учет объективных реалий и использование в процессе правоприменения методов экономического анализа позволяют сделать судебное решение не только законным, но и целесообразным.

Во-вторых, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 №1-П подчеркиваются правомочия высших судов российской судебной системы на разъяснение отдельных вопросов судебной практики, а равно выработку правовых позиций, основанных на толковании отдельных положений законодательства, которые впоследствии становятся обязательными для нижестоящих судов [Постановление Конституционного суда 2010]. В связи с этим отдельные начала квазипрецедентного права отражаются в российской правовой системе.

В-третьих, представляется, что принципы простоты, ясности, научности и целесообразности судебных решений, отстаиваемые Р. Познером, не только допустимы, но и необходимы, в том числе для отечественной системы правосудия.

При этом идея Р. Познера о междисциплинарности права нуждается в определенных уточнениях. Вопреки доводам Р. Познера, видится, что право является самостоятельной и самодостаточной научной дисциплиной с собственным предметом и методологией. Однако, как указывает А. Л. Маковский, большинство ученых, превосходно знакомых с мельчайшими деталями своей области науки, оказываются не в состоянии объять всю картину соответствующей научной отрасли; «деревья» мешают увидеть «лес». В этой связи Г. А. Гаджиев, в продолжение указанной идеи, отмечает: поскольку экономическая и юридическая науки исследуют общие области общественных отношений, познание обеих обогащается путем моделирования сложностей (явление изоморфизма) [Гаджиев 2023: 6]. Поэтому Г. А. Гаджиев взамен междисциплинарному подходу, отстаиваемому Р. Познером, предлагает трансдисциплинарный подход, который заключается в том, что он не посягает на самодостаточность отдельных наук, а исследует области их пересечения с использованием собственных научных методов. В этой части подход Г. А. Гаджиева представляется более обоснованным, чем идея Р. Познера.

Таким образом, при некоторых уточнениях развитие идей американского судьи Ричарда Познера способно благотворно повлиять на совершенствование отечественного правоприменения.

Литература

Domnarsky, W. Richard Posner. New York, 2016.

Posner R. Jurisprudence of skepticism / Michigan Law Review. - 1998.

Posner R. Problems of jurisprudence. Cambridge, 1990.

Posner R. Reflections on refereeing. Cambridge, 2013.

Posner R. The rule of reason and the economic approach: reflections on the Sylvania decision / University of Chicago Law Review. - 1997.

Posner R. Utilitarianism, Economics, and Legal Theory / Journal of Legal Studies. - 1979. - Vol. 8.

Баркаускас против Лейн, 878 F.2d 1031, 1032 (7-й округ 1989 г.) (in English).

Гаджиев Г. А. Право и экономика (методология). М., 2023.

Гринуолт против Департамента исправительных учреждений штата Индиана, 397 F.3d 587, 591 (7-й округ, 2005 г.) (in English).

Кирхнер К. Трудности восприятия дисциплины «Право и экономика» в Германии / Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. М., 2004.

Офицеры полиции из числа меньшинств Ass'n of South Bend v. City of South Bend, Indiana, 721 F.2d 197, 202 (7-й округ, 1983 г.) (in English).

Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 №1-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96788/

Регистрация прокурора и дисциплинарное дело Верховного суда штата Иллинойс против Швайкера, 715 F.2d 282, 286 (7-й округ, 1983 г.) (in English).

Соединенные Штаты против Торреса, 751 F.2d 875, 880 (7-й округ 1984 г.) (in English).

Судья Ричард Познер уходит из 7-го округа после 36 лет работы. 01.09.2017. URL: https://www.abajournal.com/news/article/judge_richard_posner_retires_from_the_7th_circuit_after_36_years (in English).

References

Attorney Registration and Disciplinary Case of the Supreme Court of Illinois v. Schweiker. (1983). 715 F.2d 282, 286.

Barkauskas v. Lane. (1989). 878 F.2d 1031, 1032.

Domnarsky, W. (2016). Richard Posner. New York.

Gadzhiev, G.A. (2023). Law and economics (methodology). Moscow (in Russian).

Greenawalt v. Indiana Department of Corrections. (2005). 397 F.3d 587, 591.

Judge Richard Posner retires from the 7th Circuit after 36 years. (2017). Available from: URL:

https://www.abajournal.com/news/article/judge_richard_posner_retires_from_the_7th_circuit_after_36_years.

Kirchner, K. (2004). Difficulties in perceiving the discipline "Law and Economics" in Germany. Origins. Economics in the context of history and culture. Moscow (in Russian).

Minority Police Officers Ass'n of South Bend v. City of South Bend, Indiana (1983). 721 F.2d 197, 202.

Posner, R. (1979). Utilitarianism, Economics, and Legal Theory. Journal of Legal Studies, 8.

Posner, R. (1990). Problems of jurisprudence. Cambridge.

Posner, R. (1997). The rule of reason and the economic approach: reflections on the Sylvania decision. University of Chicago Law Review.

Posner, R. (1998). Jurisprudence of skepticism. Michigan Law Review.

Posner, R. (2013). Reflections on refereeing. Cambridge.

Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation. (2010). Available from: URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96788/ (in Russian).

United States v. Torres. (1984). 751 F.2d 875, 880.

Citation:

Печатнова Ю. В. Стилиевые особенности судебных решений американского судьи Ричарда Познера // Юрислингвистика. – 2024. – 31. – С. 52-56.

Pechatnova Yu. V. (2024) Style Features of Judicial Decisions of American Judge Richard Posner. Legal Linguistics, 31, 52-56.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О лингвокогнитивном моделировании защитительной речи в современном судопроизводстве

Е. А. Федорченко

Российская таможенная академия

Комсомольский просп., 4, 140015, г. Люберцы, Россия. E-mail: academy@customs-academy.ru

Систематизация языковых средств, используемых адвокатами в своих выступлениях в суде, концептуальный анализ привлекаемых ресурсов языка позволяет реконструировать когнитивные структуры, предопределяющие смысловое развертывание текста, его интерпретацию, и прогнозировать эффективность коммуникации в целом. Данная гипотеза нашла свое подтверждение в проведенном исследовании, посвященном изучению языковых процессов создания текстов защитительных речей в современном российском судопроизводстве. Цель исследования – охарактеризовать стратегии лингвокогнитивного моделирования защитительных речей в аспекте их языковой репрезентации. В качестве материала исследования были использованы защитительные речи современных судебных ораторов конца XX – первой четверти XXI века. Применяемая методика изучения защитительных речей в контексте интерактивного диалога коммуникантов в процессе судебного разбирательства, с учетом используемых адвокатами стратегических процедур обработки профессионального дискурса, позволила описать особенности композиции защитительных речей. К основным характеристикам текста защитительной речи относятся ее многовекторная диалогизация (одновременная ориентация речи на различных адресатов – суд и сторону обвинения) и интертекстуальность как диалогическое взаимодействие с различными юридическими текстами. Выделяются основные модели ситуаций, предопределяющие структуру и особенности развертывания текста защитительной речи. Установлено, что лингвокогнитивное моделирование защитительной речи осуществляется на основе когнитивных стереотипов правового дискурса и при этом подчиняется индивидуальным прагматическим целям. Полученные результаты могут быть использованы в теории текста, а также для дидактических целей при подготовке молодых специалистов – в преподавании учебных дисциплин «Судебное красноречие» и «Ораторское искусство» на юридических факультетах вузов.

Ключевые слова: лингвистика текста, правовой дискурс, когнитивный стереотип, когнитивная модель ситуации, юридическое клише.

Linguocognitive Modeling of Defensive Speech in Modern Legal Proceedings

E. A. Fedorchenko

Russian Customs Academy

4 Komsomolsky Prospekt, 140015, Lyubertsy, Russia. E-mail: academy@customs-academy.ru

Cognitive structures which determine text unfolding and its interpretation, as well as efficiency of communication in general, can be reconstructed through systematizing and conceptual analysis of language units employed by trial lawyers. This hypothesis has been confirmed by the research dealing with language processes of developing texts of defensive speeches in current Russian proceedings.

The purpose of the article is to characterize the strategies of linguocognitive modeling of defensive speech and their linguistic representations. As research material the author uses the defensive speeches of modern court speakers of the end of the XX and the first quarter of the XXI century. The peculiarities of defensive speech composition have been revealed through the technique of studying interactive communication of trial participants, special attention given to strategic application of professional discourse. The main characteristics of the text of the defense speech are multi-vector dialogization, that is, the simultaneous orientation of speech to two different addressees – the court and the prosecution, and intertextuality as a dialogic interaction with various legal texts. The structure and peculiarities of unfolding of a text of defensive speech are determined by several situation models. It is established that linguocognitive modeling of defensive speech is carried out on

the basis of cognitive stereotypes of legal discourse and at the same time obeys individual pragmatic goals. The results obtained can be used in text theory, as well as in teaching the academic disciplines "Judicial eloquence" and "Oratory" to students and undergraduates of law faculties of universities.

Key words: text linguistics, legal discourse, cognitive stereotype, cognitive model of situation, legal cliché.

Введение

В любой профессиональной сфере, в том числе и в области юриспруденции, речевая деятельность характеризуется интерактивностью в плане ее включения в решение тех или иных практических задач. Процессы порождения речи, направленные на решение таких задач, в значительной степени обусловлены алгоритмами определенных, профессионально значимых действий и сопряженных с ними ментальных конструкторов – когнитивных стереотипов профессионального дискурса, средством репрезентации которых в профессиональном языке являются синтагмы различных уровней сложности и различной степени стандартизованности. Регулярная воспроизводимость таких синтагм, специфика их языковых характеристик (семантическая и структурная вариантность) и особенности функционирования влияют на формирование жанровых форм профессионального дискурса и последующую актуализацию жанра в речевой деятельности – на процессы моделирования текстов отдельных жанровых разновидностей в профессиональной коммуникации.

Целью проведенного научного исследования явилось изучение и описание стратегий лингвокогнитивного моделирования защитительных речей в аспекте их языковой репрезентации, что обусловило необходимость сопоставительного лингвокогнитивного анализа используемых в произведениях данного жанра характерных речевых композиционных форм.

В качестве материала исследования были проанализированы репрезентативный корпус защитительных речей выдающихся современных судебных ораторов, а также опубликованные Федеральной палатой адвокатов в 2023 году реальные (произнесенные в суде) защитительные речи, представленные на Всероссийский конкурс профессионального мастерства среди адвокатов и стажеров адвокатов в честь 100-летия со дня рождения С. Л. Арии.

Методология исследования была направлена на реализацию принципа изучения языковых процессов порождения текста в контексте интерактивного диалога коммуникантов. Использованы описательный метод, методы контекстного, концептуального и когнитивного анализа.

Многовекторность диалогизации текста защитительной речи

К основным характеристикам текста защитительной речи относится ее многовекторная диалогизация. Прежде всего это одновременная ориентация текста защитительной речи на двух различных адресатов – суд и сторону обвинения. И вместе с тем защитительную речь в целом характеризует глубокая юридическая интертекстуальность: выступление адвоката в процессе судебного разбирательства включается во внутреннее диалогическое взаимодействие с различными юридическими текстами, то есть каждое значимое положение имеет обязательную ссылку (ссылки) на текст (тексты) законодательства либо подтверждается правовыми принципами или категориями; контраргументация, предъявляемая в юридическом споре со стороной обвинения, с необходимостью соотносится и с отдельными актами правоприменения (например, *Обвинительное заключение* определяет пределы судебного разбирательства).

Одновременная ориентация текста защитительной речи на различных адресатов – суд и сторону обвинения – требует от судебного оратора погружения в профессиональный дискурс с учетом специфики восприятия этих адресатов, их оценок определенных реалий, формируемых с учетом применения критериев справедливости, адекватности, пропорциональности, соразмерности и необходимости.

Как показало анкетирование судей общей юрисдикции (URL: <http://pravorub.ru>), внимание профессионального суда при восприятии защитительной речи направлено преимущественно на информацию, имеющую существенное значение по вопросам, которые необходимо разрешить в совещательной комнате. В частности, суд проверяет, есть ли у защиты бесспорные опровержения позиции обвинения или самостоятельные доказательства. При этом важным обстоятельством при принятии судом аргументации защитника является доверие к нему. В своих анкетах судьи отметили, что «доверие возникает к адвокату "обязательному", "грамотному" и "опытному", а к речи – "профессиональной", "индивидуальной", "красивой", "лаконичной"» (URL: <http://pravorub.ru>).

При подготовке речи защитник должен предвидеть, что в его выступлении может вызвать раздражение у судей. В плане содержания это банальная предсказуемость речи, бессодержательность, отсутствие аргументации (или ее недостаточность), «работа адвоката на публику», отсутствие оценки защитником доказательств, представленных стороной обвинения. В плане формы это многословие, затянутость во времени, избыточная клишированность и излишняя эмоциональность.

В соответствии с юридической техникой, понимаемой широко как *техника коммуникации в юридической среде* [Александров 2006], основные параметры защитительной речи концептуально предопределяются обвинительной речью. Нередко начало защитительной речи строится на цитировании речи обвинения или свободном изложении ее фабулы. В качестве примера обратимся к началу защитительной речи адвоката Ю. А. Свирина: *А. обвинялась следствием по ст. 199 ч. 2 УК РФ (уклонение от уплаты налогов). «А именно в том, что в 2003 г., являясь участником ООО «МалтиСЭН» и одновременно Генеральным директором и главным бухгалтером совершила уклонение от уплаты*

налогов с организации путем непредоставления налоговой декларации и путем включения в налоговую декларацию заведомо ложных сведений, совершенное в крупном размере, группой лиц по предварительному сговору...» (URL: <http://lawyer.vamhoroshee.ru>). (Кавычками маркирована цитата из обвинительной речи.) Типичным приемом цитирования обвинительной речи является использование конструкции-клише *Материалами дела не доказано, что «...»* (далее в кавычках текстуально повторяется концептуально значимая часть обвинения).

Если в начале защитительной речи не представлен повтор фабулы обвинения, то в таком случае обязательно дается оценка обвинению, предъявляемому в суде. Обычно это жестко заявленная позиция несогласия: *«Ваша честь! Необычность данного уголовного дела, которое стало предметом рассмотрения судом под Вашим председательством, заключается в том, что невиновность моего подзащитного в инкриминируемом ему преступлении, а именно в убийстве, является очевидной»* [Сборник работ Всероссийского конкурса профессионального мастерства среди адвокатов... 2023: 77]; *«В ходе судебного разбирательства установлено, что доказательства, изложенные в обвинительном заключении, своего подтверждения не нашли. Само обвинительное заключение имеет ряд существенных нарушений и недостатков, исключающих возможность постановления судом приговора»* [Сборник работ Всероссийского конкурса профессионального мастерства среди адвокатов... 2023: 70]; *«Уважаемый суд! Уважаемые участники процесса! Закончилось рассмотрение уголовного дела в отношении моего подзащитного. Считаю, что обвинение не нашло своего подтверждения в ходе судебного следствия, исследованные же доказательства свидетельствуют о невиновности моего подзащитного»* [Сборник работ Всероссийского конкурса профессионального мастерства среди адвокатов... 2023: 5]. Таким образом, как бы ни была построена защитительная речь, адвокат так или иначе реагирует на все пункты обвинения (оценивает, выражает свое несогласие частично или полностью и т. д.).

Для эффективного речевого воздействия на суд с целью убедить его принять аргументацию, предлагаемую стороной защиты, необходимо мастерство в использовании арсенала юридической риторики. Например, вопрос адвоката о юридической оценке рассматриваемого в суде преступления может быть сильным контраргументом в споре со стороной обвинения: *«Из предъявленного Быкову обвинения неясно, каким же все-таки образом было совершено преступление: организованной группой или по предварительному сговору группой лиц?»* [Падва, Левина 2003: URL]. В данном случае вопрос о юридической оценке задан не с целью получения однозначного ответа. Его интенция – указание на грубую ошибку, допущенную стороной обвинения. (В одной части текста *Обвинительного заключения* утверждается, что *«преступление совершено организованной группой лиц»*, в другой – что *«преступление совершено по предварительному сговору группой лиц»*.)

Частотно находит применение в речи защитников гипофора (грамматический троп речи, где в переносном смысле используется форма вопросительного предложения: автор задает вопрос и сам на этот вопрос отвечает). При этом необходимо отметить, что гипофора в защитительной речи обычно выполняет не только и не столько собственно риторическую функцию (усиление выразительности речи, ее воздействия на адресата речи), сколько функцию специфического приема развертывания речи, в основе которого заключена определенная схема моделирования текста. Вопросы могут отражать структуру статьи закона, и на основе выделенных таким образом когнитивных доминант (комплексов доминантных смыслов, транслирующих волю законодателя) осуществляется последующее развертывание текста; как следствие, использование гипофоры предопределяет не только особенности композиции защитительной речи, но и ее прагматическую направленность. В качестве примера можно вспомнить широко известную речь адвоката Г. М. Резника по делу журнала «Наш современник»: *«Уважаемые судьи! Для вынесения решения вам необходимо ответить на три вопроса: Распространены ли сведения? Носят ли они порочащий характер? Соответствуют ли они действительности?»* [Резник 1992: URL]. В основе развертывания текста цитируемой речи адвоката Г. М. Резника – формулировка правовой нормы, касающейся распространения сведений, носящих порочащий характер (ст. 128.1 УК РФ).

Использование гипофоры может быть направлено на многоаспектное отражение избранной адвокатом линии защиты. Так, адвокат Е. В. Ивон в судебном разбирательстве по поводу инкриминируемого подзащитному преступления, предусмотренного *«п. "б" ч. 4 статьи 162 УК РФ, то есть разбоя, нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, группой лиц по предварительному сговору, с применением оружия, с незаконным проникновением в жилище, в особо крупном размере»* [Сборник работ Всероссийского конкурса профессионального мастерства среди адвокатов... 2023: 16-17], задает вопросы, которые также становятся доминантами для последующего развертывания текста:

«Вам предстоит разрешить 3 поставленных вопроса в отношении моего подзащитного Д.: 1) имело ли место вменяемое Д. деяние – соучастие в разбойном нападении на Б., из корыстных побуждений с применением оружия /.../; 2) было ли это деяние совершено Д.; 3) виновен ли Д. в совершении данного преступления.

Ваша задача – оценить аргументы, которые были представлены вам сторонами процесса, исходя из своего жизненного опыта.

Я убежден в том, что Д. к разбою никакого отношения не имеет» [Сборник работ Всероссийского конкурса профессионального мастерства среди адвокатов... 2023: 16].

Примеры использования гипофоры также можно обнаружить в речи адвоката С. Л. Арии, которую он произнес в 1966 году по делу Виктора Раскина (признана лучшей судебной речью XX века) [Ария 2010: 94-105].

Таким образом, диалогизация и интертекстуальность как сущностные характеристики процесса порождения речи в судопроизводстве предопределяют эффективность защитительной речи и своеобразие ее композиционной формы.

Стратегии моделирования защитительной речи и их языковая репрезентация

Как известно, «...в юридическом мире, в отличие от реального, учитываются не все, а лишь некоторые поступки и состояния человека, причем оценивают их не по житейским меркам, а в соответствии с той или иной абстрактной моделью поведения, закрепленной в законе» [Губаева 2003: 4]. Именно предусмотренные в законодательстве абстрактные модели поведения субъектов правоотношений, их правомочия, обязанности и ответственность формируют когнитивные стереотипы правового дискурса, на основе которых осуществляется развертывание судебной речи.

В каждом отдельном судебном процессе речь защитника отражает определенную «модель ситуации» и связанные с нею стратегические процедуры отбора и обработки наиболее значимой профессиональной информации. Понятие «модель ситуации» в лингвистике текста рассматривается как основной тип репрезентации знаний носителей языка, их мировоззренческих установок, индивидуального опыта, коммуникативных намерений, чувств и эмоций. В основе ситуационной модели выделяется схема модели, наполняемая конкретной информацией в различных коммуникативных актах [ван Дейк 2000]. В соответствии с собственной интерпретацией модели социальной ситуации, получающей правовую оценку в конкретном судебном процессе, в результате стратегических процедур обработки профессионального дискурса адвокат формирует определенную линию защиты, направленную на достижение конкретной прагматической цели – **оправдание подсудимого** или **смягчение наказания**.

При анализе защитительных речей современных судебных ораторов были выявлены две основные стратегические модели ситуаций, которые в соответствии с прагматической целью защитника условно могут быть названы «*Оправдание подсудимого*» и «*Смягчение наказания*». При этом процессы моделирования защитительной речи могут иметь некоторые функциональные особенности в зависимости от избранного направления защиты и профессионального мастерства адвоката.

Когнитивные структуры, предопределяющие развертывание текста, отражающего *стратегическую модель ситуации «Оправдание подсудимого»*, могут быть объединены в отдельные группы на основе определенной концептуальной общности. Основным языковым средством манифестации таких когнитивных структур выступают разнообразные юридические клише – «многословные стандартизованные языковые единицы номинативного и коммуникативного типа, основными отличительными признаками которых являются стереотипная сочетаемость структурных компонентов и определенные ограничения на свободный порядок слов» [Федорченко 2013: 115]. С позиций когнитивной лингвистики оба указанных отличительных признака юридических клише оказываются проявлением «когнитивной сопряженности» [Кибрик 2008: 51], то есть повышенной связанности семантических / концептуальных / когнитивных элементов, представляющих определенные фрагменты профессиональной языковой картины мира в ее доминирующих связях. Значительная часть таких устойчивых словосочетаний и предложений в защитительной речи предсказуемо относится к *законодательным клише* [Батюшкина 2023], поскольку они заданы текстами нормативных правовых актов. Возможная вариативность структуры и расширение компонентного состава юридических клише, что неоднократно отмечается в современных исследованиях [Батюшкина 2023: 12; Федорченко 2013: 115-116 и др.], могут быть связаны с включением юридических клише в различные мыслительные конструкты и (или) непосредственно обусловлены их адаптацией к различным контекстам. Вместе с тем юридические клише одновременно выступают и в качестве средства ограничения интерпретационного потенциала языка как семиотической системы, что чрезвычайно важно для юридического дискурса.

Особое положение (по силе своего воздействия) занимают юридические клише, представляющие концептуальную структуру «Нарушение основополагающих принципов судопроизводства»:

- придание обратной силы закону о ... (совершении преступления в организованной группе);*
- в связи с истечением срока давности (государство потеряло право на обвинение и на доказывание вины подсудимых);*
- в уголовном процессе возложение на обвиняемых обязанности доказывания своей невиновности и их защиту;*
- повторение одного и того же текста в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемых лиц, игравших различную роль в подготовке, совершении, сокрытии преступления;*
- лицо, ранее допрошенное в качестве свидетеля, не может участвовать в деле в качестве прокурора, следователя;*
- лицо, непосредственно не совершавшее преступление, не может быть признано исполнителем;*
- нарушение права обвиняемого на защиту (делает абсолютно невозможным вынесение судом обвинительного приговора) и др.*

Та же текстообразующая речевая интенция обнаруживается при употреблении юридических клише, являющихся средством манифестации юридической позиции по оспариванию доводов обвинения.

Подсудимого следует оправдать, если

- не установлено событие преступления;
- в деянии нет состава преступления;
- подсудимый не причастен к совершению преступления.

Моделирование защитительной речи, направленной на оправдание подсудимого, может быть ограничено развертыванием одного из трех указанных выше положений, имеющих основополагающую концептуальную значимость. В корпусе изучаемых речей защитников выявлены различные варианты вербальной репрезентации указанных выше положений:

из материалов дела следует, что в настоящее время не добыто достаточных доказательств, подтверждающих вину N в совершении преступления, предусмотренного статьей ... закона ...;

показания, полученные на этих допросах, как полученные с нарушением закона, не могут считаться надлежащими доказательствами;

материалами дела не установлено, что в указанный период состоялось какое бы то ни было событие, свидетельствующее о...;

никаких фактических обстоятельств, подтверждающих это утверждение, в деле не имеется;

все вмененные N и другим обвинения, связанные с деятельностью подсудимых до ... (указание даты), не нашли своего подтверждения в судебном заседании;

отсутствие конкретизации действий обвиняемых свидетельствует о незаконности обвинения, что лишает суд возможности признать N и других виновными в каком-либо преступлении;

отсутствие состава преступления в действиях N...;

попытка искусственно подменить составы преступлений и обвинить N в преступлении, состав которого не был предусмотрен законом, действовавшим в момент совершения преступления...;

нет данных и о преступной деятельности N... и др.

Стратегическая модель ситуации «Смягчение наказания» характеризуется следующим: у адвоката и его подзащитного нет возражений по поводу доказанности обвинения, но вместе с тем в защитительной речи ставится одна из следующих целей:

– оспорить отягчающие наказание обстоятельства и потому просить суд исключить из обвинения отягчающие наказание обстоятельства;

– обосновать нецелесообразность назначения дополнительных наказаний;

– оспорить отдельные утверждения обвинения, касающиеся подзащитного.

Разновидностью данной стратегической модели ситуации является ситуация «Изменение квалификации содеянного». Данная ситуация характеризуется следующим: подсудимый признает событие преступления и свое участие в нем, но содеянное, по мнению защиты:

– неправильно квалифицировано по статье Уголовного кодекса Российской Федерации с более строгой санкцией;

– из обвинения следует исключить отдельные квалифицирующие обстоятельства;

– содеянное подпадает под вновь введенную (или измененную) норму Уголовного кодекса Российской Федерации, санкция которой более мягкая, чем у прежней [Федорченко 2015].

Разрабатываемая или избираемая адвокатом стратегическая модель ситуации должна коррелировать с выражаемой в его защитительной речи юридической позицией. Отсутствие у защитника внятной юридической позиции предопределяет неэффективность его профессиональной деятельности. Анализ таких примеров из судебной практики весьма полезен на занятиях по юридической риторике с обучающимися на юридических факультетах вузов, но в тексте научной статьи подобные примеры могут определенным образом нарушать этические принципы научного исследования, поэтому ограничимся цитированием только одного текста, представленного его автором на своем сайте в сети Интернет в качестве образца защитительной речи (демонстрирующей, к тому же, неуважение судебного оратора к нормам русского литературного языка):

«Исходя из всего вышесказанного и учитывая все смягчающие обстоятельства, ст. 14 УПК РФ, ст. 49 Конституции, а также руководствуясь ст. 64, 73 УК РФ

ПРОШУ:

1. прекратить производство по уголовному делу в отношении моего доверителя в виду отсутствия в его действиях состава преступления

2. в случае, если позиция защиты в части прекращения производства по делу не будет взята за основу и суд будет выносить обвинительный приговор при назначении наказания не применять меру, связанную с лишением свободы в отношении моего доверителя путем применения ст. 64, 73 УК РФ и учитывать принцип справедливости и избирая максимально мягкое наказание, какое возможно в данном деле» (URL: <http://katsaylidi.ru>).

И какова же здесь юридическая позиция защитника? Если предположить, что адвокат действительно доказал, что в действиях доверителя отсутствует состав преступления, то последний абзац «убивает» всю речь. Один из постулатов риторики гласит: невозможно убедить кого-то в чем-то, если не убежден в этом сам.

Защитительная речь, как и любой юридический текст, функционирует по своим правилам. Однако достаточно очевидным является тот факт, что привлекаемые судебным оратором языковые средства позволяют в той или иной форме реконструировать когнитивные структуры, предопределяющие смысловое развертывание текста, его интерпретацию, и прогнозировать эффективность коммуникации в целом.

Заключение

Таким образом, лингвокогнитивное моделирование защитительной речи осуществляется на основе когнитивных стереотипов правового дискурса и при этом подчиняется индивидуальным прагматическим целям. Интерпретация защитником реальной социальной ситуации в контексте юридических категорий предопределяет формирование юридической позиции защитника и ментально конструируемой им стратегической модели ситуации, получающей воплощение при разработке защитительной речи. С учетом высокой степени стандартизованности юридического языка перспективной задачей для юрислингвистики является системное описание средств языковой репрезентации типичных (стереотипных) когнитивных структур, обуславливающих процессы порождения речи в судебной практике.

Как показало проведенное исследование, концептуально значимую часть таких языковых средств составляют клише нормативных правовых актов, являющиеся маркерами когнитивных стереотипов профессионального дискурса.

Литература

- Александров А. С. Юридическая техника – Судебная лингвистика – Грамматика права. / Уголовное судопроизводство. – 2006. – №3. – С. 4-7.
- Ария С. Л. Жизнь адвоката. Издание 3-е, дополненное и исправленное. М., 2010.
- Батюшкина М. В. Законодательные клише: специфика, виды и функции / Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 7-14.
- Губаева Т. В. Язык и право. М., 2003.
- Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000.
- Кибрик А. Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры / Вопросы языкознания. – 2008. – № 4. – С. 51-77.
- Речь адвоката Г. М. Резника по делу журнала «Наш современник». URL: <http://www/rusexpert.ru/>public/news/30/11/2017-2pdf>
- Сборник работ Всероссийского конкурса профессионального мастерства среди адвокатов и стажеров адвокатов в честь 100-летия со дня рождения С. Л. Арии. М., 2023.
- Слово Генриха Падвы и Елены Левиной в защиту подсудимого Анатолия Быкова. 2003. URL: <http://regnum.ru>
- Федорченко Е. А. Лингвокогнитивные аспекты моделирования текста в сфере современного судопроизводства (на материале речей российских адвокатов) / Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. – М.; Северодвинск, 2015. – С. 50-56.
- Федорченко Е. А. Языковые клише в юридическом тексте как особый вид манифестаций когнитивных структур / Проблемы концептуализации действительности и моделирование языковой картины мира. – Вып.6. – М.; Архангельск, 2013. – С. 113-117.

References

- Alexandrov, A. S. (2006). Legal technique – Judicial linguistics – Grammar of law. Criminal proceedings, 3, 4-7 (in Russian).
- Aria, S. L. (2010). Life of a lawyer. 3rd edition, expanded and corrected. Moscow (in Russian).
- Batyushkina, M. V. (2023). Legislative Clichés: Specifics, Types and Functions. Legal Linguistics, 27, 7-14 (in Russian).
- Collection of works of the All-Russian competition of professional skills among lawyers and interns of lawyers in honor of the 100th anniversary of the birth of S.L . Aria. (2023). Moscow (in Russian).
- Dijk, T. A. van (2000). Language, Cognition, Communication (in Russian).
- Fedorchenko, E. A. (2013). Linguistic cliches in a legal text as a special kind of manifestations of cognitive structures. Problems of conceptualization of reality and modeling of the linguistic picture of the world, 6, 113-117 (in Russian).
- Fedorchenko, E. A. (2015). Linguocognitive aspects of text modeling in the field of modern legal proceedings (based on the material of speeches by Russian lawyers). Problems of conceptualization of reality and modeling of the linguistic picture of the world, 7, 50-56 (in Russian).
- Gubaeva, T. V. (2003). Language and law (in Russian).
- Kibrik, A. E. (2008). Linguistic reconstruction of cognitive structure . Voprosy Jazykoznanija, 4, 51-77 (in Russian).
- The speech of Henry Padva and Elena Levina in defense of the defendant Anatoly Bykov (2003). (in Russian). Available from: <http://regnum.ru>
- The speech of the lawyer G.M. Reznik on the case of the magazine "Nash sovremennik" (1992). (in Russian). Available from: <http://www/rusexpert.ru/>public/news/30/11/2017-2pdf>

Citation:

Федорченко Е. А. О лингвокогнитивном моделировании защитительной речи в современном судопроизводстве // Юрислингвистика. – 2024. – 31. – С. 57-62.

Fedorchenko E. A. (2024) Linguocognitive Modeling of Defensive Speech in Modern Legal Proceedings. Legal Linguistics, 31, 57-62.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Небезопасная тематика в аспекте актуального законодательства в области ЛГБТ-пропаганды

И. Ю. Онкина

ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
ул. Мира, 19, 620002, Екатеринбург, Россия. E-mail: onkina.ira2@gmail.com

В статье рассматривается вопрос обращения к небезопасной тематике в контексте современных законов о пропаганде ЛГБТ. Исследование посвящено выявлению характеристик текста, не противоречащего различным представлениям о лингвистической безопасности. В ходе изучения производится анализ актуального законодательства в данной области, на основании которого также формулируются методические рекомендации для авторов. Особое внимание уделяется определению критериев безопасности текста для всех участников медиакommunikации, а также уточнению отдельных аспектов в соответствии с существующими нормативными правовыми актами (НПА). Лингвистическая безопасность рассматривается как состояние стремления конфликтогенности текста к нулю при минимизации причинения вреда его автору, предмету речи и реципиенту. Правовые нормы в статье исследуются в контексте общих тенденций современного законодательства, посвященного сохранению традиционных семейных ценностей. При составлении методических рекомендаций также учитываются результаты сопоставительного анализа текста новых статей Кодекса об административных правонарушениях (КоАП РФ) с предыдущими их версиями. Посредством подробного разбора текстов статей 6.21 и 6.21.2 Кодекса производится реконструкция системы понятий обозначенных статей закона, что также используется в дальнейшем при определении маркеров высказываний, угрожающих безопасности участников коммуникации. С учетом таких характеристик, как предмет речи и цель анализируемого высказывания, автор рассматривает указанные статьи КоАП как призванные оградить читателя от небезопасного контента, направленного на искажение представлений о предмете речи. Отдельно рассматривается соотношение понятий «пропаганда» и «информирование», выделяются их основные маркеры и различия. На основании всех изложенных аспектов в заключении автор формулирует критерии небезопасного контента в области ЛГБТ-пропаганды и представляет результаты своего исследования в формате рекомендаций.

Ключевые слова: лингвистическая безопасность, методические рекомендации по созданию медиаконтента, чувствительная тематика, ЛГБТ-пропаганда.

Sensitive Topics Related to LGBT Propaganda in Respect of Current Legislation

I. Yu. Onkina

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin»
19 Mira street, 620002 Ekaterinburg, Russia. E-mail: onkina.ira2@gmail.com

The article examines the issue of discussing sensitive topics in the context of modern laws on LGBT propaganda. The study discusses identifying the characteristics of a text that does not contradict various ideas about linguistic security. During the study, an analysis of current legislation in this field is carried out, on the basis of which methodological recommendations for authors are also developed. Particular attention is paid to defining text security criteria for all participants in media communication, as well as clarifying certain aspects in accordance with existing regulations. The legal norms are studied in the article in the context of general trends in modern legislation dedicated to the preservation of traditional family values. When drawing up methodological recommendations, the results of a comparative analysis of the text of new articles of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation with their previous versions are also taken into account. Through a detailed analysis of the texts of Articles 6.21 and 6.21.2 of the Code, the system of concepts of the designated articles of the law is reconstructed, which is further used when identifying markers of statements that threaten the safety of participants in

communication. Based on all the aspects above, in the conclusion the author states criteria for sensitive content in the field of LGBT propaganda and presents the results of the research in the form of recommendations.

Key words: linguistic security, methodological recommendations on creating media content, sensitive topics, LGBT propaganda.

Развитие медиасреды для коммуникации порождает необходимость в урегулировании межличностных взаимодействий пользователей в сети, а также их взаимодействия с информацией и данными, в результате чего образуются новые формы безопасности и способы ее осуществления. Медиабезопасность предполагает различные аспекты взаимодействия с информацией: защиту данных, защиту от небезопасного контента, защиту личности и общества от распространения деструктивной информации и утечки персональных данных.

С точки зрения лингвистики текст считается безопасным тогда, когда не несет угрозы автору, предмету речи и реципиенту. В случае, если хотя бы одно из условий не соблюдается, текст становится лингвоконфликтотенным и может быть оценен как sensitive content – чувствительный контент. Как правило, к чувствительному контенту относят:

- ненормативную лексику;
- оскорбления;
- геополитику;
- темы интимного характера;
- оружие, насилие и войны;
- расу, меньшинства и гендер;
- религию, веру и духовность [Tripathi 2019: 374].

Безопасность текста как постоянное его свойство невозможно без установления конкретных правил его порождения. В качестве таковых могут выступать правила и нормы русского (или другого) языка, а также коммуникативно-стилистические правила, позволяющие учитывать особенности коммуникативной ситуации. Однако помимо формальной грамотности и уместности важно обеспечивать также способность текста противостоять неверному истолкованию его первоначального смысла и обеспечить безопасность воспринимающей стороны от возможного пагубного воздействия, для чего устанавливаются допустимые значения концентрации «вредных» языковых единиц, способных влиять на психическое состояние и здоровье человека [Трофимова 2012: 27].

Важным критерием лингвистической безопасности также является отсутствие риска для автора текста – отсутствие в нем формальных характеристик и элементов, которые могут быть расценены как противоправные деяния, для чего необходимо корректное истолкование нормативных правовых актов (НПА), посвященных преступлениям и правонарушениям, которые могут быть реализованы посредством создания контента, в том числе в медиасреде в текстовом формате.

В рассматриваемом случае большое значение для безопасности автора текста имеет аспект законности деяний, получивших текстовое выражение, а потому необходимо учитывать особенности юридической терминосистемы, наиболее важная из которых – ее юридическая сила [Мартынова 2015: 163]. Юридические тексты буквально создают правовую реальность, основываясь на потребностях социума, они являются в то же время носителями базовых понятий, критериев оценки правомерности тех или иных актов, механизмов реализации права [Земляная 2010: 26]. Через НПА реализуется формирование правовых представлений, которые необходимо интерпретировать [Дубровская 2010: 23].

Юридический текст не только снабжает читателя информацией об обществе, в котором он используется, и правилах, принятых в нем, но и является важным механизмом формирования юридической терминосистемы [Мартынова 2014: 68]. В правовой сфере отчетливо прослеживается возможность определения сущности явлений правовой действительности только через понятия, которыми оперирует специалист. При этом правотворчество предполагает сначала возникновение понятия, какого-либо социального явления, и только в ответ на него возникновение термина [Урматова 2017: 104].

Негативное воздействие на предмет речи и реципиента может осуществляться как напрямую – проявлением вербальной или речевой агрессии, так и косвенно – посредством пагубного и/или деструктивного влияния на его ментальное состояние. Чувствительный контент также необходимо особым образом контролировать в социальных сетях – распознавание небезопасной тематики во взаимодействии пользователей может в значительной мере способствовать решению проблем, связанных с разжиганием ненависти и дискриминацией [Isidoros, 2023: 5].

Наличие в высказываниях рисков и угроз безопасности автора, читателей или предмета речи повышает уровень его конфликтотенности. Однако уровень потенциальной опасности для каждого из участников такого обмена информацией варьируется. Потенциальное влияние на автора текста тесно связано с рисками для воспринимающей и для описываемой стороны, тем не менее, наиболее репрезентативным является правовое урегулирование в сфере продуцирования текстов и высказываний. Если содержимое текста не содержит в себе маркеров таких высказываний, которые могут быть квалифицированы как правонарушения, риски для его создателя не устраняются совсем, а принимают иную форму.

Среди возможных форм негативного влияния на автора можно выделить:

- юридическую ответственность (уголовная, административная, гражданско-правовая и т. д.);
- социальную ответственность (общественное порицание, нарушение коммуникативных связей, негативное влияние на репутацию и т. д.).

Из определений юридической ответственности следует, что неотъемлемым ее компонентом являются какого-либо рода лишения, которые обязуется испытать человек, совершивший противоправное деяние. Важным также является то, что юридическая ответственность обладает рядом принципов, среди которых – законность, гуманность, обоснованность и справедливость. Эти принципы призваны выступать гарантом соответствия правонарушения объему возможных лишений. Социальные же проявления ответственности систематизированы в меньшей мере, а потому могут приобретать непредсказуемые формы.

Юридическое обеспечение медиabezопасности можно свести к двум направлениям – защите от неблагоприятной информации и обеспечению правового статуса личности. При этом обе эти формы так или иначе связаны с ограничениями, призванными очертить границы благополучия человека и общества, не допустив нарушение основного принципа – права одного человека заканчиваются там, где начинаются права другого.

Наиболее широко представленным в законе является тип небезопасного контента, направленный на искажение представлений о предмете речи. Необходимо отметить, что искажение также может быть осуществлено разными способами, а цель может варьироваться, например, в зависимости от того, о ком или чем говорится в тексте. Например, если образ изначально предполагается положительным, то противоправным квалифицируется приведение его к отрицательному, и наоборот. Искажение также может основываться на истинности сведений, тогда на первое место выступает противопоставление «истина-ложь», относительно действительности, подкрепленной общепринятыми и достоверно известными фактами.

Многообразие предполагаемых способов достижения данной коммуникативной цели противоправных высказываний, с одной стороны, позволяет наиболее широко и ярко представить все возможные варианты реализации таких текстов, с другой – в значительной мере осложняет определение маркеров наличия угрозы в том или ином высказывании. Поэтому рассмотрим данный вопрос на примере отдельного типа небезопасного контента – медиатекстов, посвященных характеристике группы лиц и создаваемых с целью формирования определенного образа предмета речи – нетрадиционных отношений, регулируемого ст. 6.21 и 6.21.2 Кодекса об административных правонарушениях (КоАП РФ).

В настоящее время большое значение для государства приобретает стратегия поддержки семьи, материнства и детства, которая обосновывается необходимостью увеличения демографического роста в стране. В прошлые десятилетия было принято множество законов, направленных на защиту прав родителей и детей, предоставление социальной поддержки молодым семьям, а также определение статуса семьи в законодательстве. В связи с этим понятие традиционных ценностей широко используется законодателями. В рамках существующего правового представления о традиционных ценностях предлагается следующее определение – *«это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»* [указ Президента РФ № 809, п. 1, пп. 4].

В противопоставление традиционным ценностям в рамках законодательства РФ выступают ЛГБТ-отношения, которые приобретают особую проблематику и актуальность в контексте увеличения количества информации о данном явлении с одной стороны и принятием новых поправок в законодательство – с другой.

Определим точнее круг нормативных актов РФ, связанных с ЛГБТ-пропагандой. В первую очередь – это статьи кодекса об административных правонарушениях 6.21 и 6.21.2, получившие в последней редакции названия *«Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола»* и *«Распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол»* соответственно.

Косвенно связанными с данной тематикой можно также назвать статьи УК РФ, по которым также могут быть возбуждены дела, параллельно с применением обозначенных ранее статей административного права, – это статьи 242.1. *«Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних»* и иные, связанные с половой неприкосновенностью и урегулированием распространения информации, в частности – о несовершеннолетних, а также ст. 280 *«Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»*, применение которой мотивируется возможным наличием в высказываниях пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности какой-либо группы лиц.

Кроме того, существуют отдельные федеральные законы (ФЗ), связанные с данной тематической областью: 124-ФЗ *«Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»* (ст. 14), 436-ФЗ *«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»*, а также отдельные статьи законов, посвященных различным способам распространения информации – 149-ФЗ *«Об информации, информационных технологиях и о защите информации»*, Закон № 2124-I *«О средствах массовой информации»*, 126-ФЗ *«О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации»*, 38-ФЗ *«О рекламе»*.

Статьи 6.21 и 6.21.2 КоАП РФ посвящены пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений среди лиц разных возрастных категорий. Основу понятийного аппарата статей составляют: *пропаганда, нетрадиционные сексуальные отношения и предпочтения, смена пола, искаженное представление, социальная равноценность, навязывание,*

несовершеннолетние, распространение информации, демонстрация, формирование привлекательности. В соответствии с используемыми законодателем формулировками, противоречащее закону высказывание, рассматриваемое в рамках данных статей, в качестве предмета речи представляет близкие отношения между

людьми, отличающиеся от традиционных, и реализуется с целью создания и распространения в обществе привлекательного образа таких отношений.

На основе подобного анализа 23 текстов статей Кодексов, так или иначе связанных с лингвистической безопасностью, можно также сделать выводы о том, что публичные действия, распространение и пропаганда в таких НПА являются наиболее частотными понятиями.

При обсуждении урегулирования данного явления на законодательном уровне важно учитывать, что предметом речи потенциально опасных с точки зрения права текстов являются не сами представители ЛГБТ-сообщества, не отдельные люди, причисляющие себя к данной группе лиц, а определенные близкие отношения между людьми одного пола, а также осуществление трансгендерного перехода, что часто подчеркивается в пояснениях к НПА. Более того, в тексте статьи 6.21 КоАП РФ говорится о конкретных формах освещения данной тематики – воздействие, навязывание, пропаганда, распространение и демонстрация информации, формирование положительного образа.

Важно также акцентировать внимание на области права, в которой действуют данные статьи. Административная статья 6.21 не связана с уголовным кодексом – он не предусматривает за данное правонарушение наказание ни в частных случаях, ни в случае повторного деяния. Несмотря на это, в обыденном представлении размывается граница уголовного и административного права – в высказываниях о данном законе часто фигурируют лексемы, связанные с уголовными наказаниями, такие как, например, отсылки к тюремному заключению, не предполагающемуся в рамках административного права – *«меня посадят», «я за такое сяду в тюрьму», «давно пора было их сажать»* и т. д. При этом санкции за совершение данного правонарушения предполагают лишь штрафы и административное выдворение для иностранных граждан.

Статья об ЛГБТ-пропаганде существует в российском законодательстве с 2013 года, однако действие его было более ограниченным до принятия в декабре 2022 года поправок 479-ФЗ. До вступления в силу данного закона все ограничения касались только несовершеннолетних и все возможные затруднения, связанные с созданием контента на данную тематику, снимались специальными правилами распространения информации, признанной опасной для несовершеннолетних: продажа книг и журналов в пленке, возрастные ограничения, ограничения доступа, запреты на демонстрацию в общественных местах, на обложках, в дневное время и т. д. (ст. 11, 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»). В актуальной редакции данные правила распространяются на демонстрацию изображений и символики среди несовершеннолетних, а варианты противоправного взаимодействия со смысловым содержанием такого контента значительно расширяются за счет изменений в статьях КоАП РФ и ряда ФЗ.

В частности, из названия статьи 6.21 КоАП устраняется уточнение о несовершеннолетних, формулировки *«нетрадиционные сексуальные отношения»* дополняются – *«нетрадиционные сексуальные отношения и предпочтения либо смена пола»*, к способам достижения цели высказывания добавляются, помимо пропаганды и распространения информации, *«совершение публичных действий»*. Действиям в отношении несовершеннолетних отводится отдельный пункт, отличающийся от основного в части санкции. Дополнительно вводится статья 6.21.2, посвященная исключительно воздействию на несовершеннолетних, выражающемуся в распространении информации, демонстрации и описании нетрадиционных отношений, а также информации, *«способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол»*.

Поправки также касаются ряда ФЗ, регулирующих распространение различного рода контента (об информации, о СМИ, о выдаче прокатного удостоверения, о рекламе): здесь формулировка о запрете распространения и демонстрации *«материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, и материалов, содержащих нецензурную брань»* дополняется фразой *«а также материалов, пропагандирующих нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения»* (149-ФЗ, Закон № 2124-1, 126-ФЗ, 38-ФЗ). Статьи 436-ФЗ (о защите детей от опасной информации) пополняются новыми видами информации, запрещенной для распространения среди детей (о нетрадиционных отношениях и трансгендерном переходе), а также требованиями к распространению такой информации – обязательное подтверждение возраста для любой формы распространения данных, в том числе онлайн (436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»).

Данные изменения в некоторой части соблюдались и ранее – так, например, медиа, издатели и прокатчики, предпочитая не отказываться от части несовершеннолетней аудитории, вынуждены были цензурировать распространяемый контент. Однако с момента вступления нового закона в силу осложняется распространение любой информации, касающейся тематики ЛГБТ, ввиду сложности и отсутствия конкретики формулировок действующих статей Кодекса.

Данные нововведения еще недостаточно оформлены в части правоприменения, однако уже можно наблюдать реакцию издательств, магазинов и онлайн-сервисов, заключающуюся в практически тотальном цензурировании – изъятии любого контента, содержащего ЛГБТ-тематику из открытого доступа. Есть также информация о том, что многие книги и фильмы отправлены на экспертизу, и в целом наблюдается тенденция к индивидуализации рассмотрения таких случаев, а не унификации и приведению критериев к единой системе. Такой подход представляется очень затратным, и для некоторых организаций полный отказ от упоминания в тексте ЛГБТ является более безопасным и выгодным решением. Известен также случай единичного перформанса с «открытой» цензурой фрагментов – закрасиванием черным цветом строк, которые могли бы попасть под запреты, еще до принятия и вступления в силу последних поправок.

На момент написания работы проект официальных критериев Роскомнадзора находится на этапе рассмотрения. Тем не менее, в опубликованном документе относительно ЛГБТ-пропаганды в медиаконтенте перечислены те же

параметры, что и в статье Кодекса, без значительных пояснений и уточнений [Проект «Критерии оценки материалов...», п. 7 – 7.8].

Ввиду ограниченного количества официальной информации о допустимости тех или иных компонентов текста в рамках нового закона, для определения маркеров неприемлемого с точки зрения контента, определим формы реализации такой информации, предлагаемые непосредственно в НПА, для чего подробнее разберем тексты статей.

Статья 6.21 КоАП РФ посвящена способам реализации информации о нетрадиционных сексуальных отношениях. Текст данной статьи разбит на пункты – части, отличающиеся, в основном, санкционным компонентом, которые имеют отсылки друг к другу и смежным статьям Кодекса. Большинство из них отсылает именно к первой части, что позволяет сделать вывод о том, что данный пункт содержит в себе диспозицию нормы, т. е. наиболее полное представление о сути явлений, понимаемых как правонарушения в обозначенной тематической области, остальные лишь дополняют гипотезу – условия, при которых должна наступить та или иная санкция. Рассмотрим синтаксическую структуру первого пункта статьи. Данный фрагмент текста представляет собой одно сложное предложение с подчинительной связью, где главная клауза осложнена многочисленными причастными оборотами, уточняющими подлежащее и характеризующими друг друга. Сделаем акцент на именной группе, ведь именно в ней излагается диспозиция закона, глагольная группа содержит исключительно санкцию – *«влечет наложение административного штрафа...»*. Подлежащее выражено однородными существительными «пропаганда» и «навязывание», которые характеризуются распространенными причастными оборотами: *«[пропаганда], выразившаяся в распространении и совершении действий»*, *«[действий], направленных на формирование установок, привлекательности или представления»* и *«[информации], вызывающей интерес»*. В предложении также неоднократно повторяется группа *«нетрадиционные сексуальные отношения и предпочтения или смена пола»* в различных вариантах склонения существительных. Синтаксические роли, выполняемые основными понятиями в тексте закона, позволяют определить смысловые зависимости, существующие между ними в данном контексте.

Так, *«распространение информации»* и *«совершение публичных действий»* выступают характеристиками подлежащего «пропаганда», а значит, являются уточняющими единицами, дополнительно определяющими возможные формы ее проявления. Публичные действия, в свою очередь, определяются направлением на формирование трех возможных вариантов, выраженных в виде однородных дополнений – *«установки»*, *«привлекательность»* и *«представления»*. Для подлежащего «навязывание» развернутую характеристику получает дополнение «информация», а именно уточняется, что она должна быть охарактеризована как *«вызывающая интерес»* к предмету речи. Произведенный анализ предложения позволяет сделать выводы о смысловом наполнении данного текста.

Неправомерными актами в контексте данной статьи считаются пропаганда и навязывание.

Пропаганда – способ манипулирования общественным сознанием, предполагающий распространение и объяснение некоторой идеи или мировоззренческой системы, в том числе не исключающей искажений и заведомо ложной интерпретации сведений, реализуемый с целью формирования определенного общественного мнения.

Пропаганда нетрадиционных отношений может, согласно закону, выражаться в:

- распространении (*передаче неопределенному кругу лиц*) информации;
- совершении некоторых публичных (*адресованных и доступных какой-либо группе лиц*) действий.

Проявления такой пропаганды могут быть направлены на формирование:

- нетрадиционных установок (ознакомление объекта с моделью социального поведения, допускающей представления о близких любовных отношениях, не входящие в концепцию традиционных ценностей, сопровождаемое ее одобрением и позитивным подкреплением, с целью закрепления в сознании некоторых представлений или изменения отношения к какой-либо системе норм);
- привлекательности (создание такого образа, который обладает способностью вызывать к себе интерес) нетрадиционных отношений и смены пола;
- искаженного представления о социальной равноценности (состоянии подobia по качеству концептуального значения социальных явлений, допускающем их сравнение и сопоставление) традиционных и нетрадиционных отношений.

Еще одним вариантом нарушения нормы является навязывание (один из способов реализации воздействия, характеризующийся принуждением, навязчивым, назойливым продвижением чего-либо) информации о нетрадиционных отношениях и смене пола. Данный аспект предполагает какое-либо количественное измерение информации, характеризующееся как переходящее черту простого информирования, однако действующие НПА не предоставляют таких данных.

В методическом письме, разработанном российским федеральным центром судебной экспертизы при Министерстве Юстиции Российской Федерации, также сформулированы идентичные критерии пропаганды, при этом уточняется, что допустимым остается упоминание факта гомосексуальности и даже положительная оценка личностных качеств таких людей, не связанных с сексуальными предпочтениями (Методическое письмо «О применении специальных психологических и лингвистических знаний при исследовании информационных материалов по делам о правонарушениях и преступлениях против общественной нравственности»).

Важно отметить, что пропаганда является одним из основных понятий статьи 6.21, однако его уточнение не предлагается, как, например, в статье 205.2 (о террористической деятельности). При этом существует проблема соотнесения понятий «пропаганда» и «информирование». Сопоставим определения, предлагаемые в словарях.

Информировать – значит «предоставлять информацию» [Ефремова URL], «снабжать сведениями» [Толковый словарь русского языка URL], «давать информацию» [Ожегов URL].

Пропаганда имеет схожие определения: «распространение идей, учений, путем углубленного изучения» [Толковый словарь русского языка URL], «распространение и разъяснение воззрений» [Ожегов URL].

Однако различия двух терминов достаточно весомы: информирование не содержит компонентов манипулирования, агитации, призыва, смещает акцент на изложение фактов, в то время как пропаганда мыслится как нечто осознанное, методически обоснованное, она также ориентирована на идеи, учения, воззрения, то есть имеет смысловой компонент, связанный с мировоззренческими установками. Более того, например, психологический справочник определяет пропаганду как способ манипулирования [Кордуэлл 2000]. Так, пропаганда представляется как некий способ информирования именно об идеологических явлениях, тесно связанных с образом мышления, системой взглядов и ценностей, имеющейся у человека, и подразумевает элемент воздействия на человека, возможно, даже агитации. В то время как информировать можно о чем угодно, не обязательно преследуя цель изменить картину мира реципиента – допускается, например, исключительно ее дополнение и расширение. При этом текст статьи включает в проявления пропаганды именно «распространение информации», т. е. информирование, не уточняя его характеристик.

Статья 6.21.2 посвящена взаимодействию несовершеннолетних с информацией о нетрадиционных отношениях. Текст данной статьи также разделен на фрагменты, преимущественно содержащие отсылки к первой части – пункту, содержащему основные компоненты закона: диспозицию и санкцию. Данный фрагмент, как и рассмотренный ранее, представляет собой сложноподчиненное предложение с распространенной главной клаузой, осложненной в именной части причастными оборотами. Подлежащее выражено отглагольным существительным «распространение» и характеризуется обстоятельством «среди несовершеннолетних» и дополнением «информации», в качестве определений к которому выступают причастные обороты: «демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и предпочтения, описание, изображение нетрадиционных отношений...» и «способной вызвать желание сменить пол».

При этом статья более узконаправленна и запрещает распространение такой информации, которая:

- демонстрирует (публично открыто изображает) нетрадиционные отношения;
- включает в себя описания и изображения нетрадиционных отношений;
- способна вызывать желание (осуществляется положительное подкрепление деятельности, направленной на осуществление чего-либо) сменить пол.

Важным уточнением является то, что данные действия запрещены только среди несовершеннолетних, что допускает распространение и публикацию такого контента, но с соблюдением особых правил, предлагаемых законом: закрытый доступ, возрастные ограничения, продажа под пленкой и т. д. Возможно также, что при отсутствии компонента формирования положительного образа, потенциально опасный текст из 6.21 может переходить под действие статьи 6.21.2 и рассматриваться как демонстрация.

Учитывая цель законодательства в данной области, выраженную в недопущении и ограничении информационного воздействия на человека в рамках обозначенной тематики, а также ключевые понятия, используемые в тексте закона, можно следующим образом интерпретировать суть существующего законодательства об ЛГБТ-пропаганде – необходимо исключить возможные формы активного влияния на сознание человека, искажающие его представления о семейных и любовных отношениях, отличающихся от представлений, сформированных нравственными ориентирами, отраженными в уникальности исторического и культурного развития многонационального народа РФ.

Все описываемые деяния и акты, в том числе реализуемые через создание текстов и медиаконтента, можно охарактеризовать как способы воздействия – влияния активного характера на объект со стороны какого-либо субъекта, которое может выражаться как явно, открыто, так и скрыто, имплицитно, и осуществляться с целью инициации определенных изменений объекта. Изменениям при реализации контента, направленного на искажение представлений в данной тематике, подвергаются ментальные образы, связанные с традиционными ценностями, нашедшими отражение в культуре и общественных нормах.

Существует несколько возможных способов формирования в речи и тексте положительного или отрицательного образа некоторого объекта, реализуемых на различных языковых уровнях:

- использование лексем с ярко выраженной положительной окраской;
- использование синтаксических конструкций сравнения одного объекта с другим, обладающим уже сформированным положительным ментальным образом;
- помещение объекта в положительный контекст.

В целом все обозначенные приемы так или иначе связаны с сопоставлением, привязкой предмета речи к чему-то мыслящемуся как изначально положительное. Об этом же говорится и в исследуемой статье – недопустимо формирование представлений о «социальной равноценности» традиционных и нетрадиционных отношений. При этом именно в данном контексте упоминается «формирование искаженного представления», т. е. закон не одобряет негативное изменение ментального образа посредством неоднократного упоминания информации, облаченной в ассоциативно привлекательную форму – «вызывающей интерес».

Результаты исследования

Учитывая все полученные в ходе исследования данные, можно сделать выводы о том, что маркерами небезопасного контента в ЛГБТ-тематике являются все возможные способы создания привлекательного образа

нетрадиционных отношений и смены пола, среди которых, в частности:

- частое, многократное упоминание предмета речи в положительном контексте;
- использование сравнительных конструкций, приравнивающих предмет речи к традиционным отношениям или превозносящих его над ними («Х такие же, как и Y», «Х лучше Y» и др.);
- призывы к участию в ЛГБТ-отношениях, мероприятиях, связанных с однополыми отношениями;
- сопровождение текста изображениями и (или) видеоматериалами, демонстрирующими нетрадиционные отношения.

Все полученные данные были оформлены в виде методических рекомендаций по созданию безопасного медиаконтента в рамках данной тематики (см. Таблица 1) и в составе базы данных «Методические рекомендации по созданию безопасного медиаконтента» были зарегистрированы как результат интеллектуальной деятельности – свидетельство № 2023620819. Нормативное закрепление требований к контенту позволило определить допустимость и недопустимость отдельных смысловых компонентов и синтаксических конструкций, что легло в основу структуры создаваемого методического материала – выделение двух столбцов с описанием желательных и нежелательных моделей, сопровождаемых иллюстративным материалом.

Таким образом, на основании текстов НПА, посвященных, в частности, ЛГБТ-пропаганде, для высказываний, потенциально опасных для автора и читателя, относящихся по целевой направленности к типу контента, призванного вмешаться в систему ментальных образов реципиента, т. е. исказить его представления о предмете речи на основании положительности или отрицательности транслируемого образа, можно определить ряд маркеров – языковых характеристик, преимущественно связанных со способами выражения отношения к предмету речи, подкрепляющими создаваемый автором текста образ. В контексте данной тематики приемлемыми остаются высказывания, излагающие нейтральную информацию, что допускает, например, освещение событий, связанных с ЛГБТ, или иное упоминание их в тексте как факт, не позволяющий составить такой образ явления, который можно было бы охарактеризовать как положительный или отрицательный. Тем не менее, для полноценной характеристики не хватает количественных данных, предполагаемых определениями понятий, используемых в тексте закона, таких как, например, пропаганда и навязывание.

Литература

- Isidoros P., Loizos. M. Sensitive Content Recognition in Social Interaction Messages. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/371970183_Sensitive_Content_Recognition_in_Social_Interaction_Messages
- Tripathi R., Dhamodharaswamy B., Jagannathan S., Nandi A. Detecting Sensitive Content in Spoken Language. IEEE International Conference on Data Science and Advanced Analytics (DSAA). 2019. URL: <https://doi.org/10.1109/DSAA.2019.00052>
- Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М., 2010.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: <https://www.efremova.info/>
- Земляная Т. Б., Павлычева О. Н. Термин как носитель правовой информации / Журнал научно-педагогической информации. – 2010. – № 3. – С. 26–28.
- Кордуэлл М. Психология. А - Я: Словарь-справочник / Пер. с англ. К. С. Ткаченко. М., 2000.
- Мартынова Н. А. Выбор способов номинации при наименовании реалий правового дискурса / Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные социальные науки. – 2015. – № 6 (69). – С. 162–164.
- Мартынова Н. А. Роль терминологической лексики в формировании коммуникативной компетенции специалиста / Общество и человек. – 2014. – № 1 (7). – С. 67–72.
- Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/
- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/>
- Проект «Критерии оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций решений о включении доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие запрещенную информацию, в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» URL: <https://regulation.gov.ru/projects#departments=47&npa=134715>
- Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>
- Трофимова Г. Н. Лингвистическая безопасность: к проблеме толкования / Русистика. – 2012. – № 1. – С. 24–29.
- Урматова А. Д. Термин как носитель специальной правовой информации / Таврический научный обозреватель. – 2017. – №2 (19). – С. 103–105.

References

- Cordwell, M. (2000). The complete A-Z psychology handbook. Translated from English by K. S. Tkachenko (in Russian).
- Dubrovskaya, T. V. (2010). Judicial discourse: the speech behavior of a judge (based on the material of Russian and English languages). Moscow (in Russian)
- Efremova, T. F. A new dictionary of the Russian language. Explanatory-word-formation Available from: <https://www.efremova.info/> (in Russian).
- Explanatory dictionary of the Russian language / edited by N. Prof. D. N. Ushakov. Available from: <https://ushakovdictionary.ru/> (in Russian)
- Isidoros, P., Loizos M. (2023). Sensitive Content Recognition in Social Interaction Messages. Available from: https://www.researchgate.net/publication/371970183_Sensitive_Content_Recognition_in_Social_Interaction_Messages
- Martynova, N. A. (2014). The role of terminological vocabulary in the formation of a specialist's communicative competence. *Society and man*, 1 (7), 67-72 (in Russian).
- Martynova, N. A. (2015). The choice of nomination methods when naming the realities of legal discourse. *Scientific Notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 6 (69), 162-164.
- On the approval of the Foundations of the State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (in Russian)
- Ozhegov, S. I. Explanatory dictionary of the Russian language. Available from: <https://slovarozhegova.ru/> (in Russian)
- The project "Criteria for evaluating materials and (or) information necessary for the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications to make decisions on the inclusion of domain names and (or) site page indexes in the Internet information and telecommunications network, as well as network addresses that allow identifying sites in the information and telecommunications network the "Internet" networks containing prohibited information in the unified automated information system "Unified Register of Domain Names, indexes of pages of sites in the information and telecommunication network "Internet" and network addresses that allow identifying sites in the information and telecommunication network "Internet" containing information the dissemination of which is prohibited in the Russian Federation". Available from: <https://regulation.gov.ru/projects#departments=47&npa=134715> (in Russian)
- Tripathi, R., Dhamodharaswamy, B., Jagannathan, S., & Nandi, A. (2019). Detecting Sensitive Content in Spoken Language. *IEEE International Conference on Data Science and Advanced Analytics (DSAA)*. Available from: <https://doi.org/10.1109/DSAA.2019.00052>
- Trofimova, G. N. (2012). Linguistic security: to the problem of interpretation. *Russian studies*, 1, 24-29 (in Russian).
- Urmatova, A. D. (2017). The term as a carrier of special legal information. *Tauride scientific observer*, 2 (19), 103-105 (in Russian).
- Zemlyanaya, T. B., Pavlycheva O. N. (2010). Term as a carrier of legal information / *Journal of Scientific and pedagogical information*, 3, 26-28 (in Russian).

Citation:

Онкина И. Ю. Небезопасная тематика в аспекте актуального законодательства в области ЛГБТ-пропаганды // Юрислингвистика. – 2024. – 31. – С. 63-70.

Onkina I. Yu. (2024) Sensitive Topics Related to LGBT Propaganda in Respect of Current Legislation. *Legal Linguistics*, 31, 63-70.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Актуализация российского законодательства о речевых правонарушениях и судебные экспертизы гуманитарного профиля

В. О. Кузнецов

*Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации
Хохловский пер., 13с2, 109028, Москва, Россия. E-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru*

В настоящее время наблюдается процесс актуализации российского уголовного и административного законодательства о речевых правонарушениях, что связано с введением новых правовых норм, устанавливающих ответственность за распространение фейков, информации, дискредитирующей использование Вооруженных Сил Российской Федерации, пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и др. Огромную роль при расследовании этих преступлений играют судебные экспертизы гуманитарного профиля, прежде всего комплексные психолого-лингвистические экспертизы, результаты которых, как показывает практика, служат одним из ключевых доказательств. Разработанные в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России методические подходы к исследованию информационных материалов, связанные с установлением специальных (лингвистических, психологических) признаков тех языковых и психологических феноменов, которые являются аспектами объективной стороны речевых правонарушений, позволяют оперативно реагировать на появление новых экспертных задач в связи с активно идущим процессом актуализации российского законодательства.

Ключевые слова: актуализация законодательства, речевое правонарушение, экспертиза, комплексная психолого-лингвистическая экспертиза.

Updating of the Russian Legislation on Speech Offenses and Forensic Examinations of Humanitarian Profile

V. O. Kuznetsov

*Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation
13 Khokhlovsky pereulok, stroenie 2, 109028, Moscow, Russia. E-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru*

Currently, there is a process of updating Russian criminal and administrative legislation on speech offenses, which is associated with the introduction of new legal norms establishing responsibility for the dissemination of fakes, information discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation, propaganda of non-traditional sexual relations, etc. A huge role in the investigation of these crimes is played by forensic examinations of a humanitarian profile, primarily complex psychological and linguistic examinations, the results of which, as practice shows, serve as one of the key evidence. Methodological approaches to the study of information materials developed at the Federal State Budgetary Institution of the Russian Federation under the Ministry of Justice of the Russian Federation related to the establishment of special (linguistic, psychological) signs of those linguistic and psychological phenomena that are aspects of the objective side of speech offenses allow us to respond promptly to the emergence of new expert tasks in connection with the actively ongoing process of updating Russian legislation.

Key words: updating of legislation, speech offense, expertise, complex psychological and linguistic expertise.

С 2014 года по настоящее время в российском административном и уголовном законодательстве наблюдается значительный рост так называемых речевых правонарушений (прежде всего экстремистского и террористического характера), что обусловлено различными факторами, в том числе текущей геополитической ситуацией, общественно-политическими процессами, идущими в России и мире, а также внешними и внутренними угрозами национальной

безопасности, которые ряд российских политиков и общественных деятелей связывают с проявлением информационной войны. В связи с чем имеет место актуализация законодательства о речевых правонарушениях.

Прежде всего актуализация законодательства происходит на уровне доктринальных документов (государственных доктрин, концепций и стратегий).

Так, в Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Президентом России 25.12.2014 № Пр-2976, отмечается наличие тенденции смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу Российской Федерации (ч. 10). В перечне основных внешних опасностей приведено использование информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных против суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности (п. «м» ч. 12).

Согласно Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента России от 05.12.2016 № 646, в качестве угроз национальной безопасности России рассматривается информационно-техническое воздействие зарубежных стран на информационную инфраструктуру России в военных целях: одним из основных негативных факторов, влияющих на состояние информационной безопасности, является наращивание рядом зарубежных стран возможностей информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру в военных целях (ч. 11); состояние информационной безопасности в области обороны страны характеризуется увеличением масштабов применения отдельными государствами и организациями информационных технологий в военно-политических целях, в том числе для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных на подрыв суверенитета, политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации и ее союзников и представляющих угрозу международному миру, глобальной и региональной безопасности (ч. 15). Одним из основных направлений обеспечения информационной безопасности в области обороны страны, согласно ч. 21 Доктрины, является нейтрализация информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента России от 02.07.2021 № 400, достижение цели обеспечения информационной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение ряда задач, в том числе противодействие использованию информационной инфраструктуры Российской Федерации экстремистскими и террористическими организациями, специальными службами и пропагандистскими структурами иностранных государств для осуществления деструктивного информационного воздействия на граждан и общество (п. 9-11 ч. 57).

В утвержденных Указом Президента России от 09.11.2022 № 809 Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, конкретизирующих отдельные положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, обращается внимание на необходимость защиты от внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия, пресечение деятельности, направленной на разрушение традиционных ценностей в России (п. «м» ч. 24), к которым относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России (ч. 5). В Основах отмечается, что идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений (ч. 14).

В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента России от 31.03.2023 № 229, проявления информационной войны против России представлены в качестве методов, применяемых в настоящее время рядом государств: используется широкий набор противоправных инструментов и методов, включая применение принудительных мер (санкций) в обход Совета Безопасности ООН, провоцирование государственных переворотов, вооруженных конфликтов, угрозы, шантаж, манипулирование сознанием отдельных социальных групп и целых народов, наступательные и подрывные операции в информационном пространстве (ч. 8). Согласно данной концепции в целях обеспечения международной информационной безопасности России, противодействия угрозам в ее отношении, укрепления российского суверенитета в глобальном информационном пространстве приоритетное внимание уделяется принятию политико-дипломатических и иных мер, направленных на противодействие политике недружественных государств по милитаризации глобального информационного пространства, по использованию информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств и в военных целях, а также по ограничению доступа других государств к передовым информационно-коммуникационным технологиям и усилению их технологической зависимости (п. 4 ч. 30).

Как видно из приведенного обзора доктринальных и концептуальных документов, Российская Федерация особое внимание уделяет укреплению информационной безопасности, развитию сил и средств информационного противоборства, противодействию проявлениям такого противоборства.

Так, подобное противодействие находит отражение в том числе на уровне федерального законодательства. Об этом свидетельствует действующее в России разветвленное антиэкстремистское и антитеррористическое уголовное и административное законодательство, активно актуализируемое начиная с 2014 года путем введения новых правовых норм, устанавливающих уголовную и административную ответственность за совершение таких правонарушений и преступлений, как реабилитация нацизма, оправдание и пропаганда терроризма, дискредитация использования Вооруженных Сил Российской Федерации, распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и предпочтений, смены пола, педофилии, пропаганда нацистской атрибутики или символики и др. Перечисленные правонарушения и преступления предполагают совершение действий, направленных на деструктивное информационное воздействие на граждан и общество, институты семьи и брака, на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества, а также направленных против суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государства.

Количество возбужденных в России уголовных дел по части из приведенных выше преступлений экстремистской и террористической направленности из года в год растет. Так, согласно информационному отчету ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России «Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года», в 2022 году было зарегистрировано 2233 преступления террористического характера (что на 4,5 % больше, чем в 2021 году), 1566 преступлений экстремистской направленности (что на 48,2 % больше, чем в 2021 году).

Большинство из указанных преступлений совершается посредством речевой деятельности, их объективную сторону составляют речевые (шире – коммуникативные) действия. Неслучайно Н. Д. Арутюнова, размышляя о языке, писала: «У языка много предназначений и каждое из них предъясняет свои права. Язык формирует концепты и суждения, осуществляет коммуникацию повседневную и “долгосрочную”, обслуживает социальные акции, участвует в совершении ритуалов, регулирует человеческие и социальные отношения, хранит историческую и культурную память народов, выражает и сохраняет знания о мире. Язык способен и на “преступные” действия, и они тоже не проходят для него бесследно» [Арутюнова 1988: 3].

Такие «преступные» действия экстремистского и террористического характера, совершаемые посредством слов, мы наблюдаем в повседневной жизни.

Так, ярким примером «преступных» речевых действий является распространяемая 10–11 мая 2023 года в социальных сетях и мессенджерах недостоверная информация о проведении второй волны частичной мобилизации на фоне принятия Указа Президента Российской Федерации от 10.05.2023 № 333 «О призыве граждан Российской Федерации, пребывающих в запасе, на военные сборы в 2023 году». В данном случае был использован прием подмены понятия, заключающийся в замене понятия «военные сборы» на «мобилизация». Тем самым публикации, содержащие такую информацию, были направлены на повышение уровня социальной напряженности и, соответственно, дестабилизации российского общества. Подобные публикации могут иметь накопительный эффект, формируя и подкрепляя определенные установки у граждан по отношению к государственной власти.

Наряду с подобными публикациями в медиапространстве время от времени появляются и такие публикации, воздействующие на граждан мгновенно и несущие реальные негативные последствия. Например, об этом свидетельствуют события 28 октября 2023 г. в Дагестане, причиной которых стало распространение одним из Telegram-каналов ложных сведений о приезде группы беженцев из Израиля в г. Хасавюрт и размещение их в одной из гостиниц. Спустя несколько часов после публикации этой информации возле гостиницы собралась толпа граждан с требованиями выселить израильтян и изгнать их из Дагестана. Митинг у гостиницы перерос в протесты в Махачкале. На следующий день, 29 октября 2023 г., в этом же Telegram-канале начали появляться сообщения о том, что в Дагестан якобы прибывают беженцы из Израиля, с призывом, обращенным к дагестанцам, «встретить» их в аэропорту Махачкалы. Вечером этого же дня в аэропорту г. Махачкалы собрались люди, которые выкрикивали антисемитские лозунги и пытались вычислить этих беженцев, прилетевших в Дагестан из Тель-Авива. Толпа прорвалась в здание аэропорта и на взлетно-посадочную полосу. В результате аэропорт был на время закрыт, во время столкновений пострадали более 20 человек. Возбуждено уголовное дело о массовых беспорядках.

Поскольку в приведенных и иных случаях речевых правонарушений объективную сторону составляют речевые (коммуникативные) действия, особую роль при их расследовании играет институт специальных знаний. Следственные органы и суды в связи с указанной спецификой этих преступлений назначают по делам судебные экспертизы гуманитарного профиля, прежде всего лингвистические и комплексные психолого-лингвистические экспертизы. Результаты этих экспертиз, как показывает следственная и судебная практика, служат одним из ключевых доказательств по делу.

Сложившаяся экспертная практика производства экспертиз по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, свидетельствует об эффективности комплексного психолого-лингвистического подхода к исследованию информационных материалов по этой категории дел. Такой подход был выработан Российским федеральным центром судебной экспертизы при Минюсте России по решению коллегии Министерства юстиции Российской Федерации по результатам Послания Президента В. В. Путина Федеральному Собранию, апробирован и стал широко внедряться в экспертную практику судебно-экспертных учреждений Минюста России в 2011 г. [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2011], в 2014 г. он оформился как экспертная методика [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014], в 2022 г. вышло второе издание, переработанное и дополненное с учетом разъяснений, данных Верховным судом Российской Федерации, экспертной практики, а также изменений законодательства [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2022], в том числе тех, которые были отмечены выше. На положениях методики была основана Типовая межведомственная

методика комплексной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с проявлением экстремизма и терроризма (№ 11/П/2-184), одобренная и рекомендованная к применению в экспертной практике решением Национального антитеррористического комитета.

Суть методического подхода, представленного в указанных выше методиках, сводится к установлению лингвистическими и психологическими методами так называемого «экстремистского» значения – речевого (коммуникативного) действия, составляющего объективную сторону преступлений, к которым относятся призывы к экстремистской деятельности, пропаганда запрещенной идеологии, реабилитация нацизма, оправдание терроризма, возбуждение вражды, унижение человеческого достоинства, оправдание терроризма и др. Посредством применения этого методического подхода устанавливаются специальные (лингвистические, психологические) признаки тех языковых и психологических феноменов, которые являются аспектами объективной стороны речевых преступлений: «Для того чтобы явления, стоящие за правовыми понятиями (экстремистская деятельность, призыв и др.) и образующие “экстремистские” значения, могли стать предметом исследования эксперта, они должны быть раскрыты (объективированы) через специальные признаки. Исходя из этого, для каждого из “экстремистских” значений должны быть определены их лингвистические и психологические признаки и соответствующие экспертные диагностические критерии» [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2022: 21].

Указанный методический подход применяется при проведении судебных экспертиз по делам, связанным с реабилитацией нацизма (ст. 354.1 УК России), – нормой, введенной Федеральным законом от 05.05.2014 № 128-ФЗ и предусматривающей уголовную ответственность, с одной стороны, за искажение фактов совершения в годы Второй мировой войны международно-правовых преступлений против мира и безопасности человечества нацистами, осужденных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, и роли СССР в годы Второй мировой войны в победе над фашизмом (ч. 1 ст. 354.1 УК России), с другой стороны, за умаление исторической памяти, проявляющееся в распространении выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, осквернении символов воинской славы России, оскорблении памяти защитников Отечества, унижении чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны (ч. 3 ст. 354.1 УК России). И искажение фактов, связанных со Второй мировой войной, и умаление исторической памяти являются элементами информационной войны, поскольку они направлены на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества.

Объективную сторону этого преступления составляют различные речевые/коммуникативные действия, которые могут быть установлены в ходе проведения комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы. Эксперт-лингвист устанавливает выраженные в тексте смысловые компоненты:

- предмет речи в тексте: то, что имело место и было совершено во время Второй мировой войны или то, что знаменательно, важно как историческая память о Второй мировой войне;
- выраженное отношение автора/публикатора текста: положительное отношение к фактам преступных действий, установленных Нюрнбергским трибуналом, и негативное отношение к действиям руководства, командования и военнослужащих СССР во время Второй мировой войны; демонстративное неуважение, презрение, глумливое отношение к тому, что знаменательно, важно как историческая память о Второй мировой войне;
- речевые цели, выраженные в тексте: демонстрирование адресату своих взглядов и отношения, отличающихся от принятых в обществе; опровержение фактов; убеждение адресата в правильности, допустимости определенной идеологии, действий; информирование о негативном (презрительном) отношении к тому, что знаменательно, важно как историческая память о Второй мировой войне [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2022: 74–79, 86–88].

Эксперт-психолог в ходе мотивационно-целевого анализа устанавливает социально-психологическую направленность материала, а именно:

- направленность на формирование у адресата позитивного эмоционально-смыслового отношения к деятельности организаций и руководства нацистской Германии (СС, СД и гестапо), идеологии и практике нацизма во время Второй мировой войны, военным преступлениям (в том числе убийствам и жестокому обращению с гражданским населением на оккупированных территориях) и военным преступникам, преступлениям против человечности, массовому уничтожению людей по расовому, этническому, национальному признакам;
- направленность на формирование у адресата негативного эмоционально-смыслового отношения к СССР в годы Второй мировой войны (действиям руководства, командования и военнослужащих СССР);
- направленность на формирование у адресата негативного (грубо неуважительного, презрительного, враждебного и под.) эмоционально-смыслового отношения к тому, что знаменательно, важно как историческая память о Второй мировой войне (к ветеранам Великой Отечественной войны, дням воинской славы, памятным датам, связанным с защитой Отечества, символам воинской славы России, памяти о защитниках Отечества) [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2022: 74–79, 86–88].

Ярким примером реабилитации нацизма является размещение фотографии Адольфа Гитлера и других нацистских преступников на электронном портале акции «Бессмертный полк». В данном случае, с экспертной точки зрения, содержится их героизация (за счет размещения их фотографий в одном ряду с участниками Великой Отечественной войны), одобрение преступлений, осужденных приговорами Международного военного трибунала в г. Нюрнберге, а также направленность на формирование у адресата позитивного эмоционально-смыслового отношения к деятельности организаций и руководства нацистской Германии, военным преступникам, т. е. выражено «экстремистское» значение «реабилитация нацизма».

Разработанный методический подход также позволяет оперативно реагировать на появление новелл

в законодательстве. Так, в 2022 году на основе этого методического подхода Российским федеральным центром судебной экспертизы при Минюсте России были разработаны методические письма, послужившие научно-методическим обеспечением производства судебных экспертиз по делам о дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации, а также по делам о так называемых фейках о Российской армии.

Данные правовые нормы (ст. 207.3 УК России, ст. 280.3 УК России, ст. 20.3.3 КоАП России) были введены в уголовное законодательство Федеральным законом от 04.03.2022 № 32-ФЗ и в административное законодательство Федеральным законом от 04.03.2022 № 31-ФЗ в связи с появившимися после 24 февраля 2022 года в медиапространстве многочисленными сообщениями, содержащими негативную информацию о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации при осуществлении специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины. Эта информация формирует у населения искаженное представление о государственной власти и ее органах в связи с использованием Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнением государственными органами Российской Федерации своих полномочий за рубежом, в связи с чем представляет собой угрозу общественной и государственной безопасности.

Под дискредитацией, исходя из диспозиций ст. 280.3 УК России, ст. 20.3.3 КоАП России, а также значения слова «дискредитация», понимаются умышленные действия, направленные на подрыв доверия к государственной власти и ее органам, умаление их авторитета и значения в связи с использованием Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнением государственными органами Российской Федерации своих полномочий в целях защиты интересов страны и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности [Секераж 2022: 44]. В соответствии с этим объективную сторону данных правонарушений составляет речевое/коммуникативное действие, связанное с нанесением ущерба авторитету государства, а также Вооруженным Силам страны.

Рассматривая категорию «дискредитация» в экспертологическом аспекте, т. е. в аспекте выработки на основе правовой категории экспертного понятия, Т. Н. Секераж отмечает: «Исходя из обозначенной в правовой норме целенаправленности действий в материалах должно содержаться обсуждение целей использования ВС России, что является обоснованием их негативной оценки, тем самым должно иметь место побуждение к мнению, т. е. убеждение адресата в правильности такой оценки» [Секераж 2022: 44]. В соответствии с таким пониманием для установления речевого/коммуникативного действия «дискредитация использования Вооруженных Сил Российской Федерации / исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности» эксперту-лингвисту необходимо выявить информацию о целях применения Вооруженных Сил России, о несоответствии этих целей указанным в норме закона целям (что может быть выражено номинациями «оккупация», «военная агрессия», «захватническая война» и т. п.), а также убеждение в таком несоответствии. Эксперт-психолог, со своей стороны, устанавливает направленность на формирование у адресата представления о несоответствии (противоречии, противоположности) совершаемых действий целям защиты интересов государства и его граждан, поддержания международного мира и безопасности; негативного образа Вооруженных Сил России и негативного эмоционально-смыслового отношения к их действиям (их применению); готовности к принятию предлагаемой точки зрения [Секераж 2022: 46]. Совокупность выявленных лингвистических и психологических признаков свидетельствует о реализации в тексте речевого действия (значения) «дискредитация использования Вооруженных Сил Российской Федерации / исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности», что создает объективную основу для последующей правовой оценки текста.

Примерами дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации, с экспертной точки зрения, являются высказывания, в которых сообщается о военной агрессии России по отношению к Украине, нападении, вторжении России, оккупации территории Украины, а также о негативных целях военнослужащих Вооруженных Сил России (например, «Они приехали убивать, а убили их»). Во всех этих случаях имеет место сообщение о несоответствии совершённых и совершаемых Вооруженными Силами России действий целям защиты интересов государства и его граждан, поддержания международного мира и безопасности, то есть реализуется убеждение адресата в негативном характере целей их применения.

Если речевое/коммуникативное действие «дискредитация использования Вооруженных Сил Российской Федерации / исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности» в языковом плане (в аспекте способа подачи информации) связано большей частью с выражением мнения относительно целей использования Вооруженных Сил Российской Федерации (исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий), обобщенной оценки таких целей, то речевое действие, лежащее в основе объективной стороны такого преступления, как публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации (ст. 207.3 УК России), связано с подачей информации в форме утверждения о фактах и событиях. Это обусловлено наличием в диспозиции нормы понятия «заведомо ложная информация», соотносящегося с лингвистическим понятием языкового способа подачи информации, допускающего ее проверку на соответствие действительности, – утверждения о фактах и событиях.

В языковом плане такой способ подачи информации, по мнению О. В. Кукушкиной, характеризуется семантическими критериями совершённости (отнесенности события к прошлому или настоящему), верифицируемости (конкретности и наблюдаемости события) и отсутствия альтернативы при сообщении информации (отсутствия в высказывании маркеров мнения и логического вывода) [Кукушкина 2016: 136]. Несоблюдение приведенных критериев свидетельствует о подаче информации в форме мнения, а также ее разновидностей: предположения или оценочного суждения, т. е. способов подачи информации, не допускающих ее проверку на соответствие действительности и в связи с чем не позволяющих правоприменителю рассматривать информацию как заведомо ложную.

Как показывает экспертная практика, чаще всего по данной категории дел назначаются судебные лингвистические экспертизы, объектом которых являются материалы, содержащие информацию о событиях в Буче, Ирпени, Мариуполе, связанные с якобы совершением Вооруженными Силами России массовых убийств мирных граждан, изнасилований женщин и детей.

Данный методический подход позволяет создать объективную основу для последующей правовой оценки материала, предполагающей прежде всего установление правоприменителем ложности распространяемой информации (что непосредственно связано со способом подачи информации в форме утверждения о фактах и событиях, установленного экспертом), а также заведомости.

В связи с появлением новелл, введенных Федеральным законом от 05.12.2022 № 479-ФЗ, – актуализированной ст. 6.21 «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола», а также введенных ст. 6.21.1 «Пропаганда педофилии», ст. 6.21.2 «Распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол» – в апреле 2023 года Российским федеральным центром судебной экспертизы при Минюсте России было разработано научно-методическое обеспечение экспертиз по данным категориям дел – методическое письмо «О применении специальных психологических и лингвистических знаний при исследовании информационных материалов по делам о правонарушениях и преступлениях против общественной нравственности (ст. 242.1 УК РФ, ст. 6.21, 6.21.1, 6.21.2 КоАП РФ)» (подробнее см. в [Бердников, Васкэ, Кузнецов, Секераж 2023]).

Согласно данному методическому письму ключевой категорией в указанных нормах является пропаганда, которая определяется законодателем по-разному. Так, например, в ст. 6.21 КоАП России пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений либо смены пола понимается как распространение информации и (или) совершении публичных действий, направленных на формирование нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений либо смены пола или искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях и (или) предпочтениях либо смене пола, вызывающей интерес к таким отношениям и (или) предпочтениям либо смене пола, в ст. 6.21.1 пропаганда педофилии определяется как распространение информации, направленной на обоснование и (или) оправдание педофилии или формирование привлекательности педофилии, либо навязывание информации о педофилии, вызывающей интерес к педофилии. Как видно из приведенных диспозиций норм, несмотря на разницу в правовом понимании пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений либо смены пола и пропаганды педофилии, и тот, и другой тип пропаганды определяется большей частью посредством целевых компонентов распространения информации – цели и направленности, представляющих собой психологические феномены (формирование установок, формирование представления, привлекательности). То же самое имеет место и во второй части диспозиции ст. 6.21.2 КоАП РФ (Распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, в том числе описание, изображение нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол), связанной с формированием у адресата представления о привлекательности жизни в качестве лица противоположного пола. В лингвистическом аспекте речевое/коммуникативное действие «пропаганда» связано с выражением положительной оценки нетрадиционных сексуальных отношений (предпочтений), смены пола, педофилии, а также информированием адресата о таком положительном отношении либо убеждением в этом, т. е. побуждением к изменению мнения адресата относительно нетрадиционных сексуальных отношений (предпочтений), смены пола, педофилии.

Применяемый методический подход, изложенный в пособии О. В. Кукушкиной, Ю. А. Сафоновой и Т. Н. Секераж «Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму» предполагает интеграцию в ряде случаев специальных знаний из других областей знаний, то есть он позволяет расширить сферу применяемых специальных знаний за счет привлечения специалистов из смежных сфер, например политологии, исследующей информационные материалы в иных аспектах, что соотносится с судебной практикой. Согласно п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство лингвистической экспертизы, к производству экспертизы могут привлекаться, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.). В связи с этим неслучайно судебная политологическая экспертиза приказом Минюста России от 20.04.2023 № 72 была введена в Перечень родов (видов) судебных экспертиз,

выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, а Перечень экспертных специальностей был дополнен специальностью 32.1 «Политологическое исследование информационных материалов».

Вышеизложенное позволяет говорить о том, что имеющиеся в распоряжении судебных экспертов методические подходы к исследованию информационных материалов позволяют оперативно реагировать на появление новых экспертных задач в связи с активно идущим процессом актуализации российского законодательства о речевых правонарушениях.

Литература

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Бердников Д. В., Васкэ Е. В., Кузнецов В. О., Секераж Т. Н. Применение специальных психологических и лингвистических знаний при исследовании информационных материалов по делам о правонарушениях, посягающих на общественную нравственность / Теория и практика судебной экспертизы. - 2023. - Т. 18. - № 3. - С. 78-94. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-3-78-94>

Кукушкина О. В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? / Теория и практика судебной экспертизы. - 2016. - № 3 (43). - С. 136. URL: <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-132-145>

Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2014.

Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2022.

Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011.

Секераж Т. Н. Методический подход к исследованию информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией применения Вооруженных Сил Российской Федерации / Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 2. URL: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2022-2-41-48>.

References

Arutyunova, N. D. (1988). Types of Linguistic Meanings: Evaluation. Event. Fact. Moscow (in Russian).

Berdnikov, D. V., Vaske E. V., Kuznetsov V. O., Sekerazh T. N. (2023). Use of Specialized Psychological and Linguistic Knowledge in the Study of Information Materials on Cases of Offenses that Infringe on Public Morality. Theory and Practice of Forensic Science. 18 (3), 78-94 <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-3-78-94> (in Russian).

Kukushkina, O. V. (2016). Negative Information: Statement of Fact or Expression of Opinion? Theory and Practice of Forensic Science. 3 (43), 132-145. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-132-145> (in Russian).

Kukushkina, O. V., Safonova, Yu. A., Sekarazh, T. N. (2011). Theoretical and Methodical Bases of Forensic Psychological and Linguistic Examination of Texts on the Affairs Connected with Counteraction to Extremism. Moscow (in Russian).

Kukushkina, O. V., Safonova, Yu. A., Sekarazh, T. N. (2014). Methodology for the Conducting Forensic Psycholinguistic Inquiry of Materials in Cases Involving Counteracting Extremism and Terrorism. Moscow (in Russian).

Kukushkina, O. V., Safonova, Yu. A., Sekarazh, T. N. (2022). Methodology for the Conducting Forensic Psycholinguistic Inquiry of Materials in Cases Involving Counteracting Extremism and Terrorism. Moscow (in Russian).

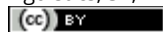
Sekerazh, T. N. (2022). Methodical Approach to the Analysis of Information Materials Regarding Public Discredit of the Use of the Armed Forces of the Russian Federation. Theory and Practice of Forensic Science. 17 (2), 41-48.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2022-2-41-48> (in Russian).

Citation:

Кузнецов В. О. Актуализация российского законодательства о речевых правонарушениях и судебные экспертизы гуманитарного профиля // Юрислингвистика. – 2024. – 31. – С. 71-77.

Kuznetsov V. O. (2024) Updating of the Russian Legislation on Speech Offenses and Forensic Examinations of Humanitarian Profile. Legal Linguistics, 31, 71-77.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Особенности использования специальных знаний по делам об оскорблении членов участковых избирательных комиссий

Д. В. Спирев

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр.1, 123242, Москва, Россия. E-mail: dmitryspirev@yandex.ru*

Теоретическая разработка данных преступных деяний особенно актуальна в аспекте выборов Президента Российской Федерации 2024 года в условиях сложной общественно-политической обстановки, создающей возможности для массовых акций противодействия деятельности избирательных комиссий. Приводятся примеры основных преступных деяний, связанных с унижением чести и достоинства членов участковых избирательных комиссий Российской Федерации, а также иных действий, нарушающих порядок проведения выборов. В статье также анализируются нормативные правовые акты избирательного законодательства Российской Федерации в аспекте регулирования статуса членов участковых комиссий, проведения голосования, а также статусов иных участников избирательного процесса. Раскрываются особенности использования специальных знаний при расследовании оскорблений, совершенных на территории участковых избирательных комиссий, заключающиеся в особой обстановке совершения противоправного деяния (использовании средств видеонаблюдения, возможности использования электронных средств для голосования) и характере используемых специальных знаний при совершении отдельных следственных действий.

Ключевые слова: оскорбление, специальные знания, УИК, выборы, криминалистика.

Features of the Use of Special Knowledge in Cases of Insulting Members of Precinct Election Commissions

D. V. Spirev

*Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9 Sadovaya-Kudrinskaya str., building 1, 123242, Moscow, Russia. E-mail: dmitryspirev@yandex.ru*

The theoretical investigation into these criminal acts is especially relevant in regards to the upcoming presidential elections of the Russian Federation in 2024 when a complicated social and political situation creates opportunities for mass actions to counter the activities of election commissions. Examples of the main criminal acts related to the humiliation of the honor and dignity of members of precinct election commissions of the Russian Federation, as well as other actions that violate the election procedure are given. The article also analyzes the normative legal acts of the electoral legislation of the Russian Federation in terms of regulating the status of members of precinct commissions, voting, as well as the statuses of other participants in the electoral process. The features of the use of special knowledge in the investigation of insults committed on the premises of precinct election commissions, with noted distinction of the wrongful act environment (the use of video surveillance, the possibility of using electronic means for voting) and the nature of the special knowledge used in the commission of individual investigative actions, are revealed.

Key words: insult, special knowledge, election commission, elections, criminalistics.

Выборы Президента Российской Федерации в 2024 году в очередной раз делают актуальным вопрос о защите чести и достоинства членов избирательных комиссий. В данной статье будет рассматриваться наиболее распространенная часть избирательного процесса, состоящая из деятельности участковой избирательной комиссии. Расследование преступлений, совершенных на территории избирательного участка, имеет свои особенности, связанные с использованием специальных знаний. В статье будут раскрыты характерные особенности как в части процесса

расследования преступных деяний, так и в характере применяемых специальных знаний. Методология исследования основана на использовании общеправовых, общенаучных и частнонаучных методов исследования.

Избирательное законодательство в Российской Федерации состоит из ряда законов. Прежде всего, это Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 N 5-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) «О референдуме Российской Федерации» и Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 31.07.2023), а также Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 N 67-ФЗ, определяющие общие правила проведения таких мероприятий. Также в этот список будут входить и нормативные правовые акты, регулирующие проведение выборов на конкретные государственные должности и законодательные органы. Некоторые исследователи даже ставят под сомнение целесообразность наличия такого кодифицированного источника избирательного права, дублирующего отдельные элементы правового статуса ряда участников [Смирнов, Заболева 2016: 22-25]. Так, к ним будет относиться Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.02.2014 N 20-ФЗ, Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации» от 10.01.2003 N 19-ФЗ и ряд законов местного и регионального уровня.

Ряд исследователей избирательного права весьма обоснованно отмечают важность грамотной организации участковой избирательной комиссии, являющейся основным элементом отечественной системы избирательного права. В. В. Игнатенко в своей статье выделяет ключевую роль именно участковых избирательных комиссий [Игнатенко 2013: 46-58]. Также некоторые исследователи отмечают и особый правовой статус избирательных комиссий в системе органов государственной власти, связанный с наличием в них особых субъектов – членов избирательных комиссий [Адигамова 2015: 108-114].

Ключевым моментом для понимания статуса членов избирательных комиссий будут бланкетные нормы, содержащиеся в указанных выше нормах избирательного права. Большинство нормативных актов определяет статус членов комиссий в результате отсылки к 29 статье Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» N 67-ФЗ [Федеральный закон 2002]. Следует сразу отметить, что легального определения члена избирательной комиссии в данной норме не содержится, однако член участковой избирательной комиссии, председатель участковой комиссии включаются в список членов соответствующей комиссии на основании решения ЦИК России. Дополнительным подтверждением статуса того или иного члена избирательной комиссии будет удостоверение члена участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса (порядок их выдачи предусмотрен Постановлением ЦИК России от 05.12.2012 N 152/1139-6) [Постановление 2012].

Составы преступления и правонарушений в связи с проведением выборов или референдума достаточно обширны и охватывают в основном вопросы, связанные с нарушением порядка проведения выборов (неправильный порядок предвыборной агитации, непредставление доступа к выборам гражданам и другие). Однако в основном они связаны именно с технической стороной проведения выборов или референдума.

Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий является уголовно наказуемым деянием, предусмотренным статьей 141 Уголовного Кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Объективную сторону состава преступления будут составлять следующие действия:

Объективная сторона основного состава преступления выражается в виде совершения следующих альтернативных действий: 1) воспрепятствование свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме, общероссийском голосовании; 2) нарушение тайны голосования; 3) воспрепятствование работе избирательных комиссий, комиссий референдума либо деятельности члена избирательной комиссии, комиссии референдума, связанной с исполнением им своих обязанностей.

Можно согласиться со сформулированным А. А. Дегтеревым объектом преступления, предусмотренного статьей 141 УК РФ, под которым понимаются общественные отношения, характеризующие условия легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан государства [Дегтерев 2021: 237-240].

Воспрепятствование свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав может быть выражено в недопуске гражданина на избирательный участок, отказе во внесении его в список избирателей, неполнота которого является наиболее частым несовершенством избирательного процесса, поскольку список избирателей конкретной участковой избирательной комиссии формируется на основе данных, представляемых в ЦИК России органами, осуществляющими миграционный, воинский и иной учет граждан.

Для правовой квалификации оскорбления членов избирательной комиссии наличие или отсутствие у гражданина оснований для участия в выборах на территории конкретной избирательной комиссии не будет являться значимым.

К нарушению тайны голосования будут относиться ситуации, связанные с раскрытием процесса конфиденциальности заполнения избирательного бюллетеня, например размещением камер видеонаблюдения внутри помещения для голосования.

Воспрепятствование работе избирательных комиссий может заключаться в ограничении работы комиссии (непредставление помещения для голосования или представление его в ненадлежащем техническом состоянии, а также иные дискриминационные действия в отношении членов избирательных комиссий).

Как следует из анализа состава преступления, предусмотренного 141 статьей УК РФ, специального преступления или правонарушения, связанного с оскорблением члена избирательной комиссии, не существует. Крайне малый объем судебной практики по такому преступлению (2 приговора в 2022 году и 4 в 2021, согласно статистике Судебного

департамента при ВС РФ) не позволяет сделать вывод о возможности трактовки оскорбления члена избирательной комиссии как преступления, предусмотренного 141 статьей УК РФ.

Квалификация подобного деяния должна осуществляться в контексте оскорбления представителя власти (319 статья УК РФ). Если же обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», то можно выделить функции члена избирательной комиссии, позволяющие отнести его к представителям власти. Так, член избирательной комиссии с правом решающего голоса, согласно 29 статье ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» обладает правом выдачи избирательных бюллетеней для голосования, подписывает протокол об итогах голосования, а также удостоверяет копии таких документов. Т. Т. Алиев и И. М. Аничкин, исследуя статус участковых избирательных комиссий, относят их к государственным органам [Алиев, Аничкин 2012: 61–65].

Не углубляясь в вопросы квалификации статуса самих комиссий, следует отметить, что действия членов комиссии влекут за собой юридические последствия и тем самым относятся к организационно-распорядительным полномочиям лица. Особенностью члена избирательной комиссии будет осуществление его деятельности по специальному полномочию. Статус члена избирательной комиссии истекает одновременно с прекращением полномочий комиссии, в состав которой они входят (п. 5 ст. 29 N 67-ФЗ). Рассматриваемое деяние для квалификации его по 319 статье УК РФ должно быть осуществлено в пределах срока полномочий такого лица и в связи с проведением выборов или референдума.

Более подробно рассмотрим криминалистические особенности уголовных дел данной категории и определим специальные знания, необходимые для всестороннего и полного расследования.

Прежде всего рассмотрим, что будет являться оскорблением. Поскольку легального определения оскорбления в Уголовном кодексе РФ не содержится, а определение, данное в статье 5.61 КоАП РФ, не позволяет отразить специфику уголовного судопроизводства, необходимо дать определение оскорбления исходя из совокупности юридического, лингвистического и психологического подходов.

Под оскорблением следует понимать действия лица, унижающие честь и достоинство лица, в грубой, явно противоречащей нормам общественной морали и нравственности неприличной форме, наносящей в отдельных случаях дополнительно вред общественным отношениям, связанным с несением лицом должностных или иных властных полномочий.

Оскорбление может быть выражено вербальными (оскорбительными словами и выражениями), а также невербальными средствами (путем действий, жестов и знаков, являющихся оскорбительными). Спецификой рассматриваемого преступления будет являться ограниченность ряда условий.

Первым будет являться место совершения преступления – избирательный участок. Как правило, участковая избирательная комиссия располагается в здании общеобразовательной школы, с наличием поста охраны на входе. Контакт предполагаемого преступника с членом комиссии может произойти как на территории избирательного участка, так и за его пределами, в случае так называемого «надомного голосования» – голосования вне помещения для голосования.

Также к особенностям можно отнести и обстановку совершения преступления. По требованиям избирательного законодательства на участке должны присутствовать помимо кворума членов комиссии с правом решающего голоса также и наблюдатели. Они, как правило, присутствуют на всем протяжении дня голосования, продолжительность которого может быть установлена в несколько дней. Помимо наблюдателей в здании, где проводится голосование, находятся и представители правоохранительных органов, что в свою очередь позволит оперативно задержать преступника. Указанные выше обстоятельства указывают на большие возможности в сборе доказательственной информации о деянии путем сбора показаний свидетелей и потерпевших.

Отдельно стоит отметить наличие на участке для голосования средств видеофиксации процесса для голосования. В силу требований ЦИК России председатель участковой избирательной комиссии проговаривает вслух перед средствами видеонаблюдения начало и окончание избирательных действий (начало работы комиссии, выезд членов комиссии для надомного голосования, окончание дня голосования, начало подсчета и погашения бюллетеней). Также одним из требований ЦИК России является размещение схемы расположения основных объектов избирательной комиссии (расположение избирательной кабинки, урны для голосования, места выдачи бюллетеней).

Эти факторы должны способствовать более точному определению времени и обстановки совершения преступления. А схема расположения объектов должна помочь в установлении следовой картины происшествия и возможном расположении участников конфликта.

По данной категории дел необходимо использование ряда специальных знаний. Для определения понятия специальных знаний представляется весьма удачной дефиниция, данная профессором Е. И. Галяшиной [Галяшина 2022: 194]. Согласно ее определению, под специальными знаниями следует понимать «систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки, техники, искусства, ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки и профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе судопроизводства».

Специфика использования специальных знаний по делам об оскорблении членов УИК будет заключаться в особой обстановке совершения преступного деяния, а также в возможностях его фиксации и расследования. В основном для решения возникающих вопросов, связанных с установлением значения сказанного, будут необходимы специальные лингвистические знания. Например, для установления смыслового наполнения высказывания, его адресности и

неприличной или иной противоречащей общепризнанным нормам морали и этики формы. Также большое значение будет иметь установление коммуникативной ситуации общения, для квалификации деяния как оскорбления представителя власти необходимо наличие оскорбления в его адрес. В этом могут помочь средства фото- и видеофиксации. Они будут применяться специалистом или экспертом при изучении видео- и фотоматериалов, а также различных материалов с текстовой составляющей.

Следует отметить, что, согласно Постановлению ЦИК РФ от 20 декабря 2017 года N 116/943-7 [Постановление 2017], под видеозаписью понимается «запись изображения и звука, полученная со средства видеонаблюдения». Видеонаблюдение, состоящее из двух видеокамер, осуществляется в течение времени работы комиссии, в том числе и в ночное время. Каждая видеокамера оборудована картой памяти, которая может быть объектом экспертного исследования в рамках комплексной экспертизы видеозаписей с привлечением специалистов из области фоноскопии, видеотехнической экспертизы, а также лингвистической экспертизы.

Использование видеотехнических средств можно также рассматривать и с позиций общественного контроля за избирательным процессом. Видеозаписи всего дня для голосования могут быть продолжительностью свыше 14 часов, это может несколько затягивать процесс исследования такого объекта. Более подробно проблемы общественного контроля за избирательным процессом в России были рассмотрены в работах В. В. Гончарова [Гончаров 2021: 155–171], В. В. Гриба [Гриб 2015: 3–13] и многих других авторов.

Видеозапись с моментом оскорбления члена избирательной комиссии может быть использована для получения оперативной информации (для розыска по горячим следам), а также может служить доказательством по делу. Р. А. Кокорев и А. М. Кустов отмечают допустимость использования только тех средств для видеозаписи, которые имеют сертификат и знак соответствия определенным требованиям Федерального закона от 27.12.2002 № 184-ФЗ (ред. 23.12.2021) «О техническом регулировании» [Кокорев, Кустов 2018: 73–77].

Следует отметить возможность использования специальных знаний из области видеотехнической экспертизы. Она может быть использована для решения о наличии в представленном для исследования материале фактов изменения первоначального содержания, определения коммуникативной ситуации оскорбления (здесь речь будет идти уже о комплексной лингвистико-видеотехнической экспертизе).

Для установления фактов и обстоятельств, предусмотренных ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019), например события преступления (времени и места совершения преступления), специальные знания также могут быть применимы. Так, зачастую ближе к второй половине дня, количество свидетелей возможного преступления уменьшается из-за ряда факторов (отбытие членов УИК на «надомное» голосование, неформальный перерыв на обед у наблюдателей и членов УИК), в связи с этим появляется необходимость в оценке материалов, на которых зафиксировано преступное деяние, при помощи специальных знаний, теоретическая и практическая разработка которых приобретает с развитием технологий особое, эволюционное значение.

Таким образом, оскорбление сотрудников избирательных комиссий представляет собой специфичную разновидность оскорбления представителя власти. Расследование данной категории дел будет также иметь характерные особенности, связанные с особой обстановкой и временем совершения преступления.

Литература

- Адигамова Ю. И. Условия возбуждения уголовных дел в отношении отдельных участников избирательного процесса / Актуальные проблемы рос. права. - 2015. - № 2. - С. 108–114.
- Алиев Т. Т., Аничкин И. М. Правовой статус избирательных комиссий в Российской Федерации / Современное право. - 2012. - № 5. - С. 61–65.
- Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза. М., 2022.
- Гончаров В. В. Правовое регулирование института общественного контроля: международный и зарубежный опыт / Актуальные проблемы российского права. - 2019. - №10. - С. 155–171.
- Гриб В. В. Актуальные проблемы правового развития института общественного контроля в Российской Федерации / Конституционное и муниципальное право. - 2015. - №11. - С. 3–13.
- Дегтерев А. А. Избирательный документ как предмет преступления / Труды Института государства и права РАН. - 2022. - Т. 17. - № 1. - С. 222–234.
- Игнатенко В. В. Место и роль участковых избирательных комиссий в системе избирательных комиссий в Российской Федерации / Избирательное право. - 2013. - № 2(22). - С. 46–58.
- Кустов А. М., Кокорев Р. А. Проблемы применения видеозаписи при расследовании преступлений против личности / Труды Академии управления МВД России. - 2018. - №1 (45). - С. 73–77.
- Постановление ЦИК России от 05.12.2012 N 152/1139-6 "Об удостоверении члена участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса" (вместе с "Порядком изготовления и выдачи удостоверения члена участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса") / СПС КонсультантПлюс.
- Постановление ЦИК России от 20.12.2017 N 116/943-7 "О Порядке применения средств видеонаблюдения и трансляции изображения, трансляции изображения в сети Интернет, а также хранения соответствующих видеозаписей на выборах Президента Российской Федерации 18 марта 2018 года" / СПС КонсультантПлюс.

Смирнов С. А., Заболева М. В. Региональное законодательство и акты муниципальных органов власти в системе правового регулирования муниципальных выборов / Избирательное законодательство и практика. - 2016. - № 3. - С. 22-25.

Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" от 12.06.2002 N 67-ФЗ / СПС КонсультантПлюс.

References

Adigamova, Yu. I. (2015). Conditions for the initiation of criminal cases against individual participants in the electoral process. Actual problems of Ross. Rights, 2, 108-114 (in Russian).

Aliyev, T. T., Anichkin, I. M. (2012). The legal status of election commissions in the Russian Federation. Modern law, 5, 61-65.

Degterev, A. A. (2022). Electoral document as a subject of crime. Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 17, 1, 222-234 (in Russian).

Federal Law "On Basic Guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation" dated 06/12/2002 No. 67-FZ. Access from the legal reference system "ConsultantPlus" (in Russian).

Galyashina, E. I. (2022). Judicial linguistic expertise. Moscow (in Russian).

Goncharov, V. V. (2019). Legal regulation of the Institute of public control: international and foreign experience. Actual problems of Russian law, 10, 155-171 (in Russian).

Grib, V. V. (2015). Actual problems of legal development of the Institute of public control in the Russian Federation.

Constitutional and municipal law, 11, 3-13 (in Russian).

Ignatenko, V. V. (2013). The place and role of precinct election commissions in the system of election commissions in the Russian Federation. Electoral law, 2(22), 46-58 (in Russian).

Kustov, A. M., Kokorev, R. A. (2018). Problems of using video recordings in the investigation of crimes against the person.

Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1 (45), 73-77 (in Russian).

Resolution of the CEC of Russia dated 05.12.2012 No. 152/1139-6 "On the identification of a member of a precinct election commission with the right to vote" (together with the "Procedure for the manufacture and issuance of a certificate of a member of a precinct election commission with the right to vote").

Access from the legal reference system "ConsultantPlus" (in Russian).

Resolution of the CEC of Russia dated 12/20/2017 No. 116/943-7 "On the Procedure for the use of video surveillance and image broadcasting, image broadcasting on the Internet, as well as storage of relevant video recordings at the presidential elections of the Russian Federation on March 18, 2018". Access from the legal reference system "ConsultantPlus" (in Russian).

Smirnov, S. A., Zaboleva, M. V. (2016). Regional legislation and acts of municipal authorities in the system of legal regulation of municipal elections. Electoral legislation and practice, 3, 22-25 (in Russian).

Citation:

Спирев Д. В. Особенности использования специальных знаний по делам об оскорблении членов участковых избирательных комиссий // Юрислингвистика. - 2024. - 31. - С. 78-82.

Spirev D. V. (2024) Features of the Use of Special Knowledge in Cases of Insulting Members of Precinct Election Commissions. Legal Linguistics, 31, 78-82.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подстройка под письменную речь конкретного лица как один из видов маскировки

И. В. Огорелков

ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр»

ул. Нижняя Сыромятническая, д. 5, стр.3, 125032, Москва, Россия. E-mail: ogorelkov.69@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы диагностического автороведческого исследования текстов конфликтогенной направленности с целью установления подстройки под письменную речь конкретного лица. Кратко описываются основные виды маскировки (имитация авторства, искажение значимых особенностей идиостиля автора, подстройка под письменную речь конкретного лица, зашифрование значимой информации), способы их языкового выражения. Приводится конкретный пример автороведческого исследования конфликтогенных текстов с элементами маскировки (а именно подстройки под письменную речь конкретного лица).

Ключевые слова: маскировка письменной речи, речемыслительный навык, автороведческая диагностика, уровень грамотности, подстройка под письменную речь автора.

Adjustment to the Written Speech of a Specific Person as One of the Types of Disguise

I. V. Ogorelkov

State Budgetary Institution of Moscow "Moscow Research Center"

5 Nizhnyaya Syromyatnicheskaya str., building 3, 125032, Moscow, Russia. E-mail: ogorelkov.69@mail.ru

The article discusses the issues of diagnostic authorship research of conflict-related texts in order to establish adjustment to the written speech of a particular person. The main types of disguise are briefly described (imitation of authorship, distortion of significant features of the author's idiosyncrasy, adjustment to the written speech of a particular person, encoding of significant information), and methods of their linguistic expression. A specific example of an authorship study of conflict-prone texts with elements of disguise (namely, adjustment to the written speech of a particular person) is given.

Key words: disguise of written speech, verbal and cognitive skill, authorship diagnostics, literacy level, adjustment to the author's written speech.

Автороведческое диагностическое исследование относится к тем областям криминалистики, которые занимаются изучением различных проявлений навыковой деятельности. Предметом автороведческого исследования является проявление речемыслительного навыка. «Этот навык не относится к врожденным свойствам личности, а приобретает конкретным индивидуумом в процессе обучения соответствующим образцам и нормам, принадлежащим к различным сферам человеческого общения. В этом случае имеются в виду общепринятые нормы языка, речи и мышления, овладевая которыми человек вырабатывает умение понимать других людей и быть понятым ими» [Рубцова 2007: 12].

Речемыслительный навык автора отражается в печатных, устных, рукописных текстах, в том числе конфликтогенной направленности (объектах автороведческого исследования). В конфликтогенном тексте содержатся два вида информации: основная – о познаваемом объекте, дополнительная – об особенностях познающего субъекта. Автор текста не имеет четкого представления о передаваемой им дополнительной информации, при написании текста для него важнее описать конфликтную ситуацию, выразить свое отношение к ней. Однако достаточно часто дополнительная информация сознательно вносится в текст автором (в частности, при имитации авторства). «Такая информация не всегда носит объективный характер, она в достаточной степени осознается автором и может быть умышленно введена в текст в целях маскировки» [Огорелков 2020: 66].

В то же время источником дополнительной информации об особенностях идиостиля автора служат не только особенности содержательной стороны текста (которые легко подвергаются существенному искажению в целях маскировки), но и языковой стороны текста (информация языкового характера не осознается автором и не может в полной мере подвергаться искажению – только отдельные элементы лексической системы текста).

Таким образом, можно говорить о наличии двух типов структур, носителей дополнительной информации, содержащейся в авторском тексте: смысловых (формально-содержательных) и языковых (синтаксических, орфографических, лексических, стилистических, пунктуационных). Разумеется, неязыковые, смысловые структуры тоже выражаются языковыми средствами, но организация этих структур регулируется не нормами языка, а иными факторами, в основном социально-психологического характера (определенными этическими, эстетическими и другими нормами, принятыми в данном человеческом коллективе, свойствами личности автора и т. д.).

«При широком подходе лингвистическому определению понятия маскировки обнаруживается тенденция к опасному объединению в его рамках достаточно широкого круга разнородных языковых явлений, различных речевых стратегий, дискурсивных практик, приемов непрямо́й коммуникации, имплицитных способов передачи информации. В частности, «маскирующим» потенциалом обладают элиминация, эллипсис, умолчание, эвфемизация, намек, перифраза и другие. В то же время использование названных приемов необязательно предполагает реализацию коммуникативной установки на сокрытие информации и может быть обусловлено, как, например, в случае элиминации, принципом экономии речевых усилий. Таким образом, наличие в речи имплицитной составляющей не всегда является признаком маскировки, и при определении объема данного понятия следует руководствоваться функционально-прагматическим подходом, то есть ориентироваться в первую очередь на то, с какой целью было использовано то или иное речевое средство (речевой прием, способ передачи информации)» [Дайлоф 2019: 25].

Маскировка письменной речи – это сознательное изменение автором текста содержательной и языковой структуры письменной речи с различными целями, а именно:

- 1) скрыть от адресата и/или контрагента информацию о своей личности;
- 2) дать заведомо ложную информацию о своей личности;
- 3) дискредитировать автора первичного текста путем создания нового текстового продукта на основе существующего текста;
- 4) зашифровать значимую информацию путем замены (переименования) отдельных лексем произвольными словами и выражениями, понятными конкретному адресату.
- 5) осуществить уход от правовых рисков, в частности:
 - выдать передаваемую информацию за субъективное мнение автора, предположение (манифестация субъективности);
 - заменить прямые номинации на косвенные (затемнение референта);
 - нивелировать прямую грамматическую связь между конфликтным признаком и носителем данного конфликтного признака (разорванная предикация);
 - снять с себя авторскую ответственность за высказывание или ответственность источника информации (деавторизация);
 - предвосхитить возможные правовые претензии и предъявить защитный аргумент заранее (авторреабилитация).

Маскировку письменной речи как языковое явление можно разделить на четыре вида: 1) подстройку под письменную речь конкретного лица, 2) искажение значимых особенностей идиостиля автора текста (за счет снижения уровня грамотности, изменения уровня культуры речи, нейтрализации значимых характеристик письменной речи автора), 3) имитацию авторства (женщины, мужчины, лиц молодого, пожилого возраста, лиц конкретных профессий), 4) зашифрование значимой информации (кодировка денотата, сокрытие содержания коммуникации, нейтрализация конфликтогена в тексте).

Каждый в отдельности вид маскировки письменной речи обладает множеством способов выражения как лингвистического, так и формально-содержательного характера. Например, для искажения идиостиля автора за счет снижения уровня грамотности характерны следующие способы выражения: соблюдения и несоблюдения одного и того же правила орфографии, синтаксиса, исправление верного на неверное в плане орфографии, соблюдение более сложных для усвоения правил пунктуации и несоблюдение простых, даже элементарных правил, частые назойливые повторы одних и тех же слов при разнообразии прочей лексики и т. д.; для искажения письменной речи автора за счет нейтрализации значимых характеристик письменной речи характерно: доминирование стилистически нейтральных, общеобразовательных слов, однообразие лексических приемов при передаче эмоций, выбор из синонимических рядов наиболее простых форм, упрощенный характер конструкций.

«Подстройка под письменную речь конкретного лица представляет собой изменение автором отдельных смысловых признаков письменной речи, выделенных в тексте – источнике подстройки» [Огорелков 2020: 67]. Любой текст, представляющий собой продукт индивидуального творчества, несет на себе уникальный отпечаток личностных свойств его автора. В явном или завуалированном виде текст отражает отдельные признаки письменной речи автора, в частности смысловые и языковые. В качестве смысловых выступают признаки письменной речи автора, которые отражают содержащуюся в тексте фактическую, тематическую, автобиографическую информацию. Данная группа признаков легко распознаваема, легко поддается маскировке. Автору вторичного текста достаточно упомянуть несколько фактов, о которых шла речь в первичном тексте, привести некоторые фразы, особенно бросающиеся в глаза (в частности, возможно прямое или не прямое цитирование первичного текста). Установить

характер подстройки можно, только выделив языковые признаки письменной речи автора в первичном тексте и в тексте подозреваемого в проведении подстройки лица (вторичном тексте), проведя их сопоставительный автороведческий анализ.

Целью подстройки следует считать, во-первых, дискредитацию автора первичного текста путем создания нового текстового продукта на основе существующего текста, во-вторых, сокрытие истинного автора текста – участника коммуникации. «Причины указанных изменений могут быть различными – удивить собеседника в онлайн-общении, нежелание общаться от своего имени и пр. Однако наиболее опасная причина изменения речи заключается в попытке совершить правонарушение, скрыть его следы (например, от имени другого человека посылать письма с угрозами жизни и здоровью). В зависимости от причин меняется и сам механизм изменения – чем опаснее последствия от изменения, тем более продуманным и «неузнаваемым» становится текст» [Изотова 2020: 19].

Подстройка предполагает стилизацию под письменную речь конкретного лица посредством слов и выражений из первичного текста, цитирования его элементов, упоминания во вторичном тексте отдельных фактических или автобиографических данных автора первоначального текста. «Подстройка распознаваема, так как при ее осуществлении автор опирается не на цельную сложную схему – систему использования языка и осуществления речевой деятельности конкретным человеком, а на отдельные, наиболее ярко выраженные элементы этой системы, на которых делается акцент, а остальные элементы системы и взаимосвязи между ними утрачиваются» [Изотова 2020: 20].

В то же время существует множество языковых признаков письменной речи автора, которые не поддаются подстройке в полном объеме, в их системных взаимоотношениях. Отдельные элементы данной лингвистической системы признаков повторимы (иногда случайно) и доступны стилизации и заимствованию, однако система в полном виде остается уникальной для каждого автора. В тех случаях когда осуществляется сознательная подстройка под письменную речь конкретного автора, она может быть распознана и описана, так как автор при осуществлении подстройки опирается не на всю систему языковых признаков письменной речи автора первичного текста во всех ее сложных взаимодействиях и взаимозависимостях, а на отдельные, бросающиеся в глаза элементы этой системы, значение которых искажается (обычно преувеличивается), а связь с содержанием и пропорции соотношения с другими элементами системы нарушается.

Проиллюстрируем вышесказанное примером из экспертной практики. Рассмотрим пример подстройки под письменную речь т. н. «Черного Эмира» (текст № 1 первичный), выполненной с целью дать адресату и/или контрагенту заведомо ложную информацию о своей личности (текст № 2 вторичный).

Текст № 1

Прошу письмо читать одному. Ни говорите, что его не читали. Здравствуйте – дорогой друг. В первых строках своего письма хотим поздравить с Новым годом и пожелать всем счастья. Спешим узнать – как поживает ваша супруга и дети. Кажется с шоблонной частью письма закончили. А теперь немного о деле.

Пишет вам номер пятый. Дорогой мой гражданин хороший – мы думаем, что вы чуткий и умный, отзывчивый и добрый человек, поэтому рассчитываем, что вы откликнитесь нашей прозьбе и поделитесь с нами своим капиталом. Нам нужно всего 50000, с вашей стороны было бы смешно говорить что у вас их нет. Конечно грубо врывается в вашу тихую и скромную, спокойную и удобную жизнь требовать такую суму некрасиво и не культурно. Нам вполне понятны ваши чувства, обидно, только только и вот. Хотя все правильно почему бы и нет, мы не завидуем вам – мы гордимся вами. Единственный вопрос возникший у вас – кто мы. Мы – простые смертные. Кстати подумаем о самообороне. Подумайте – весьма интересный вопрос на повестки дня. Ваш сосед как раз занимается такими делами. Хоть он прикидывается таким просточком, таким скромным – что глаза ненарадуются смотря на него. А может вы пойдете не к нему, а да у вас ведь так много друзей в разных кругах населения. Конечно можете быть уверены, что года 2 будете в безопасности, а мы будем ждать пока страсти сильно кипевшие остынут, а потом успеем сделать свое дело. Короче делайте все что хотите. Но предупреждаем, в случае отказа или кто нибудь пострадает из наших в результате ваших глупых действий – ни кто, не поможет вам выжить. Пока мы просим. Но увы мой друг человек такое глупое существо, что когда говоришь по хорошему, он никогда не понимает. Поэтому не делайте так, что когда вы осознаете что все это серьезно, будет уже поздно. Спешу вас успокоить. Сколько бы наших не троните, и как бы вы поступите по отношению к нам, Супруга и дети – тронуты не будут, просим в этом не сомневаться. Мы думаем вам не нужно объяснять как можно подсунуть - яд. После смерти вашей – мы думаем супругу и детей подберет какой нибудь фраир, тем более 50000 останутся у ней. Поэтому мой друг не живите одним днем, проявите дальновидность, а деньги эти если будите живы и здоровы, вы без труда сможете возместить. Дорогой друг – этого времени достаточно чтобы построить нам капкан, но мы ещё раз даём вам возможность взвесить все за и против!!!

С уважением Черный Эмир.

Текст № 2

Здравствуйте – дорогая леди.

Это письмо написано лично нами. Никому не показывайте его, предупреждаем вас под страхом смерти. Теперь вас можно поздравить с удачным замужеством. Как светилось ваше лицо в момент свадьбы, какие красивые у вас были глаза. Мы искренне рады за вас и хотим, чтобы вы были счастливы в новой жизни. А теперь о деле.

С вашим бывшим мужем мы были хорошо знакомы. Он не отдал нам денег, мы уверены, что вы, как добрая и отзывчивая женщина, откликнитесь на данную прозьбу. Нам нужно 10000 долларов, эта не такая уж большая сумма денег. Не

надейтесь, что о вас забыли, вы в ответе за поступки своего муженька. Вы уже зрелая женщина, не делайте серьёзные ошибки и заплатите, сколько мы требуем. Спешим вас успокоить. Мы не станем убивать ваших детей, даём вам честное – честное слово. Вы, конечно, можете сообщить об этом письме куда следует, но тогда мы будем вынуждены принять меры. Человек становится грубым, когда с ним говорят культурно, и вы это должны, просто обязаны понимать. Нам, безусловно, не хочется вас обижать, о предупреждаем, что всегда можно – нужно отыскать способ помочь человеку перейти в мир иной. Как жаль, что ваш муж не внял нашему совету. Жаль, что из – за денег с одной милейшей женщиной может что – то случиться. Вот и все, что мы хотим сказать.

Низкий вам поклон.

С уважением Черный Эмир.

В результате сопоставления моделей речемыслительных навыков авторов первичного и вторичного текстов на предмет выявления комплекса совпадающих и различающихся признаков письменной речи было выявлено следующее. К числу совпадающих признаков относятся все смысловые признаки письменной речи. К числу различающихся относятся один из общих языковых признаков (наличие высокого/низкого уровня грамотности) и комплекс высокоинформативных синтаксических, лексических, стилистических, орфографических, пунктуационных признаков письменной речи. Таким образом, учитывая указанное соотношение совпадающих и различающихся признаков, можно сделать вывод о том, что автор текста № 2 не является автором текста № 1.

Учитывая полное совпадение смысловых структур текста, тот факт, что в спорном тексте имеются прямые и не прямые цитаты из текста № 1 (“А теперь о деле”/ “А теперь немного о деле”, “Спешим успокоить вас”/ “Спешу вас успокоить”, “Мы не тронем ваших детей...”/ “... дети – тронуты не будут...”, “С уважением Чёрный Эмир”/ “С ув. Черный Эмир”, “... откликнитесь на нашу прозьбу”/ “...откликнитесь нашей прозьебе”), а также то, что при наличии единственной одинаковой грамматической ошибки (“прозьебу” - “прозьебе”), все остальные сходные слова написаны по-разному (“здравствуйте”/ “здрасвуйте”, “сумма”/ “сума”), можно сделать вывод, что в тексте № 2 (вторичном тексте) имеются элементы подстройки под письменную речь автора текста № 1 (первичного текста). Подстройка проведена на уровне смысловых структур текста и не затрагивает синтаксический, лексический, стилистический, орфографический, пунктуационный уровень текстовых структур.

Разработанный метод автороведческого анализа материалов с элементами подстройки под письменную речь определенного лица позволяет с высокой долей вероятности выявлять подобные эпизоды в рамках экспертной практики, а в некоторых случаях восстанавливать подлинный стиль автора вторичного текста.

Литература

- Дайлоф Е. Л. О терминологическом смысле понятия «маскировка» в контексте судебной лингвистической экспертизы / Юрислингвистика. – 2019. – № 11. – С. 24–28.
- Доронина С. В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам / Политическая лингвистика. – 2015. – № 3 (53). – С. 245–249.
- Изотова Т. М. Намеренное искажение письменной речи как предмет автороведческого исследования / Юрислингвистика. – 2020. – № 17 (28). – С. 19.
- Литвинова Т. А. Установление в письменном тексте признаков намеренного искажения информации как одна из задач судебной лингвистики / Современное право. – 2016. – № 8. – С. 115–119.
- Огорелков И. В. Особенности диагностического автороведческого исследования анонимного документа на основании признаков, характеризующих имитацию авторства / Русский язык за рубежом. – 2020. – № 3.
- Осадчий М. А. К вопросу об оценке речевой тактики автореабилитации при производстве судебной лингвистической экспертизы / Теория и практика судебной экспертизы. – 2018. – Т. 13. – № 4. – С. 124–129.
- Плотникова А. М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики. Екатеринбург; Москва, 2017.
- Рубцова И. И., Огорелков И. В., Ермолова Е. И. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз. – М., 2007.

References

- Dailof, E. L. (2019). “Disguise” meaning in forensic linguistic expertise. *Legal Linguistics*, 11, 24–28 (in Russian).
- Doronina, S. V. (2015). Let`s agree, commander! The methods of discourse analysis in linguistic expertise of texts on anti-corruption cases. *Political linguistics*, 3(53) (in Russian).
- Izotova, T. M. (2020). Deliberate distortion of written speech as a subject of authorship ekspertize. *Legal Linguistics*, 17 (28), 19 (in Russian).
- Litvinova, T. A. (2016). Establishing signs of intentional distortion of information in a written text as one of the tasks of forensic linguistics. *Modern Law*, 8, 115–119 (in Russian).
- Ogorelkov, I. V. (2020). Features of diagnostic auto-editing research of an anonymous document based on signs characterizing the imitation of authorship. *Russian language abroad*, 3 (in Russian).
- Osadchiy, M. A. (2018). On the issue of assessing speech tactics of autorehabilitation in the production of forensic linguistic examination. *Theory and practice of forensic examination*, 4, 124–129 (in Russian).
- Plotnikova, A. M. (2017). *Conflict communication in the aspect of forensic linguistics*. Ekaterinburg; Moscow (in Russian).

Rubtsova, I. I., Ogorelkov, I. V., Ermolova, E. I. (2007). Integrated methodology for producing auto-editing examinations. Moscow (in Russian).

Citation:

Огорелков И. В. Подстройка под письменную речь конкретного лица как один из видов маскировки // Юрислингвистика. – 2024. – 31. – С. 83-87.

Ogorelkov I. V. (2024) Adjustment to the Written Speech of a Specific Person as One of the Types of Disguise. Legal Linguistics, 31, 83-87.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 28.03.2024 г.

Дата публикации издания 01.04.2024 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2024